
Россия, Русь! Храни себя, храни!

9
2017

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Юрий БАРБАШОВ. Расплата за украинство	3
Александр МОЛОТКОВ. Православный социализм как историческая перспектива	83
Александр ПЛАЩИНСКИЙ. Парадигма нового мирового порядка	139
Олег НЕМЕНСКИЙ. Русофобия — неотделимая часть западной идеологии	152
Валентина СЕМЁНОВА. Испытание историей	183

ПРОЗА

Нина БОЙКО. Дом на продажу. Роман. Окончание	11
Павел КРЕНЁВ. Сыновья вина. Рассказ	102
Игорь БЕЛКИН-ХАНАДЕЕВ. В васильковых даях. Рассказ	158

ПОЭЗИЯ

Вячеслав БОГДАНОВ. Дымок над отчим домом. Стихи. Предисловие Виктора Сошина	73
Андрей ГРУНТОВСКИЙ. На всю грядущую эпоху. Стихи	132

Татьяна БАШКИРОВА. На вечном распутье. Стихи	172
Марина САВВИНЫХ. Под музыку последнего Союза. Стихи	179
Стихи поэтов Донбасса	196

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Всеволод ТРОИЦКИЙ. Восстановить разрушенное филологическое образование!	209
--	-----

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Николай МЕЛЬНИКОВ, Валентин СВИНИННИКОВ. Об истинном воспитании и образовании	223
---	-----

УРОКИ ИСТОРИИ

Андрей ИВАНОВ. Путь праздного либерала	233
Владимир АНИЩЕНКОВ. Февраль 1917 года. Причины и последствия	244

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Евгений КУРДАКОВ. «Когда б не смутное влеченье...» ..	252
--	-----

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Михаил ДЕЛЯГИН. Дрейф к майдану	271
Владимир ОСИПОВ. Защитники пошлости и лжи	274

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

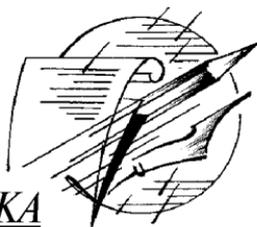
Людмила САТАРОВА, Наталья СТЮФЛЯЕВА. Свобода без креста (О революции в романах М.А. Шолохова «Тихий Дон» и «Поднятая целина»)	277
---	-----

РАСПЛАТА ЗА УКРАИНСТВО

В Мариуполе на кладбище Волонтёровка украинский нацистский молодняк испохабил могилы советских воинов, погибших в 1943 году, рунами и надписями «смерть врагам». В Киеве поглумились над памятником генералу Ватутину, повесив на него надпись «Палач, уничтоженный украинскими националистами».

Если у кого-то и есть основания считать Николая Ватутина врагом, так это у потомков гитлеровцев. Он командовал войсками 1-го Украинского фронта, которые освобождали Советскую Украину. Именно этому военачальнику по праву принадлежит заслуга освобождения от немецких захватчиков Киева, организации крупнейшего «котла» для гитлеровских войск под Корсунь-Шевченковским и ещё несколько наступательных операций, которые в конце концов привели к освобождению большей части территории Украины.

29 февраля 1944 года в лесах под Ровно машина генерала Ватутина была обстреляна, предположительно, одной из групп украинских националистов. В результате Николай Федорович Ватутин был тяжело ранен.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

До сих пор этот обстрел, виновников которого так и не удалось установить, является самой большой «победой» украинских пособников гитлеровцев за всё время их существования. Желаящих приписать себе славу убийства знаменитого советского генерала среди бандеровцев оказалось так много, что следственные органы так и не смогли выяснить, кто же на самом деле стрелял в кортеж Ватутина. Как видим, их прямые и идейные наследники гордятся этим диверсионным актом до сих пор.

Обстоятельства, при которых машина командующего фронтом Ватутина в преддверии наступления поехала по неразведанному маршруту и попала в засаду, до сих пор окутаны мраком тайны. Смерть Николая Фёдоровича от гангрены не в госпитале, а в квартире председателя Совета Народных Комиссаров Украинской ССР Никиты Хрущёва остаётся одним из самых тёмных и неисследованных эпизодов в истории Великой Отечественной войны и в биографии самого Хрущёва. Связь Никиты Хрущёва с украинским националистическим движением, а также истинные причины, побудившие его освободить бандеровцев из мест заключения, что впоследствии послужило залогом нацистского реванша на Украине, вызывают больше вопросов, чем уже возможно найти ответов. В период пребывания у власти на Украине и в СССР Никита Сергеевич подчистил из архивов и досье все сведения, которые могли бы пролить свет на эти исторические факты.

Но если люди, освободившие Украину от немецко-фашистской оккупации, являются для украинских националистов врагами и «палачами», значит, сами эти националисты считают себя сторонниками гитлеровцев. И это является неоспоримым историческим фактом.

Украинская национальная идея с самого своего зарождения базировалась на двух неразрывных постулатах — вырвать Украину из-под влияния России и передать в качестве колонии «цивилизованному» европейскому народу. С этой целью политическая партия под названием «украинцы» и была организована в Австро-Венгрии в 1890 году.

Власть украинских националистов Центральной Рады была установлена на территории Украины в 1918 году немецко-австрийскими оккупационными войсками. У немецких генералов, чьими стараниями появилось на свет первое «украинское» государство — Украинская Народная Республика, хватало цинизма довольно откровенно высказываться о своём участии в этом процессе и о роли Украины в качестве колонии.

Воюющей Германии позарез нужен был хлеб. С этой целью Россия была расчленена по результатам «Брестского мира», и наиболее хлебная её часть перешла под контроль Германии с целью банального грабежа.

Даже саму Центральную Раду — то самое «правительство», по приглашению которого немецкие войска и пришли на Украину, немцы, не стесняясь, разогнали через два месяца, так как она не контролировала самостоятельно ничего на территории Украины, не обладала боеспособными войсками и не могла обеспечить главную потребность оккупантов — ограбление Украины, экспроприацию хлеба и угля, необходимых Германии. Украинские националисты, как и задумывалось, стали удобным инструментом для того, чтобы придать этой откровенной оккупации вид хоть какого-то приличия и законности.

Именно в этот период название русофобской националистической партии Австро-Венгрии и стало «национальностью» — несмыслаемым клеймом, которое насильно нанесли, взамен исконного русского имени, на южных русских как обозначение права европейской, а точнее — немецкой собственности. Раз «украинец» — значит, не русский, а если «украинец» не русский, то и Малая Россия, вместе с Киевом, «матерью городов русских», уже не русские. А чьи? Ну, не украинские уж точно! Не по Сеньке шапка. А тех, кто эту идею и принёс на землю Малороссии на своих штыках.

Заслуга спасения и развития украинской националистической идеи после разгрома в Гражданской войне целиком и полностью принадлежит большевикам и В.И. Ленину. Именно по его настоянию в состав новообразованной Украинской Советской Социалистической Республики были включены земли Новороссии. Ведь одновременно с УНР на этих территориях были образованы Одесская и Донецко-Криворожская республики, которые выступали за вхождение в состав Российской Федерации. Однако Ленин решил, что русскоязычный пролетариат должен привить коммунистические идеи буржуазному украинскому крестьянству и для этого должен сам украинизироваться и стать украинцами. По инициативе и усилиями именно коммунистов, предложивших украинским нацистам идейный союз, на протяжении 20-х и 30-х годов проходила насильственная украинизация русскоязычных городов Украины, насаждение чуждого польского суржика, привезённого из Галиции и объявленного для всех украинцев «рідною мовою».

Оглушительный идеологический провал коммунистов по выращиванию отдельной от русских украинской нации стал понятен уже в середине 30-х годов. Из уродливого монстра украинской национальной идеи, не содержащей в себе изначально ничего, кроме иррациональной, дикой животной ненависти ко всему русскому, «советское украинство» получалось с трудом. Даже периодическое «прореживание» слишком рьяных украинских национальных деятелей не помога-

---

ло. Потому что идейная основа украинского национализма, быстро обратившегося в подлинный нацизм, состоит в отрыве этих земель от Москвы и передаче их Европе. И никогда эта идея не менялась.

Особенно отчётливо это проявилось при немецко-фашистской оккупации Украины. Украинские националисты вновь были использованы оккупантами как орудие для идейного обоснования этой оккупации, как каратели для подавления любого сопротивления, как палачи для проведения геноцида евреев и цыган, как местная полиция для борьбы с партизанами.

Если отталкиваться от фактов, то в отношении реализации планов преобразования Советской Украины в немецкую колонию под названием «Великая Украина» украинские националисты были не просто союзниками гитлеровцев, а самими что ни на есть рьяными гитлеровцами. Украинская национальная идея изначально для этого и создавалась и поддерживалась всеми врагами России и Советского Союза.

Вот только бороться с этой идеей даже после разгрома третьего рейха советская власть уже не могла. Так как сама встала целиком и полностью на её сторону. Советские органы оказались густо пропитаны украинскими националистами. Сразу после окончания войны первоначальный ужас от совершённого бандеровцами и полицией на территории Украины не позволял оставить их преступления без возмездия. Однако всего лишь через десять лет Никита Хрущёв выпустил бандеровцев из лагерей, и украинская национальная идея снова ожила. Только уже не в схронах, а в идеологических отделах коммунистической партии Украины.

После поражения коммунистической идеи все советские и партийные органы Украины и даже органы безопасности оказались заполнены украинскими националистами. Они не просто без сопротивления приняли бандеровский идейный переворот. Ради сохранения власти они его возглавили и стали основными его деятелями. Советский период существования украинского национализма лучше всего и показывает его идейную суть, чуждую нуждам развития украинской культуры, языка и национального чувства. Т.н. «украинство», а на деле украинский сепаратизм и будущий украинский нацизм, всячески выпестывалось и поощрялось коммунистической властью как в Киеве, так и в Москве.

Не считаясь с мнением народа, — поощрялось превалирование украинского языка над русским. В ущерб историческим фактам через украинские СМИ внедрялась идея отличия украинского народа от русского. Была удалена даже надпись с памятника Богдану Хмельницкому о том, что поставлен он в благо-

---

дарность от «единой неделимой России». Название «малоросс» объявили ущербным, оскорбительным, а всякое упоминание о территории Украины как об изначальной России из учебников вычеркнули. Книжки на украинском языке — пожалуйста. Даже в ущерб здравому смыслу. В количествах, во много раз превышающих потребности украиноязычных читателей.

Однако, как говорится, не в коня корм. Потому что украинский национализм выступал на самом деле не за украинский язык и не за украинскую культуру, а против всего русского. Как волк смотрит в сторону леса, так украинский националист всегда смотрел в сторону Европы. Оторвать всё что угодно от России и принести в зубах европейскому хозяину — было, есть и будет основополагающей идеей украинского национализма. Ничего иного за этой идеей не стояло с момента её появления. И даже российские украинофилы, типа Драгоманова или Кулиша, познакомившись с украинским национализмом на его родине, в Галичине, были вынуждены признать, что ничего, кроме дикой русофобии и отделения Украины от России в пользу европейских колонизаторов, украинская идея в себе не заключает.

Вышиванками, чубами, бандурами, веночками и глечиками эта идея всего лишь прикрывает интересы европейских завоевателей и с их помощью приобретает поделщиков и соучастников из числа номинальных «украинцев» — тех, кому клеймо «украинец» было прилеплено националистами и закреплено несколькими поколениями украинской националистической коммунистической власти.

И подумать не мог Пантелеймон Кулиш, выдумывая упрощённую письменность для облегчения первоначального обучения чтению и письму крестьянских детей, что работает в пользу создания отдельного от русского украинского языка и народа. На пользу европейским колонизаторам — извечным врагам этого народа. Когда же понял — покаялся, но поделывать уже ничего не мог.

Сегодня, осквернив памятники советским воинам, украинские националисты объявили себя гитлеровцами! А генерала, освободившего от гитлеровцев Украину, назвали «катом» — палачом. Таким образом, в глазах всех окружающих народов они объявили гитлеровцами и всех украинцев. И заявили об этом от имени всех украинцев. И даже от имени тех, чьи деды лежат под этими могильными камнями.

Происходящее сегодня с Украиной после националистической «революции гидности», с её экономикой, промышленностью, ресурсами и даже образованием — является точной реализацией плана европейской колонизации, немецкой оккупации, пресловутого плана «Ост», гитлеровского проекта «Великая Украина».

«Позвольте, но ведь были же другие украинцы, — скажет читатель. — Да и сейчас есть, наверняка. Нормальные, не большие на голову. Помнящие, на какой стороне и за что сражались их деды в Красной Армии и чтящие их память».

Конечно, были и есть. Вот только украинские националисты не зря начали свою деятельность на Украине с того, что заменили имя всех малороссов и русинов кличкой немецких рабов — «украинцев». И отныне все, кто так себя называет, вольно или невольно оказываются их союзниками и соучастниками.

Поэтому все «украинцы» — и ветераны Великой Отечественной войны, и их дети, и внуки, и потомки павших в ней героев — безропотно смотрели, как спускается флаг Советской Украины, а вместо него поднимается флаг Украины бандеровской. Четверть века всего лишь они тихо и недовольно роптали, глядя, как топчется память о Войне, об Украине советской и восхваляются бандеровцы. И в конце концов допустили к власти настоящих, идейных, сознательных «украинцев», знающих прекрасно, зачем всё это было, начиная с изобретения самого этого названия. И теперь украинцы — все до единого, кто носит это имя — несут ответственность и за то, что произошло с их страной, и за действия украинских националистов.

И от украинцев на самом деле зависит, останется ли в истории украинский народ со звериным оскалом бандеровских карателей над трупами замученных и одним-единственным «удачным» выстрелом в советского генерала или с улыбкой советского солдата на руинах рейхстага. Потому что если ты не способен чему-то сопротивляться и вынужден жить среди всего этого, то становишься вольным или невольным его сторонником и соучастником.

Слишком долго украинцы позволяли говорить и действовать от своего имени украинским националистам. Слишком долго украинцы по паспорту, по названию, по убеждению мирились с существованием националистов на своей земле и старались не замечать их идейных испражнений. Вот и оказались в одной упряжке вместе с ними. И теперь придётся нести за это ответственность — отвечать десятилетиями нищеты, позора и презрения со стороны окружающих народов.

Могилы советских воинов и памятник освободителю Украины украинские гитлеровцы испохабили именно потому, что тогда, в 1990-м, все, кто называет себя украинцами, кому дорого это название, ничего не сделали, чтобы этого не допустить. И так как сделать это оказалось некому, то теперь придётся отмывать имя «украинец» от того, что с ним сделали украинские националисты. Или оставить его, поруганное, таковым навсегда.

По последним данным Всемирного банка Украина оказалась единственной страной в мире, чья экономика не выросла, а снизилась за последние 25 лет. И это является всего лишь частью расплаты за т.н. «нэзалэжность» и за торжество украинской национальной идеи. Остальное — ещё только впереди.

Можно помнить о Сидоре Ковпаке, украинцах — героях Советского Союза, но нужно помнить и о том, что страна, за которую они воевали, СССР, объявлена сегодняшней Украиной и от имени всех украинцев — «оккупантом». Флаг этой страны был спущен в 1991 году, и никто ни за него ни за ту страну не заступился. Их родина, отвоёванная славными советскими прадедами, разрушена, обесчещена и отдана на разграбление потомкам побеждённых европейских оккупантов. Память о подвигах и свершениях советских украинцев истоптана, оболгана, полита грязью потомками идейных украинцев — гитлеровцев.

Теперь символика, под которой советские украинцы победили в 1945 году гитлеровских оккупантов, на Украине законодательно запрещена. И тех, кто посмеет выйти с этой символикой 9 Мая на праздник Победы, у памятников «победителям» будут поджидать потомки и последователи побеждённых — настоящие, живые бандеровцы и гитлеровцы. В наше время — не побеждённые. И для всех, кто этого до сих пор не понял, у них припасены «коктейли Молотова», топоры и ножи. И других украинцев их стараниями для всего мира больше нет. Теперь для всего европейского мира украинцы — это те, которые вешают на шею памятника победителю гитлеровцев генералу Ватутину плакат «палач». То есть те, какими при их создании они и были европейцами задуманы. Какие только и должны остаться на этой многострадальной земле.

Памятники они опаскудили именно для того, чтобы россияне, посмотрев очередные новости из Украины и увидев, как гадят советские памятники от имени всех украинцев, в очередной раз плюнули и сказали: некого и нечего там спасать. Украинским гитлеровцам очень нужно, чтобы те, кого нужно спасать, потеряли последнюю надежду на спасение и помощь и перестали сопротивляться. А ведь спасать пока еще есть кого — тех, кого никак не дорежут, не добьют, не дождут украинские националисты.

И когда жители России выйдут в очередной раз 9 Мая праздновать Победу дедов и прадедов над гитлеровцами и в бессчётный раз повторять: «Я помню, я горжусь!», славя мирное небо над головой, неплохо было бы, чтобы они помнили и о другом: в эту самую минуту, совсем рядом, в городах-героях Киеве и Одессе и на не покорившемся оккупантам Донбассе за то же

самое непобедимые украинские гитлеровцы убивают людей. И каждый пусть решает для себя, может ли он этим гордиться, глядя в глаза героических предков в строю «Бессмертного полка».

Да, спасти на Украине, конечно, есть кого! Только ради чего? Ради независимой от России нацистской Украины? Ради обеления названия «украинец», который не русский?

Кого, кроме украинских граждан, должна заботить честь Украины? Честь, которая уже давно находится в руках украинских националистов, ставших откровенными нацистами...

Вот поэтому других украинцев, кроме гитлеровцев, на Украине теперь официально вроде и нет. А если и есть, то скоро не будет. Слишком грамотно их уничтожают, начиная с самого появления украинской национальной идеи и насильственного переименования в «украинцев» русских малороссов и карпатских русинов. Слишком жирный кусок в очередной раз схватили в пасть европейцы и очень боятся снова получить по зубам от России...

Поэтому они будут «зачищать» свои «стратегические территории» от «неправильных украинцев», не стесняясь с методами, руками украинского же зверья, что и делают вот уже четвертый год. И одновременно руками тех же украинских националистов — возбуждают в россиянах отвращение и ненависть ко всем украинцам и ко всем жителям Украины, чтобы и мысли не возникло в очередной раз их освобождать. Потому что освободить украинцев от украинцев — это бред и абсурд. А вот русских, малороссов, русинов избавлять от столетнего украинского ига — уже другое дело. Правое.

На наших глазах — третья попытка захвата Украины хозяевами украинского национализма — европейцами. И они, европейцы, надо заметить, с успехом извлекают пользу из уроков истории. По крайней мере, впервые за сто лет власти европейских оккупантов держится на Украине не на штыках иностранных оккупационных войск. В этот раз оккупация осуществляется силами самих украинцев — выроdkов и предателей, выращенных на этой земле в течение одного века. Выроdkов, своими руками оторвавших от России и передавших европейским грабителям свою страну. Собственными руками истребляющих не согласных с этим. Как и было изначально задумано. С момента официального провозглашения их «национальной идеи» и появления «украинцев» в парламенте Австро-Венгрии в 1890-м году. Там же, где за год до этого родился и сам Адольф Гитлер.

ДОМ НА ПРОДАЖУ

РОМАН

18

Накануне Елизавете Александровне позвонил Бурцев, пригласил на море. Жена его отдыхала в Гаграх, а сам он всё лето просидел в горкоме: первый секретарь уехал лечиться, передав ему дела.

— На море, на море, Лиза! Скоро осень, а я всё за шторами.

— Когда? — спросила она.

— Прямо сейчас, продукты я заказал. За тобой подъедут.

Славецкая провела ладонью по лбу, вздыбив волосы. Провести три дня с Бурцевым — на это нужны силы! «Надо было ехать в Ялту, — обозлилась. — Ремонт этот проклятый! А потом лень напала. Вот «отдыхай» теперь!» Но когда за ней подкатила машина, она была уже одета, причесана и улыбалась очень приветливо.

Горкомовская спецгостиница находилась между городом и Переправой, там, где автомобильная трасса делала петлю, оставив близ моря небольшой участок земли. Ожидая Елизавету Александровну, Бурцев

Окончание. Начало в №7-8 за 2017 г.

ПРОЗА

успел выкупаться и стоял теперь, перекинув через плечо полотенце. «Господи!» — в который раз содрогнулась Славецкая, увидев его тело при ярком свете: дряблое, особенно руки, не знавшие физического труда.

— Жарко, Лиза, — шагнул к ней Пётр Лукич. Не стесняйся шофёра, поцеловал. — Беги переоденься да окунись. Чем занималась сегодня?

— Ничем особенным.

— Ладно. — Он по-отечески проводил её в дом.

Славецкая уже бывала здесь. Большой вестибюль с антресолю, бильярдная, столовая и буфет, спальня, комнаты. Никогда в этом доме не собиралось больше десяти человек, и было непонятно, для чего же такая роскошь? «Свою» комнату Елизавета Александровна знала. Сразу прошла туда. Двухспальная кровать, трельяж, шкаф, несколько картин. Всё под инвентарными номерами. Она переоделась и встала перед зеркалом. Хороша! Не Бурцева бы сюда, а Васю Жильцова! Но нет, нельзя. Бурцев её горб до конца жизни. Елизавета Александровна сейчас не вспомнила, что её феерическая карьера — это тоже Бурцев.

Купальник у неё был сверхмодный: когда намокал, на нём появлялись цветы; высохнув же, становился ярко-сиреневым, однотонным. Жильцов удружил. «И перед кем я в таком купальнике?..» — усмехнулась.

Море она любила. Особенно в прибой, когда кидают волны. Сейчас оно было спокойным, и Елизавета Александровна легла на спину, не шевеля ни ногой, ни рукой. Отдыхала. Тихие облака плыли над её головой, летали мартины. Елизавета Александровна прикрыла глаза, ей не хотелось выходить из воды, где на берегу топтался Бурцев, чтобы сказать давно набивший оскомину комплимент: «Лизонька, ты совершенство!»

«Это не человек! Это — дятел!» — поражалась она.

И время потянулось для неё, как для больной: как-нибудь, как-нибудь... Перемочь, перетерпеть...

Однако её терпения Бурцеву оказалось на этот раз мало, он требовал ответной страсти, и Елизавета Александровна, изображая страсть, бесилась: «Хоть бы ты подох, плебей!»

В понедельник утром, глядя на её набрякшие подглазницы, на ненависть во всём теле, которую она уже и скрыть не могла, Петр Лукич раздвинул губы:

— За всё лето мы с тобой насладились, Лизонька.

А дома её ждало письмо от мужа.

— Бандеровец он! Я что говорил! — бесился дед Александр. Жилы на шее вздулись, каждая стала в два пальца толщиной.

— Ты покушай, — уговаривала его Фрося, — Да разуйся, ножки-то притомил.

Дед скинул башмаки.

— Па-асека у него там. Пчѐ-ёлы! Мѐд будет качать, как же. Ждут тебя на пасеке! — Тапки, оказывается, надел не на ту ногу, поменял местами. — Добить их надо было, гадов!

— Бога побойся! — отшатнулась Фрося. — Он же зять твой. Пушай живѐт, коли захотелось дома жить. Какая жись у него тут была? Ты же знаешь.

— Он зять? Проходимец этот? Наскрозь я его видел, наскрозь! Примазался к Лизке, а не она бы — в помойке рылся! — со зла дед наговаривал на Августа что попало.

— Угомонись, тебе говорю, што ты! Бог тебя накажет!

— Бо-ог? Где он?

— Есь!

— Уйди лучше! Уйди, или я тебя расшибу!

— И уйду!

— И уйди!

Фрося ушла.

Старик достал бутылку водки, выпил полстакана. Голодный желудок обожгло огнѐм. Сел, обалдело уставившись на муху, ползавшую по столу. Муха, быстро перебирая лапками, добралась до его руки и пребольно укусила.

— Брысь! — откинул он её.

Однако муха оказалась настырной и снова полезла в том же направлении. Старик изо всей силы трахнул по ней, и со стола слетела тарелка с салатом.

— Сволочь ты, Фроська! — Нижняя губа у деда запрыгала. — Хочешь, чтобы всё по-твоему было! — Вскочил, поскользнулся на растительном масле и упал. Этого ему хватило. — Эх, вы-ы!.. — перешѐл на обвинение всех и вся. — Ненавидите меня?..

Он пил редко и если напивался, то не иначе как «с большого горя» и до бесчувствия.

Встал, налил полный стакан и, когда выпил, стал припоминать все оскорбления, нанесѐнные ему Фроськой, Лизкой, бездушными внуками и зятем. Хотелось сейчас же рассказать кому-то, как за его старания ему же делают гадости. «Лизка дом на себя переписала. Умер бы — переписывай! Ждѐт моей смерти. Они все ждут моей смерти! Ждите, недолго осталось!»

И он решил всех от себя освободить. «Повешусь. Живите и радуйтесь!»

Насколько он знал, люди, которые добровольно уходят из жизни, оставляют записки. Пошарил на припечке, нашѐл

химический карандаш, которым подписывал адреса на почтовых ящиках, отправляя в Углеуральск рыбу взамен на маринованные грибы. Бумаги чистой не оказалось, пришлось писать на той, в которой была завернута колбаса.

«Я ва...» — рука не повиновалась, к тому же бумага жирная; и все-таки, исключив карандаш, он нарисовал: «Я вам не нужен. Умираю. Александр».

Сильно запахло гарью. По кухне пополз жирный коричневый дым. Дед заозирался: в кастрюле на электроплитке выгорали остатки супа, который Фрося ставила разогревать.

— Тра-авят! Родные тра-авят! — завопил он, хоть видел прекрасно, что никто не думал его травить, и был ещё в памяти, чтобы не понять, в чём дело.

Елизавета Александровна прибежала на крик, оценив обстановку сразу.

— Чего раззевался? Не травят тебя, суп сгорел, — выдернула штепсель из розетки.

Не отвечая ей, дед затолкал штепсель обратно. Стал рвать на себя оконную раму.

— Дверь открыта! Иди в дверь! — Дочь оттаскивала его от окошка. И всё равно он изловчился. Пока она выдергивала шнур, уже сидел в куче песка, привезённого для подсыпки дорожек.

— Подлец! Подлец! — шипела Елизавета Александровна.

Старик выкарабкался из «песочницы». Прошагал к веранде, сдернув с гвоздя верёвку.

— Я ва-ам!.. — Его кидало во все стороны. — Пусть вам стыдно будет, а мне не хрен стыдиться!

— Спятил? — уцепилась за него дочь.

— Не нравится?

Всхлипнув, Елизавета Александровна убежала в дом.

— Не нравится, да? — продолжал старик. — Смеяться надо мной нравится? Отравить захотели? Не дождётесь, когда сам подохну?..

Он уже шагал через улицу к дому Фроси; бабки со скамеек во все глаза таращились на него. Недолго думая, он повернул к ним.

— Шарاپовна, — обнял безобидную кругленькую Шарاپову. — Я никому не нужен, сейчас повешусь, — показал верёвку. Судорожно хлебнул воздух, и Шарاپова задрожала: губы, язык, зубы соседа были фиолетовыми!

— Йок, Шура... Барасын... — пролепетала она. И вдруг разразилась целой тирадой на родном языке.

У Фроси во дворе бегал огромный кобель. Он знал старика. Но теперь, смущенный отвратительным запахом, рыкнул и единым махом распустил ему штаны от карманов до пят.

На смертный вопль сожителя пришлёпала Фрося.

— Неймётся? Иди спать! Ишь, развезло!

Но дед Александр, хорохорясь, наматывал верёвку на шею, уже не помня, зачем надо, чтобы верёвка была на шее.

— Ты что, ты что? — отняла её Фрося.

Не успев наговорить ей «любезностей», он сел, где стоял, и закатил глаза.

Елизавета Александровна не ждала дочь. Поморщилась, увидев напуганную Ольгу. Приступ у неё кончился, лишь распухшие веки говорили о том, что она сильно плакала.

— Мама! — в замешательстве Ольга шагнула к дивану, на котором, словно от рези в животе, скорчилась мать. — Ну, чего уж так убиваться?

— Я не убиваюсь.

— Да... Но...

Елизавета Александровна отвернулась.

Причину неприязни к старшей дочери она могла бы выразить одним словом: стыд. И даже не потому, что от Ольги не спрячешься, не схитришь: обмануть её невозможно, рано или поздно она начнет доискиваться до сути и доищется, — а почему-то ещё.

Потоптавшись возле матери, Ольга пошла во времянку. Дед уже пришел в сознание, лежал на постели и был не в духе. Ольга присела у порога на табурет, но тут же в ее тело впились шипы! Это был знаменитый табуретик. Когда трёхлетняя Вера капризничала, дед разрешал ей вколачивать в сиденье гвозди, оно ершилось от шляпок разных калибров.

— Да когда ты выкинешь его?! — чуть не заплакала Ольга.

— Это Верочкин. Я тебе не велел на него садиться. Это память о Верке: остается она на Украине.

— Кто? Ей ещё десятый класс заканчивать!

— Облапошили. Они умеют. Даром, что ли, поляки? Знаю я их.

— Нагадали козе смерть, — буркнула Фрося. И поделилась с Ольгой своими опасениями: — Я, Олюшка, боюсь, что здесь ещё похлеще будет. Предчувствую я.

— Нет, Фрося, хуже уже не будет.

Фрося вздохнула:

— Ты-то как? Ты давно не приезжала.

— Хочу на работу выйти.

— Денег не хватает?

— И денег тоже.

Фрося стала собирать на стол. Разлила молоко по кружкам, нарезала хлеб, поджарила яичницу. Ольга лишь теперь

почувствовала голод и вспомнила, что после «садов» даже не умылась. Взяла полотенце, вышла во двор. Солнце уже ослабело, жары не было, ровное тепло разливалось на клумбы, кусты и грядки, и Ольге вдруг страшно захотелось вернуться сюда!

Горло сдавили слезы. Не было ни правых, ни виноватых, а только судьба, или, может быть, взрослая жизнь. Вернуться бы в детство, где мир был так ясен и где совсем не было холодов. Ведь это уже во взрослой жизни начинаются холода, и начинаются они с сердца, потерявшего опору. Кидает человека то вправо, то влево за какой-то даже не мечтой, а картинкой...

Фрося дважды выходила звать её, а Ольга не могла сдвинуться с места. Вот тут, именно тут были холмики — накрытая и до поры до времени заброшенная земля. По ним стелился вьюнок. Такие же холмики были в Углеуральске, но мрачные, коксовые, а здесь... здесь всё было светло! Это был её, Ольгин мир! Её детство начиналось отсюда!

— Иди, остынет! — рассердилась Фрося.

— Ах, бабушка, как тут хорошо!

— А коли хорошо, так переезжай и живи; не гляди на мать, она-то ни на кого не глядит, делает, как ей надо.

— Не смогу я.

По улице промчался мужик на лошади.

— Это кто? — удивилась Ольга.

— А прибудился. В цыганский табор. С младенцем прискакал из станицы, с женой поругался. Так и задувает тут, как жеребец по полю, а за ребёнком цыганки доглядывают.

Ольга засмеялась.

19

На другой день Ольга пришла в свой ясли-сад.

— Выйду на работу, но как-то бы сына пристроить? — попросила заведующую.

— Пристроим.

Но ещё три недели свекровь задерживала Ольгу. Придумала ремонт, и она не посмела отказать. Шесть окон с двойными рамами и надрамниками. Ольга висела на одной ноге, опираясь на кирпичи наоконника, в любой момент рискуя сорваться вниз. «Молодец!» — хвалил её Шурик, у которого к тому времени уже появились симптомы белой горячки: его зазывали ангелы, угрожая отдать Сатане, если не полетит с ними, и однажды он увидел, как на стену заползло слово «смерть», и с него капала кровь.

Каждое окно Ольга красила, мыла и натирала до блеска. И было обидно, когда муж, проходя с компанией мимо дома

попить у моря пивка, тыкал пальцем в неё: «Вон как моя жена старается!»

Не отдохнув от окон, взялась за потолок. Колченогий столик, на нём табурет, на табурете Ольга с ведёрком эмульсии, подвязанным к шее. Торопилась. Вставала чуть свет, чтобы за день успеть пробелить в комнате на два раза, переставить мебель, вымыть полы. Свекровь ходила возле неё и придиралась, выводя из себя.

И никто не думал, как устали у неё руки, спина; никто не жалел, когда по ночам скулила, переворачиваясь с боку на бок или укладывая руки так, чтобы не было больно.

Избавившись, наконец, от ремонта, потащила сына в поликлинику на анализы. Волокита оказалась страшная. Сдавали, пересдавали... И очереди неизбывные. Однажды у лаборатории скопилось человек двенадцать. Худой мужчина нервно ходил по коридору: было видно, что загнала его сюда крайняя необходимость.

— Пап, папа! — дёргал его мальчик лет четырех. — Пап, скоро?

— Ты загляни в дверь, может, врачиха уснула.

В этот момент въехал на слоне сын Ольги.

Над большой игрушкой слоном Ольга трудилась полгода. Сама платформу делала и арматуру крепила. Ручка была позади слона, так что Андрей персидским шахом предстал перед народом.

— Какой роскошный! Где продают?! — Ольгу окружили.

— Сама смастерила.

— Сама-а?! Быть того не может!

Ребятишки уже лезли к слону, но Андрей визгом прекратил посягательства.

— Вот умелица-то! — подлетел к Ольге беспокойный мужчина. — А какие еще мастерите игрушки? Для кукольного театра не пробовали? Где вы работаете?

Он так домогался ответа, что Ольга выложила ему всё.

— находка вы моя! — Он схватил её за руку. — Идите к нам работать? Идите, а? Я директор Дома культуры; все для вас сделаем, всем обеспечим...

— Да ведь у меня диплом методиста-дошкольника.

— Не нужно специального образования! Талант нужен! — Директор понял по-своему. — Я уговорю завком, я вас своим замом сделаю. А то присылают этих тупоголовых из ВПШ или как там его... Высшая школа профсоюзов. Им ничего нельзя доверить, погубят. Сейчас вот от одной такой избавился, я вас на её место...

Ольга взмолилась:

— Я подумать должна.

— Не торопим, не торопим! — Он вырвал из записной книжки листок, что-то начеркал на нём и подал. — Вас как зовут? Совсем я упустил. Надо же, самое главное упустил!

Их разговор был прерван: подошла, наконец, очередь. Директор с сыном скрылись в кабинете, и Ольга прочла на листочке: Григорий Яковлевич Воронихин. И номер телефона.

Сын Воронихина, так рвавшийся в кабинет, теперь орал оттуда не своим голосом; с воем и вышел, держа вытянутым безымянный палец с прилипшей к нему ваткой.

— Ты мужик или кто? — дал ему подзатыльник отец. — Мне бы хоть все пальцы искололи, я бы не заревел. Я жду вас! — махнул он Ольге.

Дети в коридоре перепугались. Андрюшка не хотел в кабинет, и Ольга его насильно втащила.

— Не бойся, — не то успокаивала, не то приказывала. — Тётя добрая, поглядит на твой пальчик, подует на него...

Но когда «добрая» тетя пребольно уколола палец, Андрей взвыл пароходной сиреной. Выл не столько от боли, сколько от предательства, и Ольга долго объясняла ему, что иначе никак не возможно, иначе его не возьмут в ясли, где много маленьких детей, и они его ждут.

Сын не унимался, и она вывела его на улицу.

— Ну что ты, родной мой? Ну? Ведь не больно уже?

И тут увидела Олега Петровича. В белом халате, лёгкий, стройный, он шёл к ним.

— Здравствуйте! — просияла Ольга.

— Здравствуйте, Оля! Ты чего? — Бурцев взял Андрея на руки. — А-а, палец укололи. Противная штука. Но ты терпи, ты же мамин сын, а мама у тебя терпеливая.

Ребенок помигал размокшими ресницами и затих, с любопытством разглядывая незнакомого мужчину.

— Как дела? Как здоровье? — спросил Ольгу Бурцев.

— Всё хорошо. Андрюшку в ясли устраиваю, а сама на работу.

— А где Верочка? Давно её не видел.

— Уехала на Львовщину.

— Понятно... — Олег Петрович простился: дела ждут.

— Давай к морю прокатимся? — Ольга усадила Андрея на слона.

Погода стояла дивная, совсем не похоже было, что скоро осень. Об осени говорили только арбузы и дыни горой у павильонов «Овощи-фрукты», да курортников в городе поубавилось.

Море было отсюда близко. Ольга с Андреем пересекли улицу и свернули на дорогу, в конце которой виднелись плавни и взявшийся метелками камыш.

На полоске степи с верблюжьей колючкой и пожухлым цикорием, который уже облепили улитки, Ольга раздела сына, и Андрей прямо в сандалиях пошлёпал к воде.

— Эй, друг! — кинулась она за ним. — Утопишь сандалии, что делать будем?

В первый год её работы в детском саду так и случилось. Заменяла воспитательницу и, не зная, чем развлечь трёхлеток, повела их к морю. И уж тут они — кто «плавал», кто брызгался, кто башмаки по воде пускал... Человек пять вернулись в детсад босиком.

Сын улётся животом в воду, затем перевернулся на спину, изображая сонную рыбину, каких видел в корыте — отец приносил. Потом его заинтересовали кулички-долгоносики, удившие с песчаного бугорка, потом стайки мелких рыбок, гревшихся у кромки воды... Наигравшись, вернулся к матери.

В Дом культуры Ольга пришла после обеда. Школьницей она бывала здесь: занималась в детском секторе в двух кружках; в одном шили кукол, в другом водили в походы. Речка Сержа, куда забралась однажды, до сих пор оставалась в памяти. Сколько в ней раков было! Вёдрами варили. Ночевали в поле. Колос сжат, солома сметана. Ольга держала на ладони тёплое пшеничное зернышко, и казалось, в этом зернышке древняя тайна, определяющая мир.

Обрадованный директор готов был показать ей всё сразу: цирковую и драматическую студии, балетный класс, оркестр...

— Порой, знаете, как завидую людям без творческой колотушки? — изливал перед Ольгой душу, — Отработал смену, и сам себе пан. А тут... по башке да по башке! Да ещё радуешься, что бьет: живешь, значит! Творишь! Бывает, изолжусь весь, а потом от злости и сделаю. Представляете, какую силу имеет злость?

— Я боюсь, что не справлюсь с таким сложным хозяйством, — усомнилась Ольга.

Это её признание привело его в полный восторг.

— Умница вы моя! Как же вы хорошо сказали: «Не справлюсь». Эти, которых мне присылают из ВПШ, ни разу мне так не говорили, они хоть с чем справятся. Я их пуще холеры боюсь! А вам сказать, на кого замахнулись наши театралы? На самого Пушкина!

*Огню любви единственно преграда
И прелестей единственный покров,
О, юбка! речь к тебе я обращаю,
Строки сии тебе я посвящаю,
Одушеви перо моё, любовь!*

— Эти строки написал мальчик! Мальчик четырнадцати лет! Гениальный Саша Пушкин! Поздеев играет монаха. Поздеев моя находка! Вы пока не ходите на репетиции, на премьеру придите, когда и костюмы, и свет — всё будет. Ведь там Молох, черти...

Администрация механического завода, которому принадлежал Дом культуры, недолюбливала Григория Яковлевича за суетливость, но ценила: таких организаторов днём с огнём поискать. Самой большой страстью Воронихина была драматическая студия, и с ней он носился как с писаной торбой. Случалось, что и ночью звонил кому-нибудь из друзей, делиась восторгами, хотя, конечно, попадало за это: «Что у тебя за привычка звонить по ночам?! По ночам только собаки общаются!»

— Я вам, Ольга Августовна, выпишу две контрамарки, скоро придет рок-группа «Пётр Янчерский и братство». Честно сказать, ни Пётр, ни братство меня не интересуют, но молодежи жаждет...

— Спасибо, Григорий Яковлевич, — Ольга поблагодарила от всей души.

20

Приехала Вера, не предупредив ни телеграммой, ни даже письмом: просто остановилось у дома такси, и из него вышла статная девушка. Дед Александр в это время оглядывал сад: ветвигнулись под тяжестью слив, яблок и груш, но убирать урожай было некому: дочь пребывала в депрессии, Ольгу не позовешь — своих дел по горло, Августа с Верой нет. «Надо сделать вот что, — придумал он, — выйти на пляж и сказать курортникам, чтобы забирали бесплатно». И только представил, как обрадуются курортники, как повезут, призначательные, фрукты к себе на север, так сразу мысль его полетела на Урал. Там сейчас картошку копают. Большое-большое поле, железнодорожная линия перед ним, народ с тачками, мешками, вёдрами. «Бог в помощь, сосед!» — «Бог в помощь!» Тепловоз протащит цистерны с метанолом, воробьи подерутся в кустах... И поле на целый мир!

Он очень тосковал по Уралу. Порой без снов видел сны. Уставится в одну точку и забудет, где он. Тайга. С клюквой, брусникой, рыжиками, с охотничьими тропами, болотами, с глубокой, сладостной тишиной... А снега-то, снега какие! Горстями бы ел!

— Я старый, мне домой надо! — Он уже сидел на грушевом комле, на котором кололи дрова.

Если бы дед Александр мог выразить то, что бродило у него в голове, то получилось бы так: «Человека рожают не только

отец и мать, но и земля. И какой бы суровой ни была уральская земля, она всё равно первой придёт к тебе на помощь, и никакую другую ты не увидишь во сне с такой любовью».

На крыше сарая чета сорок устроила гнездо между пустыми бочками. С весны дед наблюдал, как дрожали супруги над своим единственным чадом: то и дело таскали для него мух. Потом, в июле уже, стали учить летать: спихивали его с сарая, а он голосил и упирался. Когда полетел, началась другая забота — чтобы недалеко! Рванёт подальше — мать ему наперерез, загоняет на крышу.

«Ты погляди, как у них все по-людски-то! — поражался дед Александр. — А у нас? Ольгу выкинули из дома, Август сбежал, Верка то ли вернется, то ли нет. Какая вот она мать, Лизка? Хуже сороки! Платье у ней за триста рублей! А больше-то ни черта нету!»

Рядом торчал абрикос, от старости изогнувшийся удавом, — на его суках Фрося сушила банки. «Вот взять тебя, зараза, и повесить вверх ногами на этом абрикосе!» — послал дед Александр дочери.

— Дедушка!.. — окликнула его Вера.

Старик от неожиданности вздрогнул. Вскочил. И сразу заплакал.

— Где ты была?! Не ждал уже... Почему отец твой так поступил? О-хо-хо, всё кувыркком! И мать на работе.

— Иди, я подарки вам привезла. — Вере было очень тяжело. Не представляла, что скажет матери, как вообще посмотрит ей в глаза. Ведь не отговорила отца, а, наверное, должна была отговорить.

Дед Александр остался у сарая, не проявив к подаркам ни малейшего интереса. Он боялся за внучек. Что с ними будет? Жизнь-то, она видишь, какая: сегодня так, а завтра — и не поймёшь что. Пока разбираешься, голову ломаешь, а уже не голова сломалась, а вся жизнь. Вот и надо, чтобы здесь порядок был, не допустить разор хозяйства, чтобы, случись что у Оли с Веркой, обогреть их. Эх, кабы дом-то этот не в Серженске, а на Урале был! Народ там хороший, простой. У Грязевых дед работал на конном дворе, чинил сбруи лошадям, а детям всей улицы обувь. И за починку не брал. А здесь мужики здоровые не работают: на рынке сидят, за копейку давятся. Да и сам он торгует рыбой.

«Дурак, дурак! — проклинал себя. — Бабе поддался!»

И вдруг старика встряхнуло. Он вдруг понял, что во всём виноват он один! Ни жена, ни дочь, ни Август, а он, он! Это случилось еще на фронте, когда...

Дед Александр часто называл свою жену Зоей. Всего одну ночь он провёл с санинструктором Зоей. Это случилось в со-

---

рок третьем, в апреле, он возил на «ГАЗ-АА» запчасти в ремонтные мастерские. А в ту поездку направили его в штаб армии. И навязали ему попутчицу. Темнело, когда он увидел тачанку. Свернул с дороги — в тачанке могли быть диверсанты. Местность была дикая, кочкастая, словно огромными копытами истоптанная. Выждал время, рванул вперед, и к ночи добрались до разрушенного села. И вот тут-то он впервые за свою жизнь полюбил, да так, что и поныне снилась ему санинструктор Зоя!

А в ту ночь он побоялся сказать ей свой адрес. О дочери, о Лизе думал: жена писала: топить нечем, ходят с Лизой на железнодорожные пути, подбирают куски угля, просыпанные с вагонов. Он в яви видел, как семилетняя Лиза тащит на загорбке мешок!

Вернулся в Углеуральск в сорок шестом, контуженный. Сколько было сил, старался для Лизы, а она себялюбкой выросла. А надо бы остаться с Зоей и помогать жене и дочери, и всё бы по-другому вышло!

— Ну што ты, как на поминках, сидишь? — неслышно подойдя, укорила его Фрося.

— О-й, Фроська... — Дед ещё не вернулся в действительность.

— Не надо, Саша, не изводись. Чему быть, того не миновать. Верочка-то какая красавица стала! Пошли, Саша...

Старик повиновался. Но во времянке сразу лёг на кровать. В окно — солнце факелом. Дед попросил, чтобы Фрося закрыла ставни. «Как быть-то теперь, как быть? — Думы его перебивали одна другую. — Ольгу бы позвать, чтобы жила тут: мыкается девка в чужих людях. Лизка не захочет. Дом забрать? Чтобы не Лизка хозяйка, а он: ведь это он дом строил! Судиться замучаешься».

Голова шла кругом.

...Горел дом в Виноградовке. Горел страшно! Густо-красное пламя без малейшего оттенка хлестало полотнищем, а над ним трубой — дым! Трещало, ухало, как в войну, и дед Александр забежал в высокую каморку. Там он на четвереньках поднялся по стене к потолку и завис. И вдруг жуткое лицо перед ним! «Вера!» — заорал он и проснулся.

— Сгорел, как свечка, — рассказывала о ком-то Фрося.

Оказывается, он дремал всего минуту.

Елизавета Александровна не сомневалась, что Вера вернется. Но — какая? Не станет ли ей врагом, как Ольга? Снова и снова она принималась спорить со старшей дочерью:

«Государство — вот кто играет краплёной колодой! Разве не видела я, что в рабоче-крестьянском государстве терпеть не могут крестьян и рабочих? Что творилось в Углеуральске? О баснословных шахтёрских заработках слагались легенды, а получали шахтёры за свою подземную каторгу ровно столько, чтобы концы с концами свести. Потому и пили. Попробовать бы не пить, когда ежедневно неприкрытая ложь о равенстве, братстве да о том, что каждому по труду...

А в Серженске? Перед кем только не приходилось мне унижаться, когда строили дом! Да, не захотела я быть шмакодвяжкой, продалась Бурцеву. А Бурцев... продался своей жене.

Но если я виновата перед тобой, отчего не винишь отца? Он никогда не пытался взвалить семейную ношу на свои плечи. Его устраивала роль чистенького при грязненькой жене!»

Однажды Елизавета Александровна почувствовала, что, если не перестанет думать о муже и Ольге, её разобьет паралич. Пусть живут, как хотят! Кончилось — и кончилось. Она ещё не старая, еще сложится жизнь.

Звонку Веры она обрадовалась. Почти не слушала её лепета, оправдывающего отца.

— Все хорошо, Вера, не переживай. Я купила тебе красивое платье, оно в шифоньере, примерь. Скоро в школу, давай уж готовься... — И когда положила трубку, долго еще улыбалась.

В дверь поцарапались. Вошла бухгалтер Богатова. Эта женщина, с нахальством и изворотливостью панельной шлюхи, была ненавистна Славецкой, но... Славецкая от неё получала энные суммы, и приходилось терпеть, приходилось даже заступаться за Веру Сергеевну, как минувшей весной, когда у Богатовой оказалась недостача, и она ахнула недостающую сумму на работающих пенсионеров.

Вера Сергеевна принесла гроссбух, и они с Елизаветой Александровной углубились в цифры.

22

В Верочке еще всюю бушевали свобода и лето, а надо было сидеть за партой и учить уроки. Одноклассники изменились за лето, особенно мальчики: они как-то вытянулись, построинели, и отношение к девочкам стало нежнее и строже. Только Сергей Виллье почему-то не изменился. На первой же перемене он протянул ей треугольный конвертик. «Записка, что ли?» — развернула Вера и вдруг с визгом отпрыгнула в сторону. Ребята всполошились: кто там? На полу скакала пуговица с прдетой в неё и раскручивающейся резинкой.

С этой пуговицы всё и началось: на уроках — хихиканья с Сергеем, после уроков — прогулки с ним же. Бродя по городу и беспечно размахивая портфелем, Вера восторженно рассказывала об Олесе, Яне... Сергей летом побывал в Ленинграде, и ему тоже было о чём рассказать.

— Петр юный — красавец, но больше ничего. Петр до Полтавы — взгляд неуверенный, лицо обыкновенное. И только после Полтавы — царь! Это я в Эрмитаже подметил. А в кунсткамере, Верка, сплошное варварство, но народу!.. Слушай, почему люди так жестокое любят?

За разговорами они не замечали происходящего вокруг. А между тем жёлтые пятна осени уже расползались по городу. Слетали с веток сухие листья, последней нежностью одаривали цветы, ласточки сбивались в стайки и кружили над родными гнездами.

Нагулявшись, Вера шла к Ольге на работу, потом в Виноградовке каталась на лодке с Петькой и Славиком — к урокам её не тянуло.

— Что ты городишь? — с трудом выдерживала её ответы преподаватель истории и однажды в сердцах вставила за дверь.

Сергей из солидарности тоже вышел. Спел у порога:

*Зачем нам учиться,
Коль мало мы живём?
К чему нам стремиться,
Коль всё равно помрём?*

— Иди, иди! — проводила его историчка, — Клоун!

В коридоре, прислонясь к стене, Сергей громко возмущался:

— Заложница, дери её куры! Нужны ей эти съезды. Они ей так же нужны, как мне мухи под майонезом.

— Я сама виновата. — Вера ни на кого не хотела перекладывать своей вины. — Надо было хоть перед сном прочитать.

— У Янчерского штаны обалденные, я иззавидовался.

— Как ты ора-ал! — напомнила она. — Неужели действительно понравилось это «Братство»?

— А где бы я еще смог поорать? Я разряжался. Кстати, «Братству» того и требовалось: разрядить публику.

— А мне противно было. Особенно когда Янчерский расхвастался, что ему в Чикаго кожаные штаны подарили.

Но и о «Братстве» говорить не хотелось...

— Приходи к нам вечером?

— Приду. В шесть?

— Да хоть во сколько.

После уроков Вера отправилась к Ольге.

— Ты обедала? — спросила сестра.

— Ну...

— Пошли в кабинет, чаем напою.

Поставила самовар, но зазвонил телефон: профком завода требовал план сценария, посвященный празднованию Октябрьской революции.

— Что, прямо сейчас? Хорошо, я подъеду.

Ольга постоянно была в круговерти, но не тяготилась ею. Даже нравилось, когда, замотанные работой, после долгого дня шли они с Григорием Яковлевичем домой, и он с удивлением восклицал: «Надо же! Земля-то движется всё с той же скоростью».

Вера осталась одна. Намазала маслом батон, заварила чай. «Надо рассказать Ольге, как дед меня замуж собирал», — вспомнила своё препирательство с дедом.

«Накоплю тебе, Верка, денег на приданое!»

«Меня, бабушка, замуж не возьмут».

«Будешь вертеть башкой, так не возьмут, а если остепенишься...»

«То можно надеяться?»

— За Виллье бы выйти замуж, вот бы дед «обрадовался»! — засмеялась Вера, доставая из шкафа посуду.

Окно затягивала муть, обещая дождь. Когда в Сокале шли дожди и Вера из-за непогоды сидела дома, Олеся утешала её: «Дождь будет або три дня, або девять дней, або три недели. Я в Святую книгу смотрела».

«Что они там делают? — думала. — Папка, наверно, в шахматы играет с дядей Вацеком, а Олеся опять какой-нибудь фантик ловит вместо птицы».

Напившись чаю, достала учебник: надо же исправлять двойку по истории. Но и прямая необходимость не заставила её учить урок. «Какая белиберда! — листала страницы. — Где мне это пригодится?»

Уронила голову на книгу и уснула.

Несколько раз звонил телефон — Вера не слышала. Проснулась — сама.

— Ого! — глянула на часы. К Сережке же надо!

Сергей показывал ей свои новые работы. Их было много, каждая по-своему хороша. Очень понравились Вере пыльное окно с геранью, пучок колючек, обрызганных мелким цветом, закат над морем. Но особенно — «Без вести пропавший», небольшая картина маслом, журавлиная жалоба над земным шаром. Верочка знала, что дед Сергея в Отечествен-

---

ную войну пропал без вести, что был он француз и что прадед Виллье, отец Сережиного деда, работал до революции инженером на одном из уральских заводов.

— Хорошо как. И грустно, — призналась она.

— Понимаешь, я уяснил одну штуку. Я не должен подбирать краски, они должны жить во мне. Ну, представь: видишь забор. Его можно изобразить двумя шлепками кисти, а я ду-умаю: как надо? И смешиваю краски, и вижу, что не то, переделываю... Буду поступать в художественное училище, иначе век придётся изобретать велосипед.

К ним подошёл Владимир Степанович.

— «Клёны» твоего отца, Вера, у меня из головы не выходят. Как он, не зная законов живописи, смог их написать? Безупречная гармония! Или действительно прав Сережка, что всё дело в таланте?

Старый акварельный рисунок отца Вера привезла в Серженск, похвасталась перед Сергеем. Тот ухватился за него и унёс домой.

— Конечно, — ответил Сергей, сразу позабыв об «изобретении велосипеда». — Бог как положил человеку на душу, так он и спел.

Вечер обещал быть приятным, но тут явилась подруга хозяйки, Ия Густавовна, женщина лет сорока с живыми глазами. Сергей её терпеть не мог. Она обобщала Гогена и Ван-Гога в «Вангоген», и делала это не по ошибке, а специально. Странно сочетались в ней нерусское происхождение и ревнивая любовь ко всему русскому. О Крамском, Саврасове она могла слушать часами, часами смотреть их картины, но стоило Сергею заговорить о «закордонных», как на Ию Густавовну нападало тихое бешенство. Она не читала переводных книг, даже «Сага о Форсайтах», которую рекомендовала ей подруга, не вызвала доброго чувства. «Зачем мне чужое? — дёргалась она. — Я ещё свое не всё знаю!» Елена Родионовна пыталась доказать ей, что, не познав чужого, не оценишь и своего, но Ия Густавовна не слушала.

— Вдоль моря прошлась, — заговорила она. — Отлив. Дно оголилось, рыбы скачут. А вы слышали новость? Жильцов из Германии не вернулся.

— Что-о-о? — вытаращил глаза Владимир Степанович. И окликнул жену, которая хлопотала в кухне. — Лена! Ты слышишь?!

— Кто-то чушь сморозил!

— Никакая не чушь. Все туристы вернулись, а его нет.

— Ну и Бог с ним!

Всем, вроде бы, стало наплевать на заведующего торговой базой, и всё же известие нарушило душевный покой: как-то

помимо воли вставало перед глазами умное лицо Жильцова, его вальяжность. Чего вдруг в ФРГ захотел? А как теперь его семья?

— Говорят, у него имелись материны драгоценности, хранились в Германии. У его матери фамилия Зальцзейлер. — сказала Ия Густавовна. — Бесятся люди из-за денег!

— Да ну их к чёрту! — войдя, сказала Елена Родионовна и, отыскав бобину с импровизациями Саши Субботы, поставила на магнитофон.

За музыкой не сразу расслышали звонок в прихожей.

— Ба-а! — развёл руками Бурцев, увидев Веру. — Совсем невеста! Сколько же мы не виделись?

— Много, — Вера почему-то сконфузилась.

С появлением Олега Петровича все повеселели, он тоже задорно и много шутил, поглядывая на Веру. В его взгляде была настойчивость, и сердечко Веры то вспыхивало, то замирало.

Поздно вечером Бурцев подвёз ее домой, признавшись по дороге:

— Однажды подумал о тебе: не девочка, а облачко, безмятежное и всегда само по себе.

— В упор-то у Виллье поэтому смотрели?

— Поэтому.

— Какой-то вы сегодня... — Вера напустила на себя недовольство, но из машины, когда подъехали к дому, выпорхнула счастливая.

23

По отъезду дочери в Августе что-то сломалось. Тяжело было и пусто. Радостный настрой, не покидавший его до этого, улетучился, всё стало выглядеть будто с изнанки. Ещё недавно умилялся дружной семье Вацека, где и он был равноправным членом, а теперь казалось, что — лишний, что убрата свои заботы. Перешёл к теткам: они отвели ему комнату в два окна, с большой изразцовой печью.

Погода стояла тёплая, но уже наступила осень, а с конца октября здесь начинали топить по-настоящему. У тётушек был небольшой запас угля, однако они справедливо опасались, что его может не хватить и до Нового года. Олеся поведала, как в прошлом году из-за нехватки угля она простудилась и болела сильно.

— Треба ехать в Червоноград на шахту, покупать уголь, або все выйрем! — закончила.

Червоноград от Сокаля недалеко, но отпрашиваться с работы Август не решался: время напряжённое, уборка сахар-

---

ной свёклы. Даже Парася помогала колхозу, за что её ласково называли «комсомолочкой».

Елизавета Александровна выслала мужу личные вещи, военный билет, выписку из домовой книги и трудовую книжку. Август хоть за это был ей признателен: набегалась по конторам. Работал он на машинном дворе, чинил технику. Поначалу было тяжело, и ему помогал Иван, муж Марыси. Он не испытывал неприязни к Августу. Что же, что смолоду любилась с Марысей? Все любят, да не все женятся.

— Скорей надо, — подгонял механик.

— Куда скорей? — огрызнулся Иван. — Не видишь, це гробы?

Однажды провозились до темноты. Прибежала Марыся, принесла ужин. За ней — Оксанка.

— Чи сказылась? — отчитал её Иван. — Чи мы две недели тут?

— Так як же, як же, — тараторила Оксанка, — чоловік не жинка, долго терпеть не может. — И стреляла глазками в Августа.

— Всё, Август, — хохотнул Иван. — Пропал ты. Така пиявка не отстанет.

— А чога ж? — Оксанка подбоченилась. — Я не стара, не карпата, Август мужчина гарный... Бачь, сколько наших дивчат за ним очи пелят! Мне поспешить треба.

Она уселась возле них, взяла у Августа лампу-переноску, но Иван прогнал:

— Геть, бо из-за тебя руль к тормозам привинтим.

Когда колхоз закончил со свёклой, Август привёз теткам уголь и смог пойти в лес.

— Напасем грибов, зимой як барсуки будем, — пообещал.

Год действительно был урожайным на грибы. У Ганны в кухне, нарезанные ломтями, они висели на шпагате под потолком, Парася сушила иначе: низала целиком на прутья и вставляла прутья в горшки.

Август помнил в своем лесу каждый ручеёк, каждое деревце, он и входил в него по знакомой просеке. Мягкая земля под ногами. Вправо и влево дубы. Солнце щедро светило, словно для того, чтобы всё Август увидел: и пичужку на тонюсенькой веточке, и поздний цветок.

Но изменился лес, что говорить. Вот здесь он был редким, а теперь — не пройдёшь. Да и поляны уменьшились, сузила их молодая поросль. Однако любимый свой дуб Август увидел сразу — он по-прежнему стоял богатырем и не подпускал к себе молодняк. Август запрокинул голову, долго смотрел на гордого красавца, и дуб, словно почувствовав, что пришел тот, кто думал о нём, зашелестел листвою.

Вечность минула с тех пор, когда приходили они с Марысей к этому дубу! Белая блузка на Марысе, расшитая красным и чёрным: червоне — любовь, чорне — журба. У них была любовь, только любовь! Август смешил подружку, крикая по-утиному: нравилось, что Марыся смеётся. Вместе слушали говорок ручья, приникали к нему губами, любуясь крохотными гейзерами со дна. Домой Марыся несла фиалки.

— Фиа-алка! — улыбалась. И в этом названии цветка, произносимом ею нараспев, было столько нежности, что Августу хотелось плакать.

Воспоминания оказались непосильными. Август свернул с тропы. Здесь стволы берёз тянулись к небу. Берёзы уже пожелтели, обнажились у стволов и походили на китайские фонари. Что ж, время тому. И вдруг Август ахнул: да это же тот самый «детский лес»! Выросла-то как малышня! Бывало, преобразённые снежной зимой, играли эти «дети» в переодевалки, и весело Августу было среди них!

Он сделал шаг поглядить стройную, высокую берёзу, но его шлепнула по лицу молоденькая берёзка — без него уже родилась и выросла. Ах, шалунья, овечка белая! Август расстрогался, расстроился; расстроившись, вспомнил о Вере, мысли смешались, действительность ушла в прошлое, спутав географическую карту.. И вот он уже ехал за Соликамск в тайгу, с холодного неба свисал дождь. Но дальше на север становилось светлее, и, наконец — сияние облаков и солнце над незабудковым полем. Обманчивое внутреннее зрение, выгнув землю полушарием, опустило Августа на берег Северного Ледовитого океана, и там, среди замшелого ягеля, он увидел церковь: на её колокольне росла берёза.

— Ой!

Август тоже едва не вскрикнул.

Из рук Марыси выпала корзинка. Он торопливо стал подбирать грибы. Марыся тоже зашарила в траве. Их руки суетились, боясь нечаянно коснуться одна другой.

— Здравствуй... — наконец сказала Марыся.

— Здравствуй...

— У меня в детсаду твои рисунки, я их в рамки вставила.

...То утро было ясным, как венчальное колечко. Марыся первая отыскала гриб и сразу — белый! От радости целовала его и кружилась по поляне. Почти такой же теперь лежал сверху в её корзинке.

Марыся торопилась говорить, глаза её не смотрели на Августа, он тоже чувствовал себя как в ловушке; в памяти всплыло так много сразу, одно перечеркивало другое, вызывая страдание, — казалось, ни тот, ни другой не обрадовались встрече.

— Не слухай меня, Август, — вдруг всхлипнула Марыся. И... как в омут головой: — Меня, Август, батько замуж пропил.

Всего ожидал Август, только не этого! Значит, потому пой-мала его, когда, истерзанный, убежал с её свадьбы.

— Иванко хороший, он не забижае... — Марыся вытерла слёзы.

Ей многие женщины завидовали, говорили, что у неё есть всё: муж и дети, и дом полная чаша. И она соглашалась: «Всё у меня есть». Но прибавляла мысленно: «Любви нема». За-муж за Иванко вышла, а думала об Августе. Боялась своих дум и оправдывала их: «Могла бы забыть, давно бы забыла». И жалела, горько жалела, что обвила шею Августа поздно. До свадьбы надо было: закинуть руки ему на плечи, сцепить замком и не отпускать!

— Ты, Август, помнишь, как мы слухали тишину?..

— Всё помню, Марысенька...

«Чего же ты ждал, не сватался? — кричало её сердце. — Посватался бы, так батько б не придумал меня пропить!»

«Така дивчина, а ты мух ловил!» — слышался в ушах Авгу-ста голос брата.

— До дому идём? — спросила Марыся. Но спохватилась: — У тебя же грибов нема.

— Какие мне грибы сейчас...

Она насильно переложила в его корзинку половину своих.

Шли до ростани, где лесная дорога расходилась на три стороны: в Жвирку, в Сокаль и ещё куда-то. Оба понимали, что прошлое не вернуть. И, однако же, оно было, было! Иначе почему так ужасающе-больно стучат их сердца!

Дома Август ничком упал на кровать. «Где есть счастли-вые люди? Нету их!»

...Он не спал, это было в яви. Настолько в яви, что смог бы сто раз пересказать. Он был у Марыси, хоть никогда к жен-щинам не ходил и к себе не водил. *Дома* не было, а была ткань, лёгкая и неброская, как лес перед заходом солнца, но это был *дом*, и Август знал, что он — Марысин. И Марыся кричала: «Одни! Никого нет, мы с тобой одни! Ты слышишь? Ты слы-шишь?!» А он целовал её лицо, такое ненаглядное, любимое, и оторваться не мог, и ничего не слышал.

24

О бегстве Августа Алевтина Владимировна узнала по чистой случайности: сотрудники разговаривали в коридоре, а она подслушала. Вот так! Теперь Славецкая совсем обнаглет!

Возвратясь с работы, она, как всегда, приготовила ужин, дождалась Петра Лукича и за столом выложила ему всё.

Ожидала раскаяния, извинений, но он спокойно поел, прополоскал рот и пошёл в зал, где уселся напротив телевизора с таким видом, словно жена обвиняла не его, а постороннего человека.

Алевтина Владимировна считала, что не заслуживает такого отношения к себе. Восстанавливая в памяти годы, прожитые с Бурцевым, она не находила, за что ею можно было бы пренебрегать. Всегда она была внимательна к нему той спокойно-расчётливой внимательностью, которую так ценят мужчины: не ущемляя личной свободы, но умело держа поводья.

— Объясни, пожалуйста, — встала перед ним, заслонила экран, — в чем моя вина? Ведь в измене супругов виноват не тот, кто изменил, а тот, кто подтолкнул его на этот шаг!

Пётр Лукич нехотел вспомнить, что в молодые годы в любую жару она надевала по трое тёплых рейтуз, дабы скрыть полное отсутствие у себя женских прелестей.

— Мумия, — процедил он сквозь зубы и отвернулся.

— Что ты сказал? — не расслышала Алевтина Владимировна.

— Что я должен сказать?

— Ты должен ответить мне честно!

— Что?

— Твое положение в обществе обязывает тебя быть примером нравственности, вот что!

— Давай не будем про это.

— Но что мне делать теперь, а?

Она села в кресло и стиснула виски.

— Тебе ли не знать, как я старалась для тебя? Ты помнишь, каким ты пришел из армии и куда ты пришел?

Он всё помнил. Аля в то время работала в отделе кадров рыбзавода, директором которого был её отец. В квартире у них одна комната была её, и Аля на свои деньги обставляла комнату модной мебелью: родителей мебель не интересовала, они сутками пропадали на работе.

К замужеству она готовилась ответственно, просчитав все возможные причины расхождений между супругами и все возможные способы их устранения. Она была старше Бурцева на четыре года, но не допускала мысли, что, вернувшись из армии, он не женится на ней. Приезжала к нему в Хабаровск, он получил увольнение. Сидели друг против друга в гостинице, нашпигованной клопами и тараканами, затем лежали друг против друга на разных кроватях — так полагалось целомудренной невесте. Её угораздило даже с замполитом части поговорить по поводу своей девической чистоты.

К своей комнате Аля подтянула Бурцева, как рыбак подтягивает судака к лодке; рывок — и Бурцеву оставалось лишь трепыхаться на крючке. На свадьбе Лука Наумыч вознамерился сыграть на аккордеоне, но Аля положила руку ему на плечо, и по твердости её руки он понял, что Пётр — отрезанный ломоть.

Дальше Алевтина Владимировна уже *вела* мужа. Через свои знакомства протащила в исполкомовские делопроизводители, потом в комсомольские вожаки, потом он заочно окончил институт...

Она добивалась от него раскаяния, а он стал оплетать её по всем правилам политического искусства. Она не выдержала:

— Ты не в горкоме на совещании! Не юли!

Петр Лукич глянул на часы: наступило время его вечернего моциона. Он ушёл, и Алевтина Владимировна сдавленно простонала:

— Гены! Всё дело в них! Свекор до победного гонялся за юбками!

Против воздействия ген у неё средств не было, гены не поддавались вычислению.

«Но как же мне теперь? Делать вид, что ничего не произошло?» — Холодными выкладками она пыталась заглушить страх перед будущим.

Ночью у неё разболелась голова. Проглотила две таблетки анальгина, но всё равно не смогла уснуть, ворочалась, вздыхала, задевая мужа острыми коленями и локтями. Петр Лукич тоже не спал. То у него чесалась спина, то одеяло скатывалось. От касаний жены дергался, как от электрического разряда, и вспоминал приятные округлости Елизаветы Славецкой.

Утром Алевтина Владимировна позвонила заведующей гороно.

— Алло! — улыбочиво отозвалась Пиндюрина. Но от первых же слов Бурцевой улыбка, нарабатываемая годами, задымилась, как мокрый асфальт на солнце. Слушала, готовая упасть в обморок.

— Да... Что-то говорят... Я вам обещаю...

Ссориться с Елизаветой Александровной ей не хотелось. Во-первых, Славецкая была ей нужна, во-вторых, Славецкая не из тех, кто позволит себя воспитывать, в-третьих, именно Бурцев сейчас занимается разрешением спора между Бричкиной и гороно, хоть и без него можно не опасаться: квартиру очередника получает «более достойный преподаватель» — это всегда срабатывало без сбоев. Однако и звонок Алевтины Владимировны нельзя оставить без внимания.

Вкрадчивый тон Пиндюриной насторожил Елизавету Александровну. «Неужели донесли о проверке школы? — поморщилась. — Ну и люди!..»

На днях школу посетил инструктор гражданской обороны. Собрал всех в учительской слушать, как вести себя во время газовой атаки. Прекрасно понимая, что всё бред, что газовая атака если и случится, то не иначе как с перепугу таких товарищей, как этот, учителя слушали его.

— Первым делом надеть противогаз и закрыть герметично посуду, когда тревога застигнет вас дома. Если застигнет на работе, то первым делом надеть противогаз себе и детям и спуститься в убежище.

— Где оно? — спросила географичка.

— Как — где? В вашей школе.

Школьное убежище старшеклассники давно превратили в сортир, это знали все. На географичку смотрели, как на предательницу, предвидя, что будет, если инструктор попросит убежище открыть. Елизавета Александровна нервно ерзала.

Пристально глянув на Славецкую, инструктор изъявил именно то желание, которого она опасалась.

Здоровая бронированная дверь долгие годы была без замка, а тут оказалась запертой. Ключ едва нашли. Открывали минут десять. За дверью темень — глаз выколи. Фонарика у инструктора не было, а где выключатель — не знали. Лишь завхоз вспомнил, что свет здесь от рубильника, а рубильник в помещении столярной мастерской.

Включили рубильник. Но лампочки не горели, все оказались нерабочими, хоть и ввинчены были куда положено, и колпаками металлическими прикрыты.

— Я не хочу туда, — заартачилась географичка, — лучше я от газа умру!

— Прекратите! — Славецкая призвала к порядку.

— Я правда не хочу. — Женщина стала подниматься по крутой, из рифлёного железа лестнице, громко ворча, что здесь сначала сломаешь шею, а потом спасёшься от газа.

Инструктор продолжил занятие в учительской.

Два часа педагоги слушали несусветную чушь. Затем начался опрос.

Вставали, отвечали. Когда очередь дошла до строптивницы, она вцепилась себе в волосы и завизжала:

— Пожиточки собрать! Дети! Господи, где дети? А паспорт? Кастрюли не закрыла герметично! Где мой противога-а-аз?!

— Вы что тут разыгрываете? — взвился инструктор.

— Как — что? Газовую атаку.

Сработано чисто, не придраться. Оскорблённый до глубины души чиновник прекратил опрос и откланялся. Славецкая бежала следом за ним.

— Пожалуйста, — уговаривала, — не обращайтесь внимания на Шмелеву, она всегда отличалась экспансивностью.

— Да что мне ваша Шмелева! — сдержавшись в учительской, он тут уже не смог. — Что это за убежище?! Кто в этой школе хозяин?!

Елизавета Александровна не позволила разговаривать с ней в таком тоне, отчеканила:

— К вашему сведению, в этом убежище всё равно нет запасного выхода и неисправная вентиляция.

Инструктор смутился, и она поняла, что квиты: не составит акта, не затребуют её в исполком для объяснений.

«Но кто донес, кто?» — злилась теперь.

А Пиндюрина изнемогала, не зная, как подойти к Славецкой. «Как получилось, как получилось, — передразнивала Бурцеву. — Дядьку надо приставить к каждой учительнице! Чтоб за каждым шагом следил!»

Когда Елизавета Александровна наконец поняла, чем так озабочена завгороно, она спокойно ответила:

— Скажите Бурцевой, что в отношениях между мужчиной и женщиной всегда главенствовал мужчина.

Заведующая облизала пересохшие губы: «Права Славецкая, Пётр Лукич не возчик рыбы, чтобы пробирать его на профкоме».

А Елизавете Александровне понравилось, что Бурцева взяла супруга в оборот. Он уже ничего не решал в её жизни.

25

Зарядили дожди. Дед Александр сидел дома и, когда к нему приходил поручик, костерил рыбнадзор.

— Переметы запрещают, ребячьи игрушки, а сами тыщамы рыбу губят! Не чехонку, а осетра, судака губят! Помнишь, в позапрошлом году трубы в море выводили, канализацию хотели делать? Помнишь, сколько рыбы подохло, когда дамбу отсыпали? А возьми налови — сразу штраф, и в газету тебя на позор!..

В позапрошлом году дед Александр даже телеграмму в ЦК собирался дать, но поручик отговорил. Не дойдет, сказал, перехватят. Тогда старик придумал написать письмо, сунуть кому-нибудь в поезде, пусть в Москве у самого Кремля в почтовый ящик бросит. Подбивал поручика написать, поскольку тот грамотней, но сосед струсил, и дед долго на него дулся.

«Сколько хлестать-то будет? — смотрел он в окно. — Фрося вчера от своих шла и брякнулась: по пуду грязи-то на ногах. Тоже ей забота — дураков выхаживать».

За поручиком к деду иной раз увязывалась Головонька: муторно ей было дома ходить из угла в угол; но с ней беседовала только Фрося — поручик в гостях с женой не разговаривал, а деду Александру она и вовсе была без надобности.

— Я наказываю, чтоб не приваживали, а они как не понижают! — жаловалась ей Фрося на внуков. — Кабы этот Щеголов чего не спёр.

— Да что у тебя переть-то? Чашки-ложки твои поколотые? Скучно ему, вот и ходит. Им тоже скучно.

— Так ведь отец их так избил, что живого места нету, — в десятый раз переходила Фрося на рассказ о пострадавших внуках. — Радиватор, говорит, пробили и дверца одна не захлопывается.

Отец действительно без жалости трепал сыновей.

— Вам мало мотороллера? — Ремень со свистом разрезал воздух и впивался в худые ребячьи спины. — По девкам захотелось?! Сопли еще не обсохли!

— Хва-атит! — ловился Петька за ремень.

— Не хватит, не хватит, сукин ты кот!

«Москвич» отца парни водили давно. В воскресенье он ушёл к поручику, и Славик решил прокатиться до Переправы. То бы ещё ничего, что Петька навязался, они бы доехали и вернулись, пофорсив перед переправскими девочками, в одну из которых Славик был тайно влюблён. Но Петька ругался, что брат едет слишком медленно, вырывал руль... — в конце концов, машина перевернулась.

Со страху братья потеряли рассудок. Петька полез через окно, наступая ботинком на лицо брата, Славик полез за ним, двигатель работал, и Славик лишь спустя время вспомнил, что не выключенный двигатель может взорваться.

Сели на дорогу в ожидании попутки или встречной. Но дорога оставалась пустынной, и чайки мрачно потешались над ними. Дул ветер, ребят клонило в сон.

— Не спи, Славик, — тормозил брат. — Бабушка рассказывала, как один мальчик уронил новогоднюю елку, испугался и уснул. Но он не уснул, он умер!

Часа через три показался со стороны Переправы грузовик. Дрожа коленками, Славик проголосовал. Шофёр вышел, скучно выслушал братьев. Втроем они «Москвич» подняли, осмотрели. Дверцы слева не открывались, а радиатор был пробит.

— Возьмите нас на прицеп? — слёзно умолял Петька. — Мы заплатим, мама даст денег!

Мать и бабушка в голос ревели над побитыми ребятишками. Особенно трогали стоны Петьки, ведь он такой закаленный, он же с пяти лет волю в себе вырабатывает, один раз даже вырвал по волосинке свой чуб!

Об этом узнала Головонька, за ней весь поселок. Друзья наполнили дом, и Петька со Славиком уже геройствовали:

— Мы как из танка вылезали!

Дожидаясь, когда сойдут синяки, сидели дома. Приятели навещали, а Толя Щеглов, с которым знакомы были шапочно, стал бывать каждый день.

— Все равно што-то в ём есь, — хмурилась Фрося. — Прихожу к ребятам, они чистые: глаза у их чистые; а у ево — бегают. Широко так зубы мне скалит, а глаза ишшо не научился скалить.

— Ну, наговоришь... — отмахивалась от неё Клава.

26

Дожди, наконец, кончились. Даже не верилось, что три недели люди не снимали плащей и не убирали зонтов.

К Фросе примчалась Вера.

— Бабушка, погадай мне?

— На кого? — Фросе нетрудно раскинуть карты. — Светлый он или какой?

— Он, бабушка, необыкновенный! У него тёмные волосы и голубые глаза. Только он глаза прячет, не узнаешь их сразу. У него, бабушка, такая улыбка! Её нет, но она есть. Я в жизни не видела, чтобы так улыбались!

— Ну... — расположилась за столом Фрося, — на вини, что ли?

— Да хоть на что. Я гадала на ЛИРНУС, получается, что мы любим друг друга.

Фрося воздела глаза к потолку:

— Што за гадание?

— Это самое простое, каждый школьник умеет. Хочешь, я тебе погадаю? Вера написала на листочке имена Фроси и деда, вычеркнула одинаковые буквы — вышло здорово: Фрося деда уважает, а он её ревнует.

Фрося заинтересовалась, а дед Александр подскочил, как ужаленный:

— Ты опять насмеяться надо мной норовишь?

— Я тебе что сделала? Я тебя оскорбила? — вскинулась Вера.

— Оскорбила! Когда я Фросю ревновал?

— Ну, не ревновал, так приревнуешь, ЛИРНУС всегда правду говорит.

Дед выскочил на веранду — там лежала рыба: хотел посолить позже, да из-за Верки когда-нибудь и из дому сбежишь.

Явились Фросины внуки. За ними Толя Щеглов. Зашумели, запрепирались с Верой.

— Марш на улицу! — всех вытолкала Фрося.

Дед Александр пересыпал тарань крупной солью, уложил в тазы, плашмя, ряд на ряд. Придавил гнетом. «С рыбкой мы опять! — забыв уже о Вере, порадовался. — Сейчас поручика позову, пива попьём».

Пошёл к рукомойнику, вымыл руки. Он носил обручальное кольцо, но снимал его, когда солил рыбу, боялся, что золото испортится. Кольцо клал в кухне на стол — на видное место. Теперь кольца не было.

— Фрость? — позвал. — Ты кольцо убрала?

— Нет.

— Я вот здесь положил.

— Может, скатилось? — Она зашарила глазами по полу.

Старик тоже принялся искать, но кольцо как в воду кануло.

— Дед! — побелела Фрося. — Его Толька Щеглов взял!

Старик не мог в это поверить, перерыл всю кухню, заглянул в каждую щёлку.

— Толька взял, — виновато повторила Фрося. — Велела я ребятам не приваживать его... Как докажешь теперь, их четверо было. Я тебе новое куплю. — Голос её задрожал: старик вспльщив, в сердцах опять может чего-нибудь натворить.

А ему уже попала вожжа под хвост.

— Разиня ты! Не нужно мне от тебя ничего, это память была, о жене моей память!

— Девять лет ты про неё не говорил...

— А тебе какое дело? Не Толька украл, внуки твои! Они всё могут, недаром синие ходят!

— Што ты! Опамятуйся! Не они, тебе говорю. Щеглов!

— Конечно, на кого ты еще сопрёшь?

Фрося отрещивалась от него, как от нечистой силы, пятясь к порогу. Она уже стояла в дверях, когда вошла Елизавета Александровна.

— Снова балаган? — гневно прикрикнула на отца.

— А кто в прошлом году выкинул с чердака мешок овечьей шерсти? — «не услышал» её старик. — Не ты? Моль, говоришь, ела?

— Ела, — заплакала Фрося, — слезалась та шерсть... сколь ей лежать-то? Сам ведь ты моль ловил...

— Ты дочери шерсть отнесла! Откуда у твоих внуков носки? Думаешь, я не заметил? Проверю, чего у меня еще недостает, потому что ты помаленьку всё тут к рукам прибираешь!

Фрося ни разу в жизни не взяла чужой копейки. Сердце её бухнуло, она завизжала. Нелепым был визг грузной Фроси, он переходил в страшный, животный, грозя согнать к дому любопытных. Елизавета Александровна подскочила к ней и зажала рот. Задохнувшись, Фрося сползла на пол.

Клава-Головонька обходила дворы, разносила крысиную отраву. Самое время для того — выходной.

— Мыши-крысы есть? — останавливалась под окнами.

Верочка, бросив где-то ребят, плелась за ней и, подрагивая ноздрями, допытывалась:

— А вам они на что? Идемте к деду, у него есть, я точно знаю, потому что мышу-крысу сразу можно определить, она делает вот так: скр, скр...

— Вера! — вспыхнула Сульдикова.

Вера глянула на неё, и внезапно ёкнуло сердце: газовая косыночка на худенькой шейке, бледные губы... «Что я про неё знаю? Зачем я так? Зачем мы все к ней с ехидцей?..»

— Простите меня, тетя Клава.

От её внезапно тихого «простите» Клава-Головонька тоже тихо спросила:

— Скучаешь без отца?

— Очень.

— У вас клумбы не перекопаны.

— Папка с ними возился.

И Вера улыбнулась Сульдиковой:

— Во времянке и правда мыши. Идёмте?

Они вошли, когда перепуганный старик суетился около Фроси, проклиная и кольцо, и дочь. Елизаветы Александровны уже не было.

— Уби-ил! — заголосила Клава, увидев Фросю на полу. — О-ой, моя головонька!

Они с Верой подняли Фросю. Захлебнувшись набежавшей слюной, она попросила:

— Проводит меня... к моим.

27

После коротенького тепла опять началась дождливая скука. Редкие ясные дни не несли отдыха: люди видели за ними новые дожди, размытую грязь, а потом — холод. Всё валилось из рук. Но именно в такую погоду заведующая гороно решила навестить Славецкую. Узнала-таки о визите инструктора гражданской обороны.

«Что там у них?! — заранее надувалась. — Мамкой-нянькой я должна быть, за всех должна переживать!»

Она гундела и в машине:

— Ни забот у людей, ни хлопот. Потерянное поколение! Какая-то инфантильность у всех!

«Да замолчишь ты или нет? — злился шофёр. — Глаз да глаз нужен: вылетим на тротуар, получишь тогда заботы и хлопоты!»

Доехали до школы. Пиндюрина выкарабкалась из машины, придерживая рукой дорожную шляпу. Проходя мимо техничек, сидевших на лавочке в вестибюле, наблюдавших за раздевалкой, фыркнула: «Натоптано, грязно! Лодыри!» Было время, распушала их, пока не получила в ответ: «Половая тряпка для нас везде найдётся!»

Славецкой не было, она присутствовала в одном из классов на контрольной по литературе. Секретарша помогла заведующей раздеться.

— Не знают, где рубильник! — возмущалась Пиндюрина. — Позор! Пятно на городское образование! Пожалуйте мне ключ!

— Может, Елизавету Александровну подождёте?

— Нет!

Секретарша выдвинула ящик стола, где после нагоняя инструктора хранился ключ от бомбоубежища, подала.

«Нерадивость, во всем нерадивость! — шагала по коридору Валентина Павловна. — Зато жалобы на меня строчат! Одна Бричкина уже сто штук настрочила. Я виновата, что ты бездарный преподаватель? Квартира! Как же! Достойный преподаватель останется без квартиры, а ты, голубушка, будешь в квартире?»

Бричкина сидела в учительской, заполняла журнал. «Куда это Пиндюримна?» — увидела в приоткрытую дверь. Странно, но за заведующей горно никто не шёл. Инна Михайловна скинула туфли, бесшумно догнала Валентину Павловну и что было сил спихнула её с лестницы, ведущей в бомбоубежище. И уже снова сидела в учительской, не побледнев и не сменившись в лице. Только стучало в висках: «Вот так и появлялись террористы! От невозможности добиться справедливости законным путём!»

Она не спихивала Пиндюрину! Она лишь напугала её стремительным появлением у лестничного пролета. Но воспалённые нервы Инны Михайловны убеждали, что — да, спихнула! Ведь сколько горячих ночей провела, не смыкая глаз, готовя отмщение! Кирпичи наготове лежали в сумке — только забраться на крышу господского дома, дожидаться, когда Пиндюрина шагнет из подъезда, и скинуть ей на голову!

Вся школа столпилась возле убежища. Никто не решался приблизиться к заведующей горно: шут знает, чем могут

обернуться отпечатки рук на её теле? Если жива — спасут, если нет — лучше от греха подальше.

Переговаривались:

— Что её потащило сюда? Ну, вошла бы в убежище — что бы увидела? Свет же не включишь.

И когда подъехала «скорая», когда врач объявил, что Валентина Павловна скончалась от перелома основания черепа, учителя, расходясь по классам, равнодушно замечали: «Похороны пышные будут».

28

«Дура Фроська! — ругал сожительницу дед Александр. — Молчала бы, я бы и забыл про кольцо. Да хрен с ним, оно мне нужно не было, просто привык носить его. Ты сейчас думаешь, что я свою жену оплакиваю? Пусть по ней черти плачут! А дочь твоя оскорбила меня, пришла и швырнула на стол деньги: «За кольцо и шерсть!» Эх, люди! Ничего вы не понимаете!»

Он уже решил идти к Фросе мириться, но увидел за окном ворону. Хромает, широко взмахивая одним крылом, подскакивая от ветра. То под куст её зашвырнет, то назад выкинет. Надел сапоги: надо помочь, живая душа.

Оказалась, что не ворона и вообще не птица. Полиэтиленовый пакет, в котором Лиза принесла Верочке джинсы.

Почему-то именно этот пакет вывел старика из себя. Он и прежде видел дома импортные пакеты, но на этот раз набросился на него и топтал, топтал, топтал! Почему, зачем он это делает, сам не знал, но так были велики его гнев и горе, что после этого он заболел. Лежал, глядя мутными глазами в потолок, и вспоминал брата Виктора, с которым они были двойняшки. Виктор умер рано, записся. Его жена, тоже пьющая, размахивая бутылкой, ползала по могиле, разливала водку и жутким голосом кричала:

— Пей, Виктор Иванович! В последний раз пей!

«У Вити жена хоть так, да нагоревалась, а Фроська ко мне и на похороны не придёт».

Он перестал бриться. Снял зеркало со стены, чтоб ненароком не увидеть себя одичавшим. После зеркала остался неряшливый квадрат. Дед Александр подумал, подумал, и прилепил на изоленту «Боярыню Морозову» — из «Работницы» вырезал. Но от Морозовой стало еще тошней. Страшная, как Лизка, когда всех готова растоптать! Хоть бы что ходит, зараза, а Фрося-то болела потом! Клава рассказала, что у Фроси долго не сходили синяки с лица. От Лизкиных пальцев! Змея! Фрося — старуха, у нее тело старое, а она вцепилась!

Боярыня Морозова никаким образом не была причастна к бедам старика. Он даже знал, что она очень хорошая женщина, на муку пошла за святую веру. Но всё равно был рад, когда изоленга от стены отстала и картинка свалилась.

Вера, приходя к нему, хмурилась:

— Скоро я у тебя откажусь уборку делать. Как Шарик! В каждом углу прикопано по косточке. Неужели тебе этот мусор дороже бабушки Фроси?

— Не дороже, а пусть не лезет.

— Плохо ей, я у нее бываю, вижу.

— А мне — хорошо?!

— Слушай, я тебя не стану уговаривать, но если ты не выкинешь свои «ценности», я больше к тебе не приду!

Старик махнул рукой: делай, как знаешь. И Вера принялась за работу.

— Это спалить, это в уборную вылить, — стаскивала пока всё в одну кучу. — И как светло сразу станет! А ты побейся, дедушка, не срамись.

Но с деда Александра словно заживо сдирали кожу.

— Нет-нет! — ловился он за мешочек, за баночку.. — это не надо выбрасывать, это мне пригодится!

— Сколько ты лет ждешь, чтобы пригодилось?

— А кузбаслак не ты брала?

— Подумаешь! Не было бы его, мы бы с Петьюкой другим чем-нибудь парус разрисовали.

Когда во времянке, по мнению Веры, не осталось ничего лишнего, она спросила:

— Не чувствуешь, дедушка, что у тебя горб отпал?

Дед Александр не чувствовал.

— Теперь наводи на себя шик и блеск и шагай к Фросе! Нечего тебе над ней измываться!

А у Фроси была радость! Генка с Севера вернулся, сыночек-поскрёбышек, дорогой её Геночка!

Геночка, вербуясь на Север, видел перед собой широкие горизонты: будет выменивать на водку и одеколон песцовые шкурки у тамошних охотников; потом всё загонит на Большой земле и как туз заживёт! Но что-то на Севере не задержался.

— Геночка! — причитала Фрося. — Ненаглядный мой!

Ненаглядный сообщил, что остается у неё жить, очень соскучился, поэтому до срока покинул Север, расторгнув договор, и, следовательно, у него нет денег.

Мать он провёл запросто, но сестра не была такой доверчивой.

— Жить, живи, — сказала. — Но если через две недели не устроишься на работу, лучше сразу кати обратно. И если вод-

---

ку у тебя найду — тоже. А пока почини во времянке крыльцо, разваливается.

Как ни воротило Геночку от молотка и гвоздей, но сестру он не первый день знал. Да ещё, как на вред, погода прояснилась.

Первое, что увидел дед Александр во дворе сожигательницы, — мордастый мужик приколачивает к Фросиному крыльцу доски.

«Кто это? — удивился. — Плотника, что ли, наняла?»

Встал возле него, приглядываясь к работе. Плотник укладывал доски тяп-ляп.

— Ты это кому делаешь? — не выдержал дед. — Ты как ложишь? Тут на твоих досках Фрося ноги переломает!

— Не ори давай, — огрызнулся мордастый.

— Ах, сво-олочь! Вы в МТС что натворили? А? Что, я спрашиваю? Пятаков умер, вы хоронить пошли, а ворота — вались? Они и так на хрен повалились после вашей работы!

Плотник обернулся и пообещал:

— Дображишь!

— Нет, ты сделай, сделай, как надо, потом хорони! А ну, уйди отсюда, дай ножовку, я сам отпилю! Ты э т о приколотить хочешь? Все рухнет к чёрту!

— Ох, я тебе сейчас!.. — Мужик, побагровев, замахнулся доской.

Дед шустро отскочил в сторону, перепрыгнул через обрезки и оказался в сенях. Фроси дома не было. Решил ждать и заодно наблюдать, что вытворяет мордастый. Но тот по-прежнему пилил как попало.

— Враг народа ты! — выкрикнул старик, приоткрыв дверь. — Не приколачивай, я сам приколочу! Фроська тебе за такую работу ни копейки не даст!

Мгновение — и обренок завис над ним. Дед Александр дверь захлопнул, но доску прижало, и теперь на неё с одного конца всеми силами давил мордастый, а с другого — изо всех сил отжимал дед. Кончилось бы кровопролитием, не подоспей Фрося.

— Гена! — ахнула она. — Ты што?

— А вон, засел у тебя! Сам он враг народа!

— Погодь, — Фрося отстранила сына.

Старик стоял перед ней грудью вперед.

— Это же сы-ын мой, — пропела Фрося. — Г-е-енка. Ты не признал, што ли?

Дед опустил голову:

— Я думал, что плотник.

Но сразу же ополчился на неё:

— Гони его в шею, а то он тебе такого настрогает, что ты без ног останешься! Ну и что же, что он твой сын! Значит, такой у тебя сын!

— А ты, Саша, што? — робко спросила Фрося.

— Да вот... — дед потоптался, — мириться пришел. Всё барахло теперь выкинул и сжёг.

— Не пойду я к тебе, Лизы боюсь.

— А меня к себепустишь?

— Тебя-то конечно! Мне страшно одной, всё про смерть думаю.

— И я тоже, — признался дед Александр.

Через два дня он уже во всю командовал во дворе Фроси.

— Куда напильник дели? — гонял Петьку и Славика.

— Не видели.

— Нет, вы, вы взяли! Вы!

Нашёл напильник у двери сарая: сломанный, воткнул в землю.

— Твои внуки, твои! — кричал на Фросю.

29

Седьмого ноября Вера заулыбалась, едва открыв глаза. В праздники с ней всегда так бывало. Словно расширялись стены комнаты, словно приветливей и светлей становилось в доме. Ах, если бы сейчас все были вместе: и отец, и Ольга, и мать заглянула бы, позвала к столу. Но терпкий аромат духов говорил о том, что мать уже ушла: ей сегодня выступать перед демонстрантами.

Вере тоже следовало поторопиться: пока доедет до Серженска, пока добежит до школы...

Наскоро выпив кофе, она надела узкую чёрную юбку, тонкий голубой свитерок, сверху накинула плащ и выскочила на улицу. Знакомые улыбались ей, и улыбалось солнце! Втиснувшись в переполненный автобус, но не потеряв расположения духа, она смотрела через окно на светлое море, на такое же светлое небо и мечтала увидеть сегодня Олега Петровича. Она ждала его, всё время ждала! Бежала сломя голову на каждый телефонный звонок, сама порывалась позвонить Бурцеву. Но что она ему скажет? Как любит его? А вдруг он не поймёт? Вот если бы глядеть на него и говорить...

Она ночи напролёт рассказывала Бурцеву о своей любви, засыпая с величайшим желанием быть любимой. И чем больше она о нем думала, тем сильнее любила. Однажды принесла и всунула в дверную ручку его квартиры букетик «дубков». Сердце трепыхалось, ноги дрожали... Долго потом видела себя у двери Бурцева: как подошла, как вложила букетик, как неслась вниз по лестнице, будто укравшая что-то...

А люди в автобусе перекидывались малозначительными, но приятными репликами, и всем, хоть и в тесноте и в неудобстве, было хорошо.

У школы уже толпились одноклассники: разбирали транспаранты, флаги, портреты вождей. Вера подумала, что представить невозможно, как это они разлетятся скоро кто куда, получив аттестат зрелости?

Сергей Виллье выбрал самый большой транспарант.

— Верка, берись с другого конца, будем во главе колонны!

Она засмеялась и взялась.

Построились. Баянист заиграл «Прощание славянки». Пошли к площади. Возле здания милиции Вере показалось, стоит Олег Петрович. Она быстро передала ручку транспаранта соседу, подбежала к Бурцеву — нет, это был не он. «Да когда же я увижу-то, когда?» — сердилась она.

Елизавета Александровна стояла на трибуне рядом с Петром Лукичом. Бурцев-отец недавно приходил к Вере в школу, и она запомнила его лысину с «пипкой» — кофейного цвета бородавкой. Как она ненавидела его! Как ненавидела мать! Неужели эта «пипка» стоит того, чтобы променять на неё отца, Ольгу, Фросю?..

«Мама! — шагая мимо трибуны, вытягивалась Вера, не слушая ни поздравлений, ни раскатистых откликов. — Уходи отсюда! Брось ты его!»

А праздник шёл своим чередом: приветствия, призывы, крики «ура».

К двум часам дня на площади остались только дворники, сметавшие мусор в большие кучи.

Вера так и не увидела Олега Петровича ни среди демонстрантов, ни среди тех, кто толпился на тротуарах. В прошлый раз он говорил, что ребёнком любил бегать к деду в рыбацкий квартал. И Верочка пошла к морю, слегка обидев этим Сергея, который звал её в парк. Вдруг Луке Наумычу захотелось сходить в гости к бывшим соседям? Ведь Олег Петрович одного его не оставит...

Спустилась по гранитной мостовой к «господской» улице, старейшей в городе, выстроенной ещё при царе. Бывая на этой улице, Вера представляла, как катили здесь когда-то экипажи, гуляли дамы под кружевными зонтиками — и странно было, до ужаса странно, что тот красивый мир исчез навсегда. Теперь Вера ни о чем таком не думала, она просто шла к морю, в рыбацкий квартал, который был натуральной вороньей слободкой. Крыши латаные-перелатаные: черепица — жостью, жость — шифером, а кое-где и толем. И заборы такие же: либо из жести, либо деревянные, либо скомбиниро-

---

ваны из того и другого. Из-за заборов слышались песни. За одним разухабисто пели: «Если б были все, как вы, ротозеи, чё б осталось от Москвы, от Расеи?» За другим — что-то над-рывное, будто не праздник сегодня, а какая-то беда стряс-лась. Улочки были пустынные.

Вера присела на скамейку возле окрашенного зелёной крас-кой домика. Перед ним росла туя. Не та ли самая, про кото-рую говорил Олег Петрович? «Дед её якорной цепью обнёс, а сосед ещё накидал семян вьюнка. До зимы стояла, как ново-годняя ёлка».

Смугло-розовые горлинки, угукая, выискивали что-то у нее под ногами. Ветерок перегонял опавшую листву. Пёсик привязался: прыгал, ластился; потом нашёл заботу — дони-мать жука. Извазюкавшись, опять полез к Вере.

«Может, он на моле? — гадала она. — Или на дежурстве?.. Но я его всё равно увижу, всё равно!..» — От нетерпения она была готова заявиться прямо в хирургическое отделение!

Побрела вдоль улицы, где за крайним домом начинался пустырь, и от него к молу вела заброшенная узкоколейка. По узкоколейке кустились пыльные мальвы, идти можно было только тропинкой, и Вера, отступив на два шага от рельсов, зашагала по ней. Дойдя до мола, долго стояла, разглядывая рыбаков, облепивших стену.

Бурцева не было.

« Попрошу сейчас у кого-нибудь удочку и тоже сяду рыбу ловить, — вздохнула она. — Засеку вот время, чтобы час прошёл, а потом...» И тут увидела Олега Петровича! В распахну-том светлом плаще он шёл от маяка.

— Олег! — проглотив «Петрович», крикнула.

— Вера?..

С того дня, когда подвез её, Бурцев часто думал о ней. Пре-красно понял, от кого букет, воткнутый в дверную ручку.

— Ты почему здесь? — заозирался, выглядывая Сергея.

— Да вот... Буду рыбу удить.

— Хочешь, вместе? — пошутил он.

— Поцелуйте меня! — Верочка повисла на нем, потому что всё в ней измучилось, истомилось...

Бурцев оторопел. Отступил... И в ней со звоном лопнула натянутая струна.

— Простите... — она бегом кинулась с мола.

Поздееву не хотелось идти на демонстрацию, и, если бы не укоризны потом, он бы и не пошёл. Почему он *обязан* уча-ствовать в субботниках, демонстрациях, уборке лука с кол-хозных полей, если это *дело добровольное*? Высказался од-

---

нажды перед коллегами: «Если бы Пирогов участвовал во всех наших мероприятиях, ему бы некогда было думать о конкретной работе».

Сидел под навесом во дворе, пил кофе. Певец выводил торжественные рулады:

*От Курска и Орла война нас довела
До самых вражеских ворот,
Такие, брат, дела!*

Певцу было хорошо: ни в какой колонне его не ждали.

Миша принес рыбы: тюлем наловил возле берега.

— Разговеемся? — подмигнул певцу.

Миша и не думал никуда идти, хоть коммунальная контро-ра, где он числился слесарем, должна была всенепременно прокричать сегодня «ура» коммунистической партии.

— А ты чего смурной, Коля? — спросил. — Из-за какой-то дамочки на себя уже не походишь. Да плюнь ты на неё!

— Плюнул, — ответил Поздеев. — Я вот что думаю: столько подлости в мире! Куда ни кинь — всюду она. Бывает, и под-лостью не назовёшь, просто выжить человек хочет. И всё рав-но... «Легче сделать низость, она не требует духовных зат-рат». Так сказал какой-то писатель, я пожалел, что поздно включил телевизор, не узнал фамилии. Правильно сказал. А и хреново ему, наверно, живётся! Откуда-то тупость у всех. И если прорвёшь эту плесень, на тебя смотрят как на героя или преступника.

— Чё ты завёлся ради праздника? — налетела на него Ва-лентина. — Чё ты всё ищешь в жизни? Нормальная жизнь! Сегодня плохо — завтра хорошо, иначе все бы уже передохли!

Поздеев засмеялся и пошёл к больнице, где был объявлен сбор.

Пока шёл, об Ирине думал. «И будет последний обман хуже первого», — так и вышло. Он ей нужен был потому, что в нём она увидела себя, давнишнюю, ещё не успевшую измарать-ся, опуститься до продажности. Но хватило её ненадолго. А он... «Он не мог примириться — ведь он совершенно не туда попал. И не по его воле так вышло — значит, судьба! Но по-чему его такая судьба?»

Всё самое светлое, самое порывистое, сказанное Ирине, всё сделанное для неё, когда себя не помнил, отдаваясь чув-ству, виделось теперь стыдным, унижительным и недостой-ным. Это была ещё одна мука. Ещё одна расплата за любовь.

Отбыв на демонстрации, Поздеев отправился в Дом культу-ры. Сегодня концерт, в программе которого премьеры неболь-

---

шого спектакля «Наталья», где он играет монаха. Встретил его Воронихин. Один глаз у Григория Яковлевича заплыл.

— Печальный опыт ночных рассказов, — пояснил он. — Ну что, приступаем?

На сцене уже суетились эстрадники, устанавливая аппаратуру, проверяя проводку, чтоб не замкнула. Стоял на тумбе гипсовый бюст Ленина, в обыкновенные дни пылившийся в кладовке завхоза. Поздеев и Воронихин притащили два «дерева» и пристроили у кулис. Потом пришла Ольга.

— А где Вера? — поинтересовался Поздеев. — Прибежит и будто солнце расплещет; не хочешь, да греешься.

— Обещалась быть.

— Смотрю однажды, — улыбнулся Воронихин, — разыгрывает перед ребятишками кукольное представление. Такие козы пируэты выписывает! Дети визжат, и она визжит. И не поймёшь, кто больше радуется.

— Чудная девочка, — согласился Николай Иванович. — А сын-то ваш, где, Оля?

— В моём кабинете.

Муж Ольги, недовольный её новой работой, настоял, чтобы брала в Дом культуры и Андрея. «Торчишь там до ночи, так вот не скучно будет!» Она не огорчилась: другие тоже приводят детей. Они тут «выступают» друг перед другом, и Григорий Яковлевич шутит: «Свои кадры растут!»

Явились артисты, публика стала прибывать. В вестибюле расположилась выездная торговля.

Ольга сильно волновалась. Как всё пройдет? Дай-то Бог, чтоб удачно! Ведь по её сценарию сегодня концерт, фактически её экзамен. Искала глазами Веру, но её не было. «Наверно, к Виллье затащили», — решила.

Когда прозвенел звонок, устроилась с Андреем на балконе. Рядом сели две девушки, смешили Андрея, конфетами угощали. Одна из них дала ему поиграть своей сумочкой, он поиграл и нацелился бросить вниз.

— Правильно, кинь кому-нибудь на голову! — засмеялась девушка. Но Ольга отняла сумочку.

На сцену вышел конференсье, произнёс праздничный монолог. После него несколько человек, переключаясь, прочли поэму, посвященную Революции. Потом — хор. Всё шло как положено, и Ольга успокоилась. Она наизусть знала программу, бывала на репетициях и теперь, глядя на сцену, уже обдумывала новогодний сценарий. Надо, чтоб получился феерией, чтоб соответствовал этому празднику!

От новогоднего сценария к тому же зависела её судьба: в случае удачи ей дадут комнату — неутомимый Воронихин

уже «достал» завком. Тогда они с Алёшей уйдут от Татьяны Николаевны, жизнь наладится, он же хороший, Алёша, он только попал под влияние матери, вот и всё. Ольга не раз говорила мужу о том, чтобы уйти в общежитие или снять у кого-нибудь комнату, жить одним. Она бы сумела на него повлиять, исчезли бы его пьяненькие компании, она бы учиться его заставила...

Не заметила, как закончилось первое отделение.

После антракта была премьера спектакля.

Чудный монах получился у Поздеева! Хитрый, себе на уме, жизнелюб! С каким вожделением он ползал под скамейкой в поисках мелькнувшей юбки! Ольга смотрела на него одного, восклицая: «Ну, где тут хирург? Тут святоша из девятнадцатого века! Как же щедро одарила Николая Ивановича природа!»

Она аплодировала громче всех, ей хотелось побежать на сцену и расцеловать Поздеева, расцеловать Воронихина за его творческую неугомонность!

Публике всё понравилось. Дарили артистам цветы, говорили добрые слова. И Ольга подумала, что человеку нужно совсем немного: мир в доме, работа по душе да изредка вот такие праздники.

После концерта все собрались в буфете. Шумели, припоминая свои промахи и удачи, Николай Иванович показывал в лицах персонажи из «Мертвых душ», заставляя хохотать до колик. Но недолго длилось веселье: за Поздеевым приехала «скорая». Он уже одевался, когда Ольга подбежала к нему.

— Подождите секунду...

Сбегала на второй этаж, в свой кабинет, вернувшись с игрушкой. Это была та самая игрушка, которую она закрыла руками, спрятала от Поздеева, когда он внезапно вошёл к ней.

— За монаха вам, — подала ему тигренка.

Николай Иванович обомлел: «Да как же ты увидела-то такое, где? Избалованный малыш, самостоятельный до нахальства!»

— Спасибо, Оля! — поблагодарил.

Елизавета Александровна вместе с директорами школ, завучами и заслуженными учителями сидела в ресторане. Настроения у неё не было: Бурцев дал знать, что после банкета поедут к нему домой; жена лежала в больнице, и он не хотел упускать удобного случая.

Ещё ни разу Славецкая не была у него дома. Что скажут его соседи? Что его Алевтина может натворить потом?

Елизавета Александровна теперь сидела в горно, в пиндюринском кресле, но думала, что человека по служебной лестнице продвигают не заслуги, а унижения. Разве плохо она руководила школой? Хорошо, и об этом знали в горисполкоме. Однако попасть на место заведующей ей помог Бурцев. Исполкому не специалисты нужны — шестерки! Кем была она, когда работала директором школы? Шестеркой. Пиндюрина вертела ею, как заборорассудится. Царство небесное, с почестями похоронили заслуженного работника образования, лишь супруг, постояв у могилы и не дождав-шись, пока Валентину Павловну закопают, ушёл к костру травить анекдоты с какими-то мужиками.

Славецкая осталась после банкета, как велел Бурцев, и поехала с ним на «господскую» улицу.

— Лиза, — переступил Пётр Лукич порог квартиры, — мы небольшую уборку сделаем. Али нет, сама понимаешь. Дам тебе её пляжный халат, переодеться, он здоровый, как плащ-палатка. Пылесосить буду сам, ты за швабру берись. Что найдёшь из грязного белья, кидай в корзину, я послезавтра отправлю в прачечную.

Елизавета Александровна опешила. Никогда не думала, что до такого дойдет! И как это вообще может быть в праздник? Она не знала, какую школу прошёл тут Пётр Лукич и как велики заслуги Алевтины Владимировны в его «образовании».

«Небольшая уборка» длилась до полуночи, с Елизаветы Александровны пот градом катился. Когда управились, она почувствовала, что похоронена заживо.

По выходным Славецкая отсыпалась за неделю. Но не у Бурцева она жила! Тут же в семь утра он потянулся, зевнул и окликнул её:

— Знаешь, что мне приснилось? Супруженица моя. В небесном колхозе она, овечек пасёт. Говорит: «Здесь, Пётр, каждый делом занят, без работы никто не сидит». А кругом ящики какие-то, лохани... — Хохотнул хрипло: — Ну, хоть там она на свежем воздухе, а то всю жизнь была за бумагами.

— Да ведь она жива! — вырвалось у Славецкой.

— Жива, чёрт бы её побрал. Хоть бы сон в руку!

— Мне надо уходить, Пётр, пока соседи не видят.

— Нет. Я вот что думаю. Аля скоро отойдет к этим небесным лоханкам. Ты, пожалуй, продавай дом. Я тебе квартиру сделаю, это несложно. Будешь жить у меня, а квартира останется Вере. Не справишься тебе с домом, а Верочке он не нужен. Твой отец работает ещё? Ну-у! Пора и на отдых! Я его устрою в дом престарелых.

В глазах Славецкой метнулась паника. Бурцев заметил.
— Не бойся. За мной ты, как за каменной стеной. Знаешь, Лиза, я ведь еще не жил, я только ждал жизни.

— Подумаю, Пётр, — без лукавства ответила Елизавета Александровна.

Он коснулся её плеча, погладил по волосам.

— Я тебя с первого взгляда полюбил, Лиза, а вот ты — до сих пор не умеешь. Ты о другом мечтала, я знаю. О Жильцове. А он что сделал? Торгаш вонючий!

— Я ни о ком не мечтала, Пётр...

— М-ммм?

Славецкая покраснела.

— Меня не обманешь, Лиза, — усмехнулся Бурцев. — Я пятнадцать лет тебя пас. Что? Слово не нравится? Но ведь так и было. И я тебя ни разу не предал. Ладно, — поднялся с постели. — Завтракать пора. Не уходи, я тебя отвезу. Сам отвезу. А соседи... Пошли они все! Они у меня совета не спрашивают, как им жить.

Ольга пришла из Дома культуры не очень поздно, но Алексей уже довёл себя до белого каления.

— Наплясалась, напраздновалась?

Она молча раздела сына, уложила в постель — намаялся Андрюшка.

Когда уснул, села за сценарий: вот-вот завком затребует, а у неё еще и половины нет. Прикрыла газетой лампу.

— Накормили — напоили так, что есть не хочется? — ехидничал муж.

— Я же тебя приглашала, ты не пошёл. Поели — да, а пить почти не пили, немного совсем.

— Запомни, я не собираюсь лучшие годы простаивать у окна: «Где Оля, где Оля?» У тебя, может, любовник завёлся, а я подсакиваю! Иди в детский сад, у тебя диплом методиста! Какие у тебя дела в этом Дворце? Кукол шьёшь? Здесь шила, никто не отнимал! Цвето-очек она принесла, подарок знамени-итости! Выкину когда-нибудь вместе с цветочками и чемоданами! Я не знаменитость, не пою, не пляшу и стихов не читаю! Ты знала, за кого замуж выходила? Или всё равно было, только бы взяли?

Ольга до боли закусила губу.

— Возьму сейчас и уничтожу твои бумажки! — наступал Алексей. — Одним швырком на пол, и — ногами!

— Сколько ты выпил, Алёша?

— Не больше твоего!

Он сгреб подушку и, пнув по ножке стула, на котором сидела Ольга, ушёл в летнюю кухню. «Как на букашку смотри! Мы все тут для неё букашки!»

В летней кухне хоть и дуло изо всех щелей, но запах прели и мышинового помета был стойким. Алексей бесился, прячась под ватное, с дырками, одеяло: «В собственном доме казанской сиротой!»

Не услышал, как вошла мать.

— Эх, Алешка, — присела она к нему на кровать, — барыня ведь Ольга-то, а ты у неё в холопьях. Директорская дочка! Вижу, как всех нас тут презирает. Вы уж с ней и не как мужжена, слышно мне по ночам-то...

— Аа-аа! — подскочил Алексей — слова матери резанули по самому сердцу. Выбежал на улицу, влетел в дом, сдёрнув жену с постели, где прилегла на минутку.

— Офицеры понравились?! «Записывайся в драмстудию, скучать не будешь, туда даже офицеры ходят».

— Ты с ума сошел? Ребенка разбудишь! — отбивалась Ольга. Но он внаглую сдирал с неё халат. — Отойди, скотина! — Та сила, которая так счастливо когда-то подчинила её себе, теперь была ненавистна!

На кухне бесился Шурик, примостив на столе чайник — белый с черными горохами, отколачивал горохи зубилом и молотком. За свой драгоценный чайник, в котором нельзя было даже мяту запаривать, чтобы накипи не было, Татьяна Николаевна тигрицей кидалась на сына.

— До белой горячки допился? Отдай!

Заплакала, увидев пробоины.

— Сама дура! — раскачивался Шурик. — Грязь! Видишь? — тыкал пальцем в чёрные горохи.

Мать заревела, и Шурику пришлось вызывать «скорую»:

— Алло! — кричал в эмалированную кружку. — Ср-рочно!.. — Движения не координировал, и «телефонная трубка» ударила его то по губам, то по скуле. Татьяна Николаевна пыталась вырвать у него «аппарат», но Шурик ударил мать, и она упала на ведро с водой.

Выскочили Алексей с Ольгой, закричал Андрей.

— И вы хотите, чтобы я здесь жила? — ненависть сделала лицо Ольги страшным. — Да я тут дня не останусь, я в Дом культуры уйду, там и то спокойнее!

Татьяна Николаевна поднялась — и накинулась на старшего сына, потом на Ольгу:

— Выродок! Лучше бы я тебя в утробе моей задушила! А ты, шлюха, иди и шляйся! Мать шляется, и ты иди, не держим!

Это был край. Ольга сорвалась.

— Да вы понимаете ли, что такое мать? Понимаете ли? Знаете ли, что в мире, кроме эгоизма, есть и другие чувства? Пусть она хоть какая будет, но она моя мать, и вы не смеете осуж-

---

дать её, не смеете! Вы в себе разберитесь, кто вы? Вот он, ваш сын, выродок, правильно, но он ваш сын, и я ему слова поперёк не сказала, а вы посмели!..

Остервенев, Татьяна Николаевна двинула ногой по двери, возле которой стояла Ольга. В пылу скандала никто не заметил, что Андрей, прижавшись к стене, держит ручонку между косяком и дверью.

— Сыночка! — Ольга кинулась к ребёнку, закатившемуся от крика. — Сыночка! — Два пальца у него были смяты.

Схватила первое попавшее на глаза, — свекровкину кофту, набросила на него.

Бежала по улице в комнатных туфлях, скорее в больницу, скорее! Не чувствовала тяжести ноши, не споткнулась ни разу — но страх за ребёнка сделал полтора квартала долгими километрами.

30

На градуснике была еще плюсовая температура, однако ветер уже гнал холод. Быстро погибали последние цветы и оголялись деревья. Лука Наумыч томился как чижик в клетке. Где вы, ясные денёчки, где голубые небеса? Выйти бы сейчас на балкон, поулыбаться разноцветной курортной публике. «Если доживу до лета, — загадал, — женюсь на Нине. Надоело одному». Посмотрел на внука, который лежал на диване с книгой, но не читал, думал о чём-то.

Думал Олег Петрович о Вере. Пришла недавно, потерянная, глаза припухли: «Простите меня... Мне так стыдно, вы бы знали! Я сто раз осудила себя, потому что... Нет, я не сумею вам объяснить, почему так вышло. Я звонила вам, дедушка сказал, к вечеру будете». — «Всё простил. — Понял он, что надо сразу утешить: измучилась же, исказилась, а за что? За самый невинный порыв. — Давай чаю попьём?» — «Нет. Я не задержу вас, я только хочу сказать, мне очень важно это сказать... Дороже вас у меня никого нет!» — «Тебя дома-то не потеряют?» — только и нашелся он. — «А кому терять?..» — И от ее тихого, запуганного ответа Бурцеву стало жутко. — «Ты до утра останешься здесь!» — приказал. — Мне нужно с тобой о многом переговорить».

И теперь он думал, что ничего, кроме дополнительного смятения, не принесли Вере его рассудочные выкладки. Бормотал про какие-то теории, орбиты и личные свободы, а она ждала всего три слова: «Я люблю тебя!»

А если бы сказал? Сейчас — да, он бы спас её. Но не припомнит ли она п о т о м его «спасательную шляпку»? Не скажет ли, что у её беды согрелся?

«Дай-ка, Лунную сонату сыграю, — придумал Лука Наумыч. — Разучу шестнадцатый и семнадцатый такты». Дошёл до пианино, поставил на попир ноты. Ах, батюшки! До-бекар, соль-бекар, ля-диез... Не разобраться самому.

— Олег, отклейся от дивана, тут непонятно мне.

Внук только книгу отложил.

— «К Элизе» возьми, она попроще.

Но дед набычился:

— «Элиз» ты себе оставь, мне нужны философия и высокий смысл. Пора и тебе за ум браться: женился бы, так не валялся бы трупом. Где твоя Элиза, которая приходила в прошлый раз? Коса у неё хорошая. Эх, скинуть бы мне годков сорок, я бы показал, как надо ухаживать за Элизами. Сидят, ча-ай пьют... Как хоть её зовут-то?

— Вера.

— Чейная?

— Славецкая.

— Видел я её где-то. О-о! Да не она ли с сынком Вилье прыгала к нам на балкон?

— Вера? — удивился Бурцев. — Ты не обознался?

Старик уже приготовился длинно рассказывать, как он увидел голые мужские ноги, как девчонка кричала: «Только держись, не падай!» — но зазвонил телефон. Лука Наумыч поднял трубку, передав внуку.

— Собирайся, Олег. Двоих привезли. Ножевые ранения. Машину выслали за тобой, — сказал Поздеев.

«Вот и Элизы, — вздохнул Лука Наумыч. — Ни выходных, ни проходных. Какая дура за тебя замуж пойдёт?»

Операция длилась уже два часа. Нельзя ни на минуту распрямить затекшую спину, дать отдых пальцам. Бурцев миллиметр за миллиметром продвигался вперёд, сосредоточившись на том, чтобы не ошибиться в тканях, не сделать разрез недопустимой глубины. Поздеев ассистировал. Сколько времени прошло, не представляли; рубашки были мокры от пота. Анестезиолог и хирургическая сестра тоже вымотались. Когда закончили, ноги сразу стали ватными, руки, наоборот, налились свинцом, каждое движение отдавалось болью в теле.

Прошли в ординаторскую. Поздеев достал сигареты, приоткрыв окно. Бурцев прокручивал в памяти операцию: где-то проступила лишняя кровь, ниточка с сосуда слетела... — почему? В сущности, знал, что всё будет хорошо, но никогда не успокаивался, пока не слышал это от самого больного.

Вернулись хирурги из второй операционной, тоже сильно уставшие.

— Ну и выходной у меня! — разминал пальцы Сергей Александрович. — У этого паразита ещё и с печенью что-то. Смотрю: один бок располосован, на другом печень, как грелка, вздута.

— С таких надо с зарплаты вычитать за операции! — зло сказал Николай Иванович, — По тридцатке год! Больше их ничем не проймёшь.

Постовая принесла кофе, но Бурцев пошёл в палату, где лежала Ольга Славецкая. Пальцы её сыну спасли, однако ногти, по всей видимости, расти не будут.

В палате сидела Вера. Рассказывала Ольге, повеселить:

— Бабушка, говорю, ну повтори, повтори, как ты наряжалась! «Да как... — в точности копировала Фросю. — Платье себе новое пошила, сходила к парикмахерше, та мне волосы завила. Ну и пошла я за хлебом, прямо, значит, от парикмахерши. А народу много, очередь, да ещё выгружают хлеб. Ну, я час там стою, специально даже, пушай полюбуются, пушай потом Ваське моему скажут, какая красавица. Ну, подхожу к прилавку, а продавщица мне швырь буханку с горелой коркой! «Это што, говорю, корка такая неглядная?» А она мне: «На себя посмотри!» Всё настроение испортила!»

Вера собиралась показать Ольге фотографию Бурцева. Цветную! Тайком сфотографировала Олега Петровича. Ох, сколько она возилась с ней! Раствор готовила, проявляла плёнку, отпечатывала, деда призвала в помощники — он сидел в комнате, накрепко «пристёгнутый» к будильнику, и выкрикивал в кухню, где она работала в полной темноте: «Десять! Десять тебе надо?..»

Процесс был утомительный, но и захватывающий; Вера ошупью вынимала фотоснимок, перекладывала из одного раствора в другой, а потом... какое же блаженство! Цвет немного тускл, немного желтит, но он есть, и не сравнить чёрно-белое изображение с таким вот. С карточкой Бурцева она и уснула, чтобы утром самому первому сказать ему: «Здравствуй!...»

Вошёл Бурцев.

— Посторонним долго находиться нельзя, — сделал ей замечание.

— Я недавно...

— !

Вера не обиделась. «Вот он какой, Олег Петрович! Строгий, не улыбнётся, а она знает, что он добрый, и все знают».

— Держи, герой, — Бурцев подал Андрею несколько пузырьков от пенициллина — в процедурной захватил. С ними дети играют, выменивая друг у друга пузырьки с красными надписями на пузырьки с синими надписями, или наоборот.

— Хулюк... — пробубнил Андрюшка.
— Хирург, — поправила Ольга.
— Ну, «хулюк», — наклонился над ним Бурцев, — дашь на пальчики глянуть?

Андрей съёжился, сморщился, замотал головой.

— Ладно, подумай, — разрешил Бурцев. — Я пока других осмотрю.

— Выписывать пора, Анна Ильинична? — пощупал колени пожилой полной женщины.

— Не знаю. Но чую коленочки свои, а то ведь как стеклянные были.

— Пройдитесь.

Она прошагала палату с угла на угол. Засмеялась.

Покоренный её радостью, Андрей согласился показать пальцы.

— Молодец! — Бурцев осторожно размотал бинты. — Ладно, — говорил Андрею, а на самом деле самому себе, — мужчине маникюр без надобности. Сейчас мы тебе новую повязку сделаем, вообще всё заживет.

— Оля, я принес вам, — вошел в палату Поздеев.

Она поблагодарила, принимая черновик сценария, который просила забрать из её кабинета.

— Вам Воронихин кланяется, у него приятная новость для вас.

«Комната!» — догадалась Ольга, и из глаз мгновенно потекли слезы.

— Плакать-то зачем? Кстати, я сегодня дежурю, можете работать в ординаторской.

— Полдничать! — вошла санитарка.

Поздно вечером Ольга и Николай Иванович вместе сидели за большим столом: Поздеев заполнял истории болезней, она набрасывала в черновик кое-какие мысли. В тишине было слышно, как дёргается стрелка электронных часов на стене.

— Получается? — спросил Николай Иванович.

— Не знаю. Прикидываю пока утренник для малышей.

— А что в концерте будет? Я бы устроил его без подготовки: кто хочет, может выходить на сцену петь, плясать, в общем, у кого какой талант. Но тут большая работа музыкантам.

Николай Иванович вышел покурить. Испытывая неловкость за то, что, наверное, мешает ему, что он, может, заснул бы на час-другой, Ольга сказала, когда Поздеев вернулся:

— Вы, наверно, устали?

— Нет, я привык.

Завязался разговор, сначала вроде бы ни о чем, но затем увлеклись, и Ольга ахнула, посмотрев на часы:

— Три!

В палате было темно, тихо, лишь слегка похрапывала Анна Ильинична да голая ветка с улицы царапала о стекло. Ольга легла, но сон не шёл. Думала о Николае Ивановиче. «Как это он сказал: «Душа неизмеримо вместительней головы, к тому же благодарней». Да. Сколько книг она перечитала, умнейших, достойнейших, но когда душа автора не соприкасалась с её душой, книги забывались.

Улыбнулась, некстати припомнив чеховское: «Если жена тебе изменила, то радуйся, что она изменила тебе, а не отчеству».

Сердце наполнялось теплом и радостью. Они ещё боялись признаться в своем существовании, но уже были! И не оттого ли, когда наконец она заснула, привиделось, что сидит в ординаторской напротив Николая Ивановича и он просит её не уходить. «И мне не хочется расставаться», — отвечает Ольга. А потом увидела себя на пригорке. Спускается вниз: вправо и влево кусты с красными ягодами, Ольга срывает, ест... Внезапно навстречу статная женщина в старинном сарафане. Протянула Ольге пучок травы, сказала ровным, спокойным голосом:

— Возьми... Это Богородицына травка.

31

Дел у Елизаветы Александровны было много и хлопот много. Помимо бумажной волокиты, ненужной, но обязательной, её дёргали то в горком, то к председателю исполкома, то в школы, то надо было проводить совещания. А тут ещё Бричкина!

Инна Михайловна лежала в неврологическом отделении, рассказывала, что Пиндюрина в содружестве со Славецкой украла у неё квартиру.

— Пиндюрина сдохла! Это я спихнула её с лестницы! Славецкая тоже сдохнет! Я была у неё в кабинете, она одета с иголки. На мои слезы разоделась! Я сказала ей, что по чужим углам скитаюсь, она ответила: «Ждите. Если умрёт какая-нибудь бабушка и освободится жилплощадь, мы вас уведомим» — «Нет! — крикнула я. — Бабушки пускай живут, они квартиры горбом заработали!»

У Славецкой она не была, но кому объяснишь? Народ верит.

По поводу «убийства» Елизавету Александровну уже вызывал прокурор. Хорошо, что хоть сам сознает бред умственно нездоровой женщины, да и в заключении медэксперта ясно сказано: не насильственная смерть. Порекомендовал пере-

---

вести Бричкину в психиатрическую больницу, однако больница на Переправе, и невропатолог пока не решалась — у Инны Михайловны сын, здесь его легче приводить к матери; видя его, она хоть ненадолго, но успокаивается.

Дома тоже было тяжело. Елизавета Александровна сообщила отцу, что собирается продавать дом. Он не поверил.

— Пугаешь? Боишься, что Ольга сюда вернётся?

Но когда она повторила, что будет продавать, он кинулся на неё с кулаками:

— Да ты что?! Это мой дом, мой! Мы с Августом строили! Ты, кроме школы, ни хрена не видела! Хорошо на всё готовенькое, легко продавать! А ты бы наишачилась, силы угробила, потом бы я посмотрел, как ты продавала!..

— Выслушай меня! Ольга — отрезанный ломоть, Вера — со мной. Тебя определю в дом престарелых.

— Куда-аа?! — захлебнулся старик. — А сама на мои денежки по курортам?! Убью!!!

— А ну, вон отсюда! — Елизавета Александровна вытолкала отца за дверь.

И теперь не знала, что делать: вокруг неё словно ядовитым мелком обвели. Соседи, не простившие Фроси, подчеркнуто вежливы; отец каждый день приходит ругаться; но главное — Вера, глаза её. Это не Ольга, которая может скрыть свои чувства; в глазах Веры — обида. Не осуждение, не укор, которым можно противостоять...

Елизавета Александровна всё дольше задерживалась на работе. Вера перебралась во времянку Фроси, где теперь дед жил постоянно. Дом Славецких, стоявший через дорогу, смотрел пустыми глазницами и стонал от несправедливости: его молодая жизнь, недавно ещё такая кипучая, угасала.

Дед Александр не мог этого вынести. Ведь это не просто четыре стены под крышей, это гнездо, и птенцы в этом гнезде ещё не оперились, чтобы бросить их. Не выйдет по-Лизкиному!

Он нанял машину и поехал к Алексею. Заберёт вещи Ольги, оставит их в своей времянке, а когда Оля выйдет из больницы, она будет жить дома!

Машины, разбрызгивая грязь, мчались навстречу. Взъерошенные деревья защитной полосы топырились под ветром, и дед Александр, глядя через заляпанное окно, вспоминал Урал. Там сейчас зима. Яркое солнце и яркий снег. Дед воочию увидел родной барак с кучей тёплой золы во дворе, соседей в ватных телогрейках, откидывающих снег от сараев, себя, распиливающего на козлах бревна, Лизу — кралю в хромовых сапожках. Только она да Танька Кулебякина хо-

---

дили зимой в сапожках, остальные в валенках. Разула-раздела родителя, а он думал, что так надо. Где вот Август сейчас мыкается? Как он так сразу остаться решил? Не сразу, не сразу! Уже здесь раздирал себя на куски! Ишь, контра, всё под себя подгрэбла! Меня в дом престарелых... на-кась выкуси! Будешь настырничать, в суд подам! За меня Родина заступится, я фронтовик!

— Ох, как ты вовремя, дед! Не могу больше! Не могу! — встретил его Алексей.

После той чудовищной ночи он то становился едким и страшным, то на него нападала тоска и хотелось повеситься; то звонил в больницу, справляясь о здоровье сына, и ему говорили, как ребенок кричит по ночам. Без омерзения не мог видеть мать и брата: казалось, они занимают всё место в доме, никак не пройдешь, чтобы о них не запнуться.

Заслышав голос деда Александра, Татьяна Николаевна спряталась. «А-аа, крыса!» — в старике взыграл боевой дух.

— За Ольгиными вещами приехал! — сказал он громко. — У неё есть свой дом!

— Забирай и мои, — распорядился Алексей. — Я здесь не останусь. — Вынул из комода простыню, покидал на неё одежду.

Татьяна Николаевна подсматривала в дверную щёлку. Сердце разрывалось: уйдёт Алёшка — Шурик наведёт алкашей, всё пропьют!

— Ну? Поехали, дед? — Алексей подхватил узел. — Я с тобой.

— Может, к Ольге заглянем, скажем, пока на колесах? А Лизку не бойся: дом на всех строили!

В больнице, поднявшись на второй этаж, они хотели окликнуть постовую, но увидали Веру. Был вечерний обход, и Олег Петрович опять выдворил её из палаты.

— Что там? — несмело шагнул к ней Алексей.

— А то! — отрезала она.

— К Ольге-то можно? — суетился дед Александр, — шоферу наши тары-бары некогда ждать.

Ольга вздрогнула, когда постовая, заглянув в палату, шепнула ей, что пришёл муж. Стыд за него, жалость к себе, страх за сына и желание вырваться на свежий воздух мгновенно взвинтили нервы: в Ольге что-то завсхлипывало, забренчало, и вдруг плетью повисла левая рука.

— Оля, вам плохо? — спросил, наблюдавший за ней Бурцев.

— Плохо...

Взяв на себя всю ответственность, Олег Петрович вышел в коридор и голосом, какого никогда не слыхивала у него Вера, жестоко приказал:

— Больную не беспокоить!

32

Случалось, в Серженске выпадали зимы с сухим снегом — тогда стар и млад спешили на улицу на окрепший воздух. Но чаще было, как теперь: то дождь со снегом, то снег с дождем, то всё это подморозит так, что разъезжаются ноги, а городской транспорт выбивается из графика; и ветер, ветер с остывшего, но не замерзающего до середины января моря.

В учреждениях свет чуть не круглосуточно — из-за хмари можно ослепнуть. Люди вялые. Вроде бы, все заняты работой, но это лишь видимость — голова отказывается соображать.

Петр Лукич смотрел в бумаги, а видел бог знает что. И думал тоже бог знает о чём. «Алевтина вцепилась в меня, как бульдожка, отодрать её может только смерть. Прожитые годы — колоссальная бессмыслица. Зачем жил, что видел, что сделал? Отец вот жил! С улова — в ресторан, а там друзья, выпивка, бабы... Есть что вспомнить».

Вышел в коридор, походил бесцельно. Две женщины разговаривали у кабинета инструктора.

— Стою в очереди в магазине. Вдруг: «Ой, проснулся, ой, проснулся!» — продавщицы о покупателях забыли, бегом! Кто проснулся-то? Кот! Здоровенный, зевает! По-ошёл себе за ящики.

«Холодно становится на земле...» — подумал Бурцев.

Вернулся в свой кабинет, откинув подальше шторы с окна: может, света прибавится, будет не так постыло? Но нет, всё осталось по-прежнему.

Однажды слушал по радио мелодраму. Запомнился монолог главной героини: «Мы постоянно лжем! Да, правда не всегда бывает права, но ложь погубит мир!»

Уставился в окно. И вдруг всплыла перед глазами картина, которая никогда прежде не вспоминалась: девочка у церкви продавала свечи, складывая деньги под платочек, вчетверо сложенный на небольшом столе.

«Когда это было? — задумался. — Давно... лет сорок назад. Да, ещё мать была жива, мы с матерью пришли в церковь. Солнце было какое-то праздничное, клёны шелестят, воздух лёгкий. И та девочка у дверей церкви, — надо же, как запомнилась!»

В кабинет заглянула секретарша, отдала бумаги. Потом зашёл посетитель. Воробей попрыгал на скользком жестя-

---

ном наоконнике. «Хоть бы вызвали куда-нибудь! — в отчаянии думал Петр Лукич. — А завтра, наконец, выходной».

По выходным, как полагается в почтенных семьях, Алевтина Владимировна пекла пирожки. С мясом, капустой или яйцом. На этот раз были с мясом.

Откушав, Пётр Лукич сел у телевизора. Показывали, как члены правительства посещают какой-то колхоз, как водят их там из одной крестьянской избы в другую, и в каждой избе достаток аж через край. Усмехался. Знал, как создаётся этот «достаток». Со всего села стаскивают что можно в «крепкое подворье», но уедут высокие чины — и всё назад разнесут.

— Пётр, — подошла Алевтина Владимировна, — пора.

По субботам, по давно заведенному распорядку, они навещали Луку Наумыча. Бурцев надел пиджак, глянул на себя в зеркало: мешки под глазами, кожа серая. Противное время — зима, зимой люди стареют.

На обледенелом крыльце ноги у жены разъехались.

«Сидела бы дома, — озлился он, — не соскучился свёкор без твоих пирожков!» Но сказать ей, чтобы вернулась, — это как об стену горох. Долг! Она исполняет свой долг!

До дома Луки Наумыча было всего два квартала, но по гололеду шли полчаса.

Муки всё-таки кончились.

— Добрый день, как самочувствие? — без малейшего интереса к здоровью свёкра, «ответственно» спросила Алевтина Владимировна. — Сегодня с мясом пирожки. Кушайте, пока тёплые.

Муж помог ей снять пальто, разделся сам. Прошли в кухню.

Без всякой охоты, а лишь бы отвязаться, Лука Наумыч налил чаю, откусил пирог. Сноха и сын празднично сидели рядом, выжидая положенное время, чтобы можно было откланяться.

— Олег на дежурстве, — сказал Лука Наумыч. — Так и семью не заведёшь: какая семья при такой работе? Приходила однажды девчонка, красивая, коса ниже пояса. Ночевала у нас. Я уж обрадовался: всё, дети пойдут. Рано обрадовался: больше не приходит.

— Кто такая? — прищурилась Алевтина Владимировна. — Не из потаскух? — и даже брезгливо встряхнула пальцами.

— Да нет... Спали они в разных комнатах, а до того чай пили. Славецкая Вера, он говорит.

Сноха поперхнулась, раскашлялась, Пётр Лукич напрягся. Остановить красноречие старика не решались: сын из опасения, сноха из гордости.

— Сидит со мной, скучает да книжками глаза портит, — продолжал Лука Наумыч. — А всё из-за собачьей работы! Разве с девками спят порознь? Только те так делают, кто на работе ухайдакается: им уж ничего не надо.

Побледнев, Алевтина Владимировна привалилась к дверце холодильника.

— Ты болеешь, что ли? — равнодушно спросил свёкор. — Не поправилась? Я вот решил гимнастикой заняться. Прочитал, что были бы кости, а мясо всегда можно нарастить. Давай тоже займись, стареешь, годы свое берут, позаботься о себе.

— Да замолчи ты! — сверкнул глазами Петр Лукич. — Где у тебя нашатырь?

— Не надо, — Алевтина Владимировна выпрямилась. — Не настолько я дряхла, как некоторым кажется. Идём, Петр Лукич, время.

Сердце её прожигал раскаленный прут! Расплакаться бы сейчас, остудить слезами металл, но до слёз она еще ни разу не унижалась. «Каменная баба! — порой ужасался Бурцев. — Хоть стучи по ней, хоть пинай».

— На свежем воздухе мы не бываем, — хлопотал у порога Лука Наумыч. — Летом буду тарань удить: занятие и отдых...

— Всего доброго, не болейте. — Алевтина Владимировна открыла дверь.

«Хоть бы одно новое слово за столько лет!» — мотнул головой свёкор.

«Славецкая! Славецкая! — горело сердце Алевтины Владимировны, голова горела. — Сколько можно? До каких пор? — Она не видела дороги, шла близко к краю тротуара. — Где силы взять, чтобы выносить надругательства мужа? И теперь — Олег? Подлецы!»

— Бойся! — дёрнул её за рукав Пётр Лукич: легковушку, ехавшую навстречу, сильно заносило.

От его окрика Алевтина Владимировна обмякла и упала.

— Царство небесное! — вырвалось у Бурцева.

Наклонился, ожидая увидеть жену бездыханной. Но Алевтина Владимировна закопошилась, поперебирала пальцами и поднялась.

— Ха-ха-ха! — гаркнула ворона с бетонной урны.

Небо опрокинулось! Тучи поползли по асфальту, вытягиваясь лохматыми шупальцами, хватая за ноги, засасывая в свои жерла! Бурцев метался как в преисподней: вот сцапают, грохнут оземь, высосут кровь! Дверь мотается на ветру, веревочная петля сверху — влезть, и разом всё кончить!

Очнулся. Долго-долго звенел кузнечик. Не сразу понял, что это в голове звенит. Постоял, перебирая губами, и наконец выговорил:

— Прощай, Алевтина.

33

На отшибе Серженска, откуда начинались зерновые поля колхоза «Светоч», расположился крохотный посёлок из глинобитных побеленных домиков на два и на три хозяина, обнесённый невысоким забором с несколькими калитками. Когда Воронихин, забрав в профкоме ключи, отыскал на этом пятачке дом, где будет жить Ольга, он подумал, что Ольге здесь понравится: во дворе акации, много сирени; сейчас они голые, но весной будет дивно.

Поднявшись по деревянным ступенькам на крыльцо, постучал. Открыла старуха с сердитыми глазами. Отошла внутрь коридорчика, тесного — не развернуться. Григорий Яковлевич поздоровался, она не ответила. Он отпер висячий замок. Пахло холодом, но не тем, что на улице, а таким, какой словно накапливается в жилых помещениях, которые надолго покинули люди. Огляделся. Вот, значит, квартира для Ольги? Слева печь, сложенная по-крестьянски: без дверцы и поддувала, с двумя конфорками, куда закладывают дрова и оттуда же выгребают золу. Прямо — небольшое окно. За печью закуток.

Стало обидно, что администрация завода «пожертвовала» для лучшей его сотрудницы такую нищенскую хибару.

— Ты, что ли, будешь тут? — В комнату вошёл сосед, познаться. — Дрова в сарае, не колоты.

— Не я. Приедет молодая женщина с ребёнком.

— С ребёнком?! — выросла как из-под земли старуха. — Не надо нам!

— Что это значит?

— Тут жила одна с ребёнком, — пояснил сосед. — Бросит, шляется где-то, а он орёт.

— Ольга Августовна не такая.

— А чё ж без мужика тогда?

Воронихин не смог ответить.

Из посёлочка он сразу поехал в больницу. Надо сказать Ольге, что с квартирой не повезло: далеко, мол, от работы и детского сада. А говорить, что это не квартира, а конура, не стоит, он всё равно не отступится от профкома: или нормальное жильё для Славцевой, или пусть ищут другого директора!

С тем и явился, ожидая, что огорчит Ольгу. Но она так ясно улыбнулась ему, что он снял очки и протер глаза. Из

палаты вышел Поздеев, тоже улыбаясь. «Гм... — Григорий Яковлевич недоуменно посмотрел на них. — В лотерею, что ли, выиграла?»

А Ольга с Поздеевым и не собирались скрывать своей радости. Вчера она сказала ему:

— Знаете, когда я выходила замуж, я по любви выходила, мне вдруг некстати подумалось, что это не та любовь, что настоящая придёт гораздо позднее.

Воронихин что-то побормотал о квартире и предстоящих утренниках в Доме культуры, понял, что влюблённым сейчас не до этого, и простился.

«Вот, значит, какие дела. Ладно...»

Бурцев от жены ушёл. Сделал всё, чтобы Славецкой некуда было отступать.

— Да пойми же ты, — убеждала она отца, — надо продавать дом. Кому жить в нём? Продам, и ты получишь часть суммы.

— Башку мою продай! Свою ты уже продала!

Дочь уходила из Фросиной времянки, и он ничком падал на кровать. События последних недель сильно подорвали здоровье старика. Надеялся, что Ольга с Алексеем будут жить дома, радовался, когда ехали к ней в больницу, а получилось наоборот: Ольга даже не вышла к ним! И врач прогнал. Старик теперь больше дочери винил Ольгу.

— Может, отступиться тебе, Саша? — жалела его Фрося. Оля говорит: ей квартиру дадут. А Вера с матерью будет.

— Сюда твоя Вера прибежит, сюда! В твою времянку! А Лизке надо продать, хахаль, видимо, наступает на горло!

Но однажды мрачно сказал Фросе:

— Отдать бы ей деньги-то, заплатить за дом, да — нету. Подожду я его!

Дед Александр уже представлял, как разольёт бензин по комнатам, как вскинется всё пламенем, начнут лопаться стёкла, потом крыша займётся... Созданное его руками пойдёт на ветер! Ну и пусть на ветер, пусть! Пусть никому не достанется!

— Са-аша! — смертельно перепугалась Фрося. Зная его, она не сомневалась, что так и будет: спалит дом! А потом — тюрьма? Да он ещё до суда умрет! — У тебя, Саша, пять тысяч есть Верочке на приданое, у меня — две. Дочь моя скольнибудь даст. Десять найдём семейно, а остальные будем просить у мира. У нас в деревне, если беда у ково была, миром выручали, потому што, если беда к кому другому зайвится, опять миром помогут. — Голос Фроси отнюдь не был твёрдым: старый мир сильно отличался от нового.

— У какого мира?! — взвился дед Александр. — Головонька, что ли, мир?

— Головонька — тоже. Люди все хорошие, Саша, нету плохих людей. Ты к им с добром подойди, они всё тебе сделают.

— Лизка уже сделала!

— Лизка беды не видела. Кто беду видел, у того сердце теплое. Сколь ей надо-то?

— Двадцать!

— На год попросим, за год всяко рассчитаемся. Дом Оле отдадим, а все в ём жить будем, и кому худо будет, всех придем.

Дед Александр настолько измучился, что ему наконец стало всё равно.

Сульдиковы, к которым они обратились первыми, сразу дали недостающую сумму. То было чудо! Враг деда Александра — Головонька оказалась нормальным человеком, и дед, хоть убей, не мог в это поверить. Он же представлял, что поручик если и даст рублей пятьсот, то непременно после долгой битвы с Клавой.

— Клава... — повинился, — ты прости меня... ну, за парикмахерскую-то...

И когда Елизавета Александровна пришла с работы, вручил ей деньги.

— На! — легко отдал, без злобы. — Переписывай дом на меня и делай теперь что хочешь!

34

Яна и Олеся готовились к Рождеству. Были вынуты из сундуков плетёные салфеточки, подсвечники, ангелочки с крылышками из сусального золота, несколько ёлочных игрушек, сохранившихся с незапамятных времён. Рождество они отмечали двадцать пятого декабря — так настояла Яна, считая «Олесино» Рождество неправильным. Сестра не перечила, но седьмого января всегда выстаивала в церкви полную службу. На праздник обещались быть Вацек, Ганна, Степан, вернувшийся из армии, и Яна по такому случаю решила на «крупные траты».

— Торт сделаю.

Она давно не пекла торты и всё же надеялась, что получится как надо: в три яруса, с цветами и звездами. Газовую духовку Яна не признавала. Протопила печь, дала настояться жару.

Олеся готовила на газу церковное блюдо: отваривала пшено. Газ в баллоне кончился, и она тихонько постукивала по нему пальчиками.

— Ты чего это? — увидев, удивился Август.

— У нас квартирант жил. Газу нет, он страхал баллон, и хватало ещё чайник вскипятить.

— Так он — страхал!

Август тоже попробовал встряхнуть, но тощая синяя струйка, показавшись, сразу исчезла.

— Нет, Олеся, придётся твое пшено в печке доваривать.

— В ней торт сидит... — Август заметил в глазах тётки обиду: не мог вовремя позаботиться!

Ему было трудно с тётками. Они для него ничего не жалели, но требовали догляда за всем. Что-то не успел, упустил, не выполнил — уже всё, уже разобиделись. Трудно было и в другом плане: они питались скудно, а он, имея приличный заработок, покупал продукты дорогие. Старушки стеснялись, не ели, и ему кусок в горло не лез. У Олеси ботинки стёрлись, купил новые — не надевает, ходит в стертых, уверяя, что ей так удобно, а новые жмут.

«Не обращай внимания, — советовал ему Вацек, — они вже старые, с ума выжили». Но как было не обращать внимания, если всякий день рядом?

— К Вацеку поеду за баллоном, — сказал Август. — У него запасной есть.

— Не треба. Потом заказ сделаем.

Август поперхнулся, заалели щеки; ушёл в свою комнату.

Заняться было совершенно нечем. Когда-то он говорил брату, что снова будет рисовать, но не рисовал, душа молчала. Взял книгу — на полочке их было несколько, квартиранты наоставляли. Не прочел и страницы, как заявила Яна.

— Лампочку сильную ввернул, Август. Свету много нагорит.

— Да я же плачу за него.

— А куда тебе такой свет? Пробки перегорят.

Вот и думай, куда себя деть? А вечер длинный и хоть предпраздничный, а какой-то... чужой.

Олеся, так и не доварив пшена, уселась у телевизора смотреть детскую передачу «На добра ничь». Август присел рядом. На экране зайчик спать укладывался, приглашал и их с Олесей. Олеся уже открыто зевала: тётки рано ложились спать. Август пялился в телевизор. Сколько позади таких вечеров! А впереди сколько?.. «Как там мои? — думал. — Ольга давно не пишет, а ведь от неё одной узнавал новости, от Веры не добьёшься: наболтает всякого... Как внук? Наверно, совсем большой».

Ему хотелось поговорить с тётками о дочерях, внуке... Но Олеся не знала семьи, а Яна рано рассталась с мужем, детей

не было. Тётки не понимали его. «Было бы из чего вздыхать и седые волосы иметь!» — фыркали. Олеся развлекала его рассказами о святых угодниках, которые он уже наизусть знал. Надо было втянуться в эту жизнь, но Август не мог.

Тётка уснула перед телевизором. Он вспомнил, что в его комнате форточка настежь — вошёл и замер: на форточке сидела большая, красивая птица! «Попугай, что ли?» — мелькнуло в голове. Был случай, в Серженске к ним залетела канарейка. Бесхвостая, уселась на телевизор, косясь черной бусинкой глаза. Жила в доме, пока хвост не отрос, потом стала улетать. Но непременно возвращалась. И пела. Как пела! Усядется перед трюмо, разглядывая себя так и этак, и заливается! Но однажды улетела и уже не вернулась.

— Здравеньки булы! — сказал Август «попугаю». — Ты откуда?

Пригляделся к птице: на голове чёрная жокейская шапочка, грудка и шейка серо-голубые, спинка синяя, хвост чёрный с белой полоской — не похожа на попугая. Чудо вспорхнуло и заметалось по комнате! Раз — шлёпнулось, не рассчитав расстояния, второй... Но больше уже не падало, кружилось по периметру, то усаживаясь на дверцу форточки, то снова принимаясь летать.

Август распахнул дверь: летай по всему дому! Но гость уселся на печную заслонку, там и уснул.

— Побачь, який вышел! — Яна с гордостью внесла торт.

— Побачь, — в тон ей отозвался Август, показав глазами на «попугая».

— Снегирь!

— Нет, тот красный...

— Всякие есть.

Опасаясь, что потревоженная птица может испортить её шедевр, Яна отнесла торт в кухню, и вернулась. Дотронулась до снегиря. Гость раскрыл клюв, недовольно зашипев, однако с места не сдвинулся.

— Самэ ленивэ з всіх, — разъяснила Яна.

Август накидал на пол пшена, поставил блюдце с водой — на случай если гость захочет поужинать. И хоть было совсем ещё рано, лёг спать.

Сон не шел. Вчера, идя на работу, увидел бывшего одноклассника и свернул с дороги, чтобы не слушать бестолковых возгласов, расспросов и приглашений в гости. Поначалу-то ходил по гостям, но надоело. Застолье, фотографии, дети, внуки — обо всех подробно рассказывалось. Однажды Оксанка зазвала к себе, и тоже — о детях, муже, который рано умер. Смотрела на Августа, без слов умоляя: «Сойтись

треба, ты один, я одна...» А он не мог сойтись с ней: выгорела душа. Стал избегать встреч. Только с Марысей было ему хорошо: перекинутся при встрече парой слов, и долго он потом вспоминает, во что она была одета, как улыбнулась, выказав чуть кривенький зубик.

— Позвоно домой! — решил Август. — Пусть даже Лиза поднимет трубку, всё равно буду рад!

И уже думал только о доме. Там уже готовятся к Новому году. Дед скоро установит капроновую ёлку, навесит фонарики, чтобы непременно красный был наверху. Будет музыка — детские Верочкины пластинки, она их слушает один раз в год. Вера будет вынимать из коробки игрушки, что-то шепча над каждой и только потом отыскивая для неё место на ёлке. Среди игрушек — обязательный домик, который они с матерью когда-то склеили из открыток, придумывая, как сделать, чтобы светились окошки... «Нужно к чему-то прибавиться», — думал Август.

Лёг на спину, усталился в полоток. В окно светила луна. От её света трещинки на потолке, казалось, задвигались, ожили. Август увидел реку, стог сена, тропинки по берегу. Увидел женщин, солдата с шашкой: женщины раскладывали соломенные циновки, готовили обед, солдат топтался рядом. У летней печки, зарывшись с золою, лежала курица, а на курице, поперёк, распластался котёнок.

От такого видения Августу стало дурно.

А снегирь до утра не шелохнулся. Утром захлопотал, застучал клювом в оконное стекло: выпускайте! Август взяла его в руки — сердечко бьётся, как загнанное.

Вышел на улицу. Выпустил. Снегирь шелковой ленточкой скользнул по его ладоням. Сделал круг по саду меж белых, пушистых, словно в весенней кипени, деревьев, опустился на одно из них, что-то выклеывая с веточки. И так захотелось Августу рассказать о своём ночном госте Вере! И он решился: вернётся в Серженск. Будет жить в общежитии, у частника — да где угодно, потому что здесь родина, а там — всё!

35

Григорий Яковлевич предложил Вере роль Снегурочки на детских утренниках. Вера умела увлекать и увлекаться, к тому же у неё коса настоящая, а не из пакли. Но главное — он хотел помочь ей выйти из депрессии: тяжело было видеть, как эта жизнерадостная девочка смотрит в одну точку, то вздрагивая, изумлённо приподнимая брови, морща лоб, то, как маятник, раскачиваясь из стороны в сторону.

Вера почти не спала по ночам. Если бы не дед и Фрося, перебравшиеся ради неё в большой дом, она бы, пожалуй, с ума сошла. Смотрела на грецкий орех за окном: «Ведь мама не любит Бурцева, не любит! Значит — просто так? Как же это может быть — просто так? А если у неё всегда было, как теперь? Ведь это ужасно, ужасно!»

Утыкалась лицом в подушку, пробуя найти оправдание матери: «Что-то случилось; она, быть может, заболела, с ума сошла, ведь нормальный человек не захочет такой жизни, а она захотела!»

«Нет! — вскакивала. — Это не моя мама! Она только взяла себе мамины руки, голос, лицо, волосы...» В непереносимой тоске ходила по комнатам, как по сцене театра, где представление закончилось, публика разошлась и зрительный зал стал тёмн и непредсказуем.

— Чего шарахаешься? — ругался с постели дед.

— Сама не знаю.

Кукушка на часах отсчитывала три, четыре... «Спи! — приказывала себе Вера. — Спи!» Но не могла уснуть. Жалела мать, себя, Олега Петровича, его мать, своего отца...

От Олега Петровича она отказалась сразу: нет у неё права быть дополнительным несчастьем для его матери, и без того обиженной, оскорбленной женщины. Но разлюбить не могла и верила, что он её тоже любит. Она никогда не собиралась за Бурцева замуж — «замуж» было что-то совсем иное, не относящееся к её чувству; она только хотела быть рядом с ним: говорить, смотреть...

В школе кое-как отсиживала уроки.

— Да возьми же ты себя в руки! — беспомощно суетился возле неё Сергей. И не узнавал Веры. Где та смешливая девчонка, которая ещё недавно рассказывала, как поют вороны на мусорной куче: «Уселись, грязнушие, вертят башками и поют скрипучими голосами, словно доски от забора отдирают!»

— Серёжка, для чего люди живут?..

— Для пакости. Лично я живу только для этого. Шучу.

Надо было вывести Веру из тяжелого состояния, и Григорий Яковлевич дал ей роль Снегурочки. Быть Дедом Морозом вызвался Поздеев, у него сейчас отпуск. Николай Иванович не стал бы развлекать публику, если бы не Вера. Он тоже хотел помочь ей. Ведь она всех меряет на свой аршин, и можно только представить, как дико ей то, что случилось в доме, какой убитой она себя чувствует.

Ольга жила с Поздеевым. Всё произошло просто: судьба свела двух избитых жизнью, но не изверившихся людей. «Сре-

---

ди миров в мерцании светил одной звезды я повторяю имя, не только потому, что я ее люблю, но потому, что мне темно с другими», — напевал Николай Иванович, переиначив строки Анненского. Им было хорошо вместе.

Вера поначалу сердилась на Ольгу, хоть было понятно, что к Алексею она не вернётся. Но так сразу? Это называется — менять мужей, как перчатки! Но потом поняла, что сестра и Николай Иванович правы. Какая разница, сейчас или через год? Алексей жив, здоров, траура нет. Полюбили и сошлись, вот и всё, без всяких хитростей. Об Андрюшке Николай Иванович заботится больше, чем родной отец. Вспомнить только, как Алексей заставлял Ольгу брать на работу сына! Чтобы, убежавшись там, Андрюшка спал где попало, а потом, недоспавшего, мать тащила его домой по холодным улицам; а утром, сонного, вела в детский сад...

Начались репетиции. Поздеев старался втянуть Веру в игру, а её заботило совсем не то: перед глазами запечатлённым фотоснимком стоял уход матери. На полу коробки с её вещами — через минуту войдёт незнакомый мужчина, заберёт. Последние слова, обращённые к дочери: «Мы обязательно будем вместе, но пока сама ничего не знаю».

Воронихин, наблюдая за Верой, терялся: такая Снегурочка детям не нужна, отказаться от неё тоже невозможно. Оставалось надеяться, что на утреннике Вера выйдет из оцепенения.

Но случилось иначе. На предпоследнюю репетицию Вера пришла веселой. Не умея ничего скрывать или оставлять на потом, она сразу выложила Ольге, что отец возвращается.

— Звонил вчера, с дедом разговаривал, дед сказал, что в доме всё теперь по-другому, места хватит всем, и вообще, пусть скорей приезжает! Дед вас с Николаем Ивановичем в гости зовёт.

Ольга обрадовалась. Зачем отцу чужая семья, если есть своя?

— Дед баню хочет строить. Говорит, что папка и Николай Иванович помогут.

Сегодня Веру не надо было втягивать в игру, она её сама искала. И когда по ходу действия Волк начал упрашивать ребятшек: «Давайте, детки, пожалеем дедушку Мороза, он уже старенький», а Вера подтвердила: «Очень старенький: глазки не видят, носик не нюшит», Поздеев схватил её в охапку и расцеловал.

Под вечер, купив вина и продуктов, на такси поехали в Виноградовку. Город сиял праздничными гирляндами, вензелями, ёлочками в витринах магазинов, искусственным сне-

---

гом в них же; на площади улыбались набитые трухой Дед Мороз и Снегурочка.

— Нас тоже трухой набыют, — подмигнула Поздееву Вера.

Проезжая мимо почтамта, обернулась на самый дорогой ей в Серженске дом: вот и кончено всё! А как мечтала вместе с Бурцевым встретить Новый год! Бежала бы к нему по холодным улицам, а он бы ждал её у почтамта. «Эх, Олег Петрович, Олег Петрович! А впрочем... папка же вернулся. Фрося говорит: «Ты своё думаешь, а Господь — свое».

Трасса от кирпичного завода повернула к Виноградовке, и сидящие в такси увидели непередаваемую картину: по дороге тянулись арбы, запряжённые лошадьми, а за ними пёстрой толпой цыгане. На серой дороге и под таким же серым небом табор казался жалким, обиженным.

— Куда ж они в зиму-то? — охнула Ольга.

— Да кто его знает, — ответил шофёр. — Станный народ.

В Виноградовке топили печи, и над домами вились дымки. Дед Александр стоял у калитки. Он был сегодня хозяином, наконец-то хозяином, а не приживалой, которого могут поместить в дом престарелых, и кто — родная дочь! В ожидании гостей он всего наготовил: грибочки маринованные — сестра прислала, котлетки из судачка, картошечка с мясом... Выплатит долг — и икра будет! Скоро тарань пойдёт, купит вот на две пенсии и будет сам торговать: зимнюю таранку курортники с руками отрывают.

— Здравствуйте! — поздоровался с ним Николай Иванович.

Подавая Поздееву руку, старик без стеснения разглядывал его: что за ухаля нашла себе Ольга? Ничего, скромный мужик. Хирург, значит? Пусть Фросю посмотрит, у неё ноги болят.

— А-аа, вот и приехал! — поднял на руки правнука. — Узнал меня, нет?

Андрей заулыбался: узнал.

Ольге было странно, что Андрей не боится её заполошного деда: тот приходил в больницу, на повышенных тонах выговаривал ей нелицеприятное, но Андрей не пугался. Дед приносил ему какой-нибудь бублик, который сын сроду не взял бы в рот, но тут брал и ел. Неужели Андрей чувствовал беззащитность старика и откликался заботой, как умел?

Пока шли до крыльца, дед ревниво спрашивал Поздеева:

— Новый-то год где будете встречать? Давайте уж тут; да вообще давайте переезжайте, мы с Фросей во времянку уйдем, привычнее.

— К бане ближе, — прыснула Вера, сразу заработав отповедь:

— Построим, так ты первая мыться полезешь!

Накрыли на стол. Андрей вскарабкался деду на колени, совершенно его ошастливив. Разговор был лёгким, словно всегда жили под одной крышей. Прошлого не касались: было — и хорошо, что было, нельзя человеку без прошлого, не человек он тогда.

— Дедушка, — заикнулась Ольга, — мы с Николаем можем тебе выплатить долг.

— Нет! Сам я начал, сам кончу!

— Хозяйское решение! — похвалил Поздеев, не представляя, как сильно польстил старику.

Выпили. Повторили. Фрося, раскрасневшись, запела «На Муромской дорожке», Николай Иванович подхватил, к огромному изумлению старика. Ольга тоже знала эту песню, повела второй голос. «Хоть бы Головонька с поручиком зашли! — был поражён дед Александр — Прямо как на Урале после войны! Соберутся улицей, пьют, поют...»

— Кто по правилам воевал, те и проигрывали! — заявил, когда песня кончилась. — Мы со «студебеккером» в грязину-то снимали задние колёса, ставили на переднюю ось. Наше изобретение! Немцам не додуматься! Сразу колея шире и проходимость лучше.

Это было совершенно некстати, не имело связи ни с песней, ни с обстановкой, но деда никто не одёрнул и не фыркнул на него недовольно. Ну, думал человек о чем-то своем — и высказался.

Сидели долго. Дед Александр предлагал проект бани с большим предбанником, столом, лежаком и кадушкой с квасом.

— Веники мне с Урала пришлют.

— Да в городской бане полно берёзовых веников, двадцать копеек штука, — засмеялась Вера.

— Не ври, — не поверил он.

Но Николай Иванович кивнул: так и есть.

— Ну, и всё тогда, готовим бревна и строим.

— Ты хоть папку дождись, — внучка до боли сжала губы, удерживая хохот.

— Ты!.. Ты!.. — вспыхнул как порох дед. — Дура ты!

— Ещё поскучаешь без дуры, поплачешь в наволочку. Уеду в институт, пять лет не увидишь!

— Уедь сперва! Я видел твой дневник: тройки одни!

Спать легли очень поздно. Вера, закинув руки за голову, уставясь в потолок, расслабленно говорила Олегу Петровичу о своей любви к нему: «Как хорошо, что вы есть на свете! И не вздумайте утверждать, что мои чувства к вам «смелая выдумка», что она чем смелей, тем дороже, тем скорее стира-

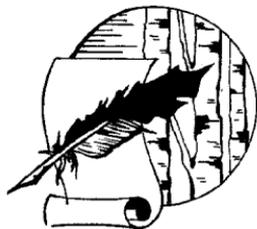

ется грань между ней и реальностью. Какую вы антимонию развезли, когда я ночевала у вас! Мне кажется, вы влюбили в меня первым, а мне уж от вас передалось. Вот поступлю в пединститут... нет, лучше в театральный... а еще мне химия нравится. А если у человека нет никакого дара, то он свободная молекула, говорит химичка, и он будет прибиваться... он будет ... с молекулой...» — по потолку заходили круги, на кухне пискнула молекула. Вера что-то еще хотела сказать Бурцеву, но не успела, уснула.

Ольга и Поздеев тоже не сразу заснули. Говорили о том, что, конечно же, надо переезжать сюда, иначе для чего возвращение Августа? Надо помочь деду выплатить долг, но сделать это так, чтобы ни в коем случае не обидеть его.

— Что-нибудь придумаем, — прижималась к Николаю Ивановичу Ольга, испытывая к нему глубокую нежность. И, не зная, как выразить её, какие слова подобрать, чтобы они не исказили это чувство, прошептала: — Где же ты раньше был, Коля?

г. Губаха, Пермский край

Вячеслав БОГДАНОВ
(1937 — 1975)

К 80-летию со дня рождения

Вячеслав Богданов — один из ярких, талантливых русских поэтов, который погиб в Москве на взлете своего творчества.

Его стихи — песнь о России, о чистой любви, о раздолье полей, о запахах трав, переливах птиц и о светлых образах сельских и заводских тружеников его малой родины.

Вячеслав Алексеевич Богданов родился 24 сентября 1937 года в деревне Васильевка Тамбовской области. В 1953 году приехал в Челябинск, обучался в фабрично-заводском училище. Более 15 лет работал слесарем-монтажником на металлургическом заводе. Служил в танковых войсках. В 1969 году окончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Писать стихи начал с юности.

Его первая малая родина — Тамбовщина — напоила поэта красотой и душевностью русского человека, а вторая — Урал — дала поэтические крылья.

При жизни поэта было издано семь поэтических сборников, а после гибели — шесть. Им написано более двухсот стихотворений, четыре поэмы и пьютю, «Сталевар», он не успел завершить.

Петр Проскурин написал о Вячеславе Богданове: «Он пытался понять, что такое Россия, что такое русский человек. И самое главное — что делать дальше... Он был из сердца народа. Он болел его болью».

После гибели поэта в Тамбове, Челябинске и Москве изданы книги его стихов и воспоминания друзей. На Тамбовщине проходят ежегодные Богдановские чтения. Там же открыт музей поэта, названы его именем районная библиотека и улица. Ежегодно вручается литературная премия его имени «Светунец», утверждены две стипендии одаренным школьникам, установлен памятник поэту работы Народного художника Н.А Селиванова.

Виктор СОШИН

ДЫМОК НАД ОТЧИМ ДОМОМ

АГАВА

Расцвела агава в южном парке,
Цвет фонтаном заструился ярким.
Тридцать лет живет всего агава
И цвести лишь раз имеет право.
Только раз —
Цвести высоким цветом,
Увядая навсегда при этом.
Как её возвысила планета —
Умереть от собственного цвета!..

В СИНЕМ ЦЕХЕ

Только утро разбрезжится синью,
Торопливо уйду со двора.
Я работаю в цехе Россия,
В синем цехе красы и добра.
Пусть дороги круты,
Словно годы.
Глубине поучусь у сохи.
Мне,
Рабочему парню завода,
Так нужны до зарезу стихи.
Петь так петь!
Чтобы слабый с постели
Встал
И небо подпер головой,
Чтобы люди от песни добрели,
Заполнялись глаза синевой.
Но пока только версты да версты,
Да горит мой дорожный костер,
Да летят полуночные звезды
В голубые ладони озер.
И дрожит молодая осина,
Что погреться пришла у костра,
Я работаю в цехе Россия,
В синем цехе красы и добра.

ВДОВА

У дороги на краю села,
В домике саманном небогатом
Одиноко женщина жила,
Вдовушка погибшего солдата.

Было ей не больше тридцати,
Скрылась радость за военной далью...
И коса тугая на груди
Завивалась чёрною печалью.

...Как, бывало, выйдет на покос
Всем на зависть — ловкой и нарядной,
Мужики зашепчутся всерьез:
— Красота! Аж поглядеть отрадно!

И к таким восторгам не глухи,
Потайную проторив дорогу,
Часто к ней стучались женихи,
Да ни с чем катились от порога.

И, как тайну, свято много лет,
Сохраняя простоту и силу,
Возле сердца маленький портрет
В медальоне желтеньком носила.

И дивились бабы всем селом
Чистоте любви осиротелой,
Что она, тоскуя о былом,
Вроде лучше счастья не хотела.

Что вы, бабы, суетитесь зря?
Жизнь не просто повернуть сначала.
Знать, она, по правде говоря,
С прежним мужем ровни не встречала.

ВЕТРЫ

Развел в пути я множество костров
И в час прозренья для себя приметил:
Раскроен мир на тысячи ветров,
Есть ко всему попутный в жизни ветер.
Есть ветер зла,

Есть ветер суеты,
Попутный ветер к зависти,
Бессилью...
О, сколько душ они перебесили
И никому не дали доброты!
Я сам стоял на тысяче ветрах...
И, по крови упрямый от рожденья,
Хоть падал я,
Но, презирая страх,
Оставил сердцу ветер восхожденья.
Он дует в грудь
И замедляет бег
И высекает ранние седины...
Но зарубил я для себя навек —
Не верь ветрам,
Что дуют резко в спину!
Они тебя закрутят,
Заведут,
Куда и сам ты никогда не метил...
Острее чутье, когда идешь на ветер,
Хоть путь тяжел,
Подъем к вершине крут.
Но ты придешь к вершине бездорожьем.
И крыльям даст упрямству высота.
И сам увидишь: к твоему подножью
Так подхалимски, жалостно, ничтожно
Прилипли зависть, злоба, суета...

НЕПОВТОРИМОСТЬ

Я молодость, как буйного коня,
Всё гнал,
Всё гнал по кручам
И долинам.
И не вгляделся на пути недлинном
В ночную мглу,
В простор зеленый дня.
Мы в молодости временем щедры.
Бросал я дни налево и направо.
Безумно жег высокие костры,
Беспечно падал в луговые травы.
Судить себя за это не берусь.
Всеми свой час,
Всеми земные сроки...

И счастлив я,
Что под звездой высокой
Она всегда неповторима — Русь!
И день ко дню склоняет время плотно,
И удаляет молодость мою.
Где раньше я промчался мимолетно,
Теперь в большом раздумии стою.
Из мглы ночной продвинулись ко мне
Высокой тайной вековые сосны
В игольчатой сквозящей тишине
Ушедшие кольнули в сердце вёсны.
И увели в простор зеленый дня,
Где даль встает дымами и стогами...
Земля качнулась тихо под ногами
И понесла — усталая — меня
К раздумиям о буйствах тишины,
О тишине кипенья грозового...
А для чего мы в мире рождены
И для чего рождаются люди снова?
Им снова жить бездумно до поры
И дни бросать налево и направо...
И разжигать высокие костры,
Беспечно падать в луговые травы...
И к ним придут раздумья — жизни груз.
Всему свой час,
Всему земные сроки...
И скажут вновь,
Что под звездой высокой
Она всегда неповторима — Русь!

ПОБЕДА

Памяти отца, погибшего на фронте

На рубеже войны и мира
Солдатам в касках боевых,
Как невзорвавшаяся мина,
Она казалась в первый миг.

Еще рейхстаг дымил кудлато,
В глаза лез пепел,
Словно страх...
Еще к горячим автоматам
Цепляли диски в горячах.

Еще в прифронтовом санбате
Кричал в бреду сержант:
«Вперед!»
Еще, как черное проклятье,
Фашистский падал самолет.

Еще не высохли чернила
Победной маршальской руки...
Еще стволы не зачехлили
В победный миг фронтовики, —

Победа!
Вот она, Победа!
Прими ее, солдат-герой!..
Ты начиналась от рассвета
Июньской страшною порой.

От снов отцов непробудимых
И величавой славы их,
От глаз прощальных и любимых
На всех перронах горевых.
Ты начиналась долгожданно
И увлекала за собой,
Как лейтенант,
Скрывая раны,
Ведет солдат в неравный бой...

Была ты верой всенародной
От первой
Огненной
Черты.
Чем дальше ты уходишь в годы,
Тем всё ясней твои черты...

ВЕРНОСТЬ

Я в своих убеждениях прям,
Нет кривого пути у поэта.
Пусть враги по стихам
И делам
Целят в сердце от злости за то.
Только смерть остановит
В дороге.

А пока я живу
И дышу...
Пусть отрубят мне руки
И ноги —
Я
Зубами стихи напишу!!!

ОТГУЛЯЕТ ЗИМА ПО УРАЛУ

Отгуляет зима по Уралу,
Даль разбудят ручьи ото сна.
И опять
Как ни в чем не бывало
Заторопится в гости весна.
Заторопится дождиком,
Громом,
Майским лугом взойдет надо мной...
И под парусом белым
Черемух
Поведет стороною родной.
Поведет по равнинам,
Озерам,
Тишиной приласкает в краю,
Где о наши
Скуластые горы
Точит молния
Саблю свою.
Там рога запрокинули лоси,
Шаг далёко заслыша чужой...
По озёрам
Прошедшая осень
Карасиной рябит чешуей...
Там,
Тревожа окрестные села,
Зазывает огнями завод.
И в чашобах,
Как мудрый геолог,
Ищет клады уральские крот.
Тянут ветры сквозные из леса
Запах липы в озерную синь.
Здравствуй, край
Красоты и железа —
Молчаливая гордость Руси!

СТОГ

— А какой тебе годик?

— Шестой миновал.

Н.А. Некрасов

Тяжелый год. Нетопленная печь.
Глухая ночь,
А в доме — ни полена.
Над стогом месяц висится,
Как меч,
Крадусь в степи,
Как будто бы из плена.
Огонь в избе объездчика потух...
И не страшны мне ни погост,
Ни волки...
Лишь скрип салазок напрягает слух,
Торчит стерня,
Острее, чем иголки...
Я стогу в бок вогнал железный крюк,
Обучен рано ремеслу такому..
Но только стог упрям, как жадный друг,
Мне по клочочку выдавал солому.
И дергал я солому сколько мог,
Искал места, где легче подступиться.
Вгонял я крюк.
И, оседая, стог
Стонал в ночи, как раненая птица.
И я, мальчишка десяти годов,
По-взрослому,
Совсем не без опаски,
Между чужих запутанных следов
Тянул домой с соломою салазки.
Такая даль искрилась впереди!
Такие звезды крупные сияли!
Хотелось всю деревню разбудить,
Но брел тайком,
Чтоб люди не видали...
Я отдохнуть присел на бугорке, —
Спасителем от всех морозных бедствий
Колхозный стог виднелся вдалеке,
Раздерганный кругом,
Как наше детство.
Я это все запомнил и сберег.

И сердце оттого не каменеет..
И душу мне,
Как тот колхозный стог,
Никто вовек раздергать не сумеет!...

РОДИМЫЙ ДОМ

Н. Тряпкину

К дверям забитым я зимой приеду,
Замочный ключ до боли сжав в горсти.
И улыбнусь
Хорошему соседу,
И попрошу мне клещи принести..
Я в дом родной вернусь не блудным гостем!
Я, словно ключ,
Любовь к нему сберёг..
И под рукой
Застонут длинно гвозди,
И упадут, как слёзы, на порог..
И тишина мне бросится на плечи,
А голуби забьются под стреху.
Трубу открою
В стылой русской печи
И, словно память, — пламя разожгу!
Где бог сидел — снежок набила вьюга.
И, оглядев на карточках родство,
Я вместо бога
Сяду в правый угол,
Огонь в печи приняв за божество!
Дыши высоким пламенем, солома!
Пускай деревня видит наяву,
Как мой поклон — дымок над отчим домом —
Всему, чем я страдаю и живу!

ЛЕС

Весенний лес — зеленая истома —
С зарею вышел к нам из темноты.
И небеса, укатанные громом,
Легли на даль сосновой красоты.
Вчера был дождь и сильный,
И полезный.

Качались дали,
Словно на весу...
Метались яро молнии по лесу,
Чего они искали там, в лесу?
Я сам иду по лесу не случайно.
Ведет тропа меня,
Как волшебство.
Живет в лесу непознанная тайна,
Всего земного — кровное родство.
Живут в родстве букашки и березы;
И белка с думой о семье в дупле...
И не случайно с неба сходят грозы,
Они родились тоже на земле!..

УТРО

Стек в лощины предутренний мрак.
Спит деревня, садами завесясь.
Лишь вдали на скале,
Как рыбац,
Наклонился над озером месяц.
Развернулась заря широко,
Поджигая росу по курганам.
В луговых берегах далеко
Мчит речушка под гривой тумана.
Все заботы начнутся с утра.
Может быть, и такое случится —
Скажем, ссорился с другом вчера,
Поутру поспешишь помириться.
Я утоп в теплоте и цвету,
Мне совсем догадаться нетрудно,
Что в сердцах у людей
Доброту
Пробуждает весеннее утро...

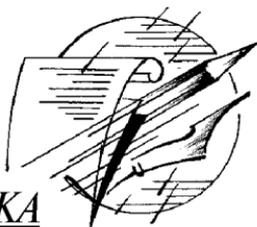
ПРАВОСЛАВНЫЙ СОЦИАЛИЗМ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Часто говорят, что набирающая популярность в патриотическом сообществе идея православного социализма — это химера. Что это нечто искусственно надуманное, иллюзорное и невозможное. В данной статье сделана попытка показать, что православный социализм на сегодняшний день — это объективная потребность русской истории. Если думать о будущем в контексте нашей истории, то это единственное направление, в котором просматривается позитивная перспектива.

Историческая неопределенность

Россия находится сегодня в неопределенной исторической ситуации. После обрушения Советского Союза и отказа от грандиозного советского проекта, который определял лицо русской цивилизации в XX веке, Россия потеряла направление своего исторического развития. В цивилизационном смысле мы уже двадцать пять лет топчемся на месте, по инерции «доедая» наследие предыдущих эпох.

Более того, если обратить внимание на русскую демографию, на вымирание

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

исконно русских северных областей, на переход от индустриальной к сырьевой экономике, на падение геополитического статуса России, на всё углубляющийся пессимизм общественных настроений, то можно констатировать — инерция исторической жизни русской цивилизации катастрофическим образом затухает. И патриотические речи «на высшем уровне», парады на Красной площади, памятники князю Владимиру или Ивану Грозному тут ничего не меняют. Это всего лишь попытки хоть как-то «вспомнить себя», подтвердить реальность своего исторического существования, поднять свою национальную самооценку, которая очевидным образом стремится к нулю. К настоящему новому историческому движению это не имеет отношения. Тем более это не имеет отношения к будущему.

Именно будущее России сегодня является главной неопределенностью и проблемой. Можно ли жить, не думая о будущем, не представляя хоть в общих чертах желаемое для себя будущее? Можно ли двигаться исторически, не имея направления в сторону будущего? А мы именно лишены сегодня вектора в будущее, не имеем никаких внятных стратегических целей и устремлений. Нам хотели задать «перспективу либерализма» в ее западном варианте, но народ и патриотическая элита однозначно отвергли эту перспективу. Это явно не наш путь. Но свой путь в будущее так и не обозначен даже на уровне идеологии. Поэтому мы топчемся на месте. А это не безобидное занятие. Идет растрата жизненной энергии нации, тонуса, навыков, исторического оптимизма и т.д. — это деградация по всем параметрам, угасание исторической жизни.

Как стронуться с места? В каком направлении надо приложить соборное общественное усилие, чтобы началось новое национально-историческое движение? Ответы на эти вопросы надо искать в первую очередь в самой истории, в анализе ее логики, ее закономерной поступи.

История объективна. Та историческая ситуация, в которой мы на сегодняшний день оказались, не случайна. Она предопределена нашей предыдущей историей и в этом смысле содержит в себе как отражение прошлого, так и возможность будущего. Поэтому мы можем и должны найти здесь ответы на наши вопросы о будущем. Это та первичная базовая реальность, из которой нам следует исходить, чтобы сохранить, во-первых, историческую объективность в своих рассуждениях, а во-вторых, чтобы не оторваться в те или иные свободные историософские фантазии.

Очевидно, что начаться новая российская история может только с той точки, на которой она остановилась. Однако нынешняя остановка, характеризующаяся катастрофическим обвалом предыдущей модели развития, это не просто точка временной передышки, с которой можно вновь стартовать, просто собравшись с силами. Это точка глубокого системного кризиса — точка бифуркации, где система полностью теряет свое старое качество, но еще не знает нового. Это пауза, подразумевающая качественное переформатирование системы. Теоретически здесь возможно множество вариантов и направлений развития. Однако метафизически таинственный выбор будущего предопределяется прошлым — тем генетическим кодом, тем заделом, той инерцией, которая набрана и наработана историческим прошлым системы. Т.е. история народа, нации, как и жизнь человека, несмотря на периодические кризисы фактически непрерывна и вырастает сама из себя, опираясь на этапы своей собственной судьбы. Из этого тезиса и будем исходить, пытаясь расшифровать очередную загадку русской истории с позиций ее собственной внутренней логики.

Если принимать нынешнюю российскую ситуацию как кризисную (а иначе у нас не стоял бы так остро вопрос о будущем), то необходимо для начала определиться с тем, что же случилось с Россией и в чем существо именно сегодняшнего российского кризиса. Привязка к исторической реальности дает на этот счет вполне определенный и однозначный ответ. В 80-е годы XX века «развитой» советский социализм не смог удержать высокую планку коммунистического строительства и начал входить в состояние внутреннего застоя, в первую очередь в области идеологии, и как следствие, в экономике. На этом фоне в начале 90-х в атмосфере «холодной войны» с Западом в России произошел радикальный либерально-капиталистический государственный переворот, осуществленный «пятой колонной» в рядах политической элиты при поддержке главного геополитического противника в лице США. При этом Россия утратила статус «великой державы», а с ним и направление собственного исторического развития. Принципиально важным здесь является то, что данный переворот был не просто политическим, как переход власти от одной внутренней элитной группы к другой, а более глубокий — как переворот идеологический, экономический и мировоззренческий, обозначенный выше как переворот **либерально-капиталистический**. Вот те два слова, которые наиболее полно характеризуют нынешнюю Россию в ее новом состоянии, и это именно те два слова, которые предопределяют существо нынешнего российского кризиса.

Либерализм и капитализм глубоко чужды русской ментальности, русскому духовному строю, русской общинной традиции, и либерально-капиталистический «выбор» был навязан русскому народу в лихие 90-е совершенно искусственно и вероломно — методом «шоковой терапии». Если ложность и неприемлемость для России первой составляющей — либерализма — в последние годы в патриотическом сообществе осознана вполне однозначно (что и заставило поменять знак на противоположный в кремлевской риторике), то губительность для России второй составляющей — капитализма — всё еще остается до конца не понятой. Тем самым сохраняется и утверждается тот ложный путь, на котором происходит «сворачивание» и утилизация России как цивилизации, имеющей собственное предназначение в истории.

Термин «капитализм», изрядно нагруженный негативом в советское время, сегодня редко фигурирует в политической аналитике и тем более в официальных СМИ, более популярно словосочетание «рыночная экономика», однако существа дела это не меняет. Мы имеем на сегодня у себя тот самый «бездушный» капитализм, который во всей красе был расписан на азбучном уровне советской пропагандой. Мы не очень этому верили. Но нынешняя действительность подтверждает всё один к одному: олигархия и безработица, роскошь и нищета, конкуренция и коррупция, эксплуатация и бесправие, бандитизм и проституция, всеобщая борьба за место под солнцем, и один бог для всех — деньги. Иногда считается, что это переходный этап, что это еще не настоящий капитализм: мол, потом все наладится, как у них, только для этого надо еще добавить либерализма. Что и делает старательно наше непотопляемое либеральное правительство. Отсюда и весь кремлевский парадокс: «суперпатриотическая» внешнеполитическая риторика и сугубо либеральная внутриполитическая практика (в области экономики, культуры, образования, здравоохранения и т.д.). Именно потому, что настоящего капитализма без либерализма не существует! Либерализм это идеологическая основа капитализма. Так есть ли для России перспектива на пути капитализма?

На этот вопрос в нашем случае следует отвечать прямо. От ответа на этот вопрос будет зависеть всё остальное: принимаем ли мы правила игры, навязанные нам в начале 90-х, и продолжаем «движение вспять» в фарватере американского глобализма или отрицаем капитализм как порочный принцип социально-экономического устройства, неприемлемый для русской цивилизации, и продолжаем утверждать альтернативный Западу собственный путь развития? Этот путь не подме-

---

няется патриотическими речами и показательными геополитическими играми в «санкции»; он должен быть подтвержден предельно — в формате действительно альтернативного социально-экономического и культурно-идеологического государственного курса. Только такие аргументы принимает история от цивилизации, всерьез претендующей на самобытность.

Исторические активы

И здесь мы подходим к следующему пункту наших размышлений. Объективная (и исключительная) специфика нынешней кризисной исторической ситуации состоит в том, что подобная социально-экономическая альтернатива Западу в России совсем недавно еще существовала — это советский социализм. Причем именно эта реальная альтернативность предопределяла подлинную напряженность «холодной войны», и именно в своем содержательном социально-экономическом существе она была фактически полностью уничтожена нашим геополитическим противником. Россия как таковая (как территория) осталась, но без мощной идеологической и экономической глобальной альтернативы она превратилась в «пустое место». Такая Россия Западу уже не страшна, наоборот, в формате глобального рынка, в качестве безответного сырьевого придатка она вполне устраивает мировых архитекторов (наших новых «партнеров»).

Итак, не содержится ли в самой исторической ситуации ответ об искомой социально-экономической альтернативе? Ответ очевиден, эта альтернатива выражается одним словом — **социализм**. Это та принципиально новая для истории модель организации общественно-государственной жизни, в формате которой русская цивилизация подошла к рубежу XXI века, то, что она выстрадала и выстроила в напряженном XX веке... и что бездарно промотала в лихие 90-е.

Именно здесь, в социально-экономическом формате социализма надо искать ключевую точку опоры для разворота русской цивилизации в сторону Будущего, так как именно в этом месте в пылу либерально-рыночной вакханалии 90-х была утрачена русская историческая перспектива. Поэтому первым пунктом стратегии возрождения должен быть поставлен **социализм** в качестве базового принципа будущего социально-экономического государственного устройства. Казалось бы, какой смысл, если объективная история однажды уже отвергла социализм — неужели лишь для того, чтобы запустить его вновь? Именно так, если речь идет о социализме в его качественно новой версии.

Безусловно, «принцип социализма» в случае его возвращения должен быть существенно обновлен, модифицирован и пересмотрен в контексте нового исторического, экономического и политического опыта, простой возврат к социализму советского образца история не примет. Речь идет о Новом социализме в его новой социально-экономической конфигурации, в новой идеологической форме — но это должен быть именно **социализм** как целостная социально-экономическая система государственного устройства. При этом само слово «социализм» необходимо также произносить четко. Пока блуждающие общественные настроения и устремления к более достойному, справедливому обществу не сфокусированы в едином слове — «социализм», будущее как цель остается размытым и неопределенным.

Это очень важный момент, требующий четкого понимания. Часто в поисках новой социально-экономической альтернативы, даже признавая неоспоримые успехи советского социалистического опыта, предлагают отказаться от употребления термина «социализм». Мотивируя это тем, что данное слово носит слишком много негативных коннотаций: связанных с тоталитаризмом, атеизмом, репрессиями, раскулачиванием, коллективизацией, уравниловкой и т.д., обильно навязанных обществу в перестроечные и постперестроечные годы либеральными СМИ. Однако это ложная установка, фактически продолжающая прятать само существо советского опыта от патриотического сознания. Ведь все достижения советского периода во всех областях (в науке, образовании, медицине, культуре, спорте, жилищном строительстве, в промышленности, в сельском хозяйстве) фундаментально предопределялись именно социально-экономической матрицей социализма. Всякие попытки уйти от термина «социализм», подменив его понятиями «социальное государство», «солидаризм», «коммунитаризм», «солидарное общество», «социально справедливая экономика» и т.д. лишь запутывают вопрос, уводя патриотическую мысль от подлинного контекста и прямого запроса истории. Если нас не устраивает нынешний, навязанный Западом либеральный капитализм, то противопоставить ему мы можем только **новый социализм** как принципиально иную модель справедливой социально-экономической организации. В этом противостоянии состояла основная геополитическая оппозиция XX века, таково по-прежнему и внутреннее идеологическое противостояние в рамках российского кризиса. Этот принципиальный вопрос (эта оппозиция), несмотря на видимый крах советского социализма, еще не снят окончательно историей, как это

показалось Фукуяме и его либеральным последователям. Этот вопрос лишь ушел в область общественного подсознания, в глубину народного молчания, но он по-прежнему бродит как пассионарный вулкан внутри российского кризиса, о чем недвусмысленно говорят данные соцопросов, подтверждающие парадоксальное нарастание положительного отношения к советскому прошлому, несмотря на непрерывную антисоветскую направленность СМИ. Если мы вслед за либералами отбросим, снимем эту фундаментальную оппозицию между капитализмом и социализмом в тех или иных обтекаемых формулировках (конвергенция, третий путь и т.п.), отказавшись от социализма даже на уровне термина, то тем самым бросим свою горсть земли на тот либеральный саркофаг, под которым похоронено будущее русской истории. Если же мы признаем эту оппозицию как по-прежнему актуальный вызов истории, то обречем в ней всю ту энергию, которую вложили в идею социализма несколько поколений русских людей. И если мы вновь поднимем знамя социализма как альтернативную стратегическую перспективу, то история вновь раскроет для нас свои врата в Будущее. Потому что большие Идеи не умирают, а лишь развиваются в истории, находя для своего воплощения всё новые и новые формы. Социализм уже вошел в систему генетического кода русской цивилизации как исторически свершившийся выбор, и вполне закономерно ожидать продолжения русской истории именно в русле социализма.

Социализм — это не просто замкнутая, окончательно определенная в категориях марксизма социально-экономическая система, однажды в полноте реализованная в советском опыте и в результате отринутая историей как негодная. Социализм — это особая цивилизационная перспектива, характеризующаяся поиском гармоничной формы справедливого социально-экономического устройства общества, отличного от капиталистической модели государственной организации. Это этически разные направления общественного развития, по существу разные ветви цивилизации. Поэтому человеческая история не может ограничиться какими-то 70 годами советского опыта, чтобы окончательно списать социализм как идею из своего эволюционного резерва. Наоборот, всё только начинается.

Тем более что социализм как «общественное бытие» по своим онтологическим основаниям значительно ближе к естественной эволюции человечества, чем капитализм с его торжеством индивидуализма, так как по существу явился реакцией традиционного общества на разлагающую буржуазную экспансию модерна, разрушавшую традиционный социум. В системе буржуазного мира социализм знаменует именно

нравственную революцию как возвращение к фундаментальным началам социальной справедливости, без которых невозможно справедливое общество. Если бы не существовало социалистической альтернативы в мировоззренческом и историческом измерениях, то капиталистический мир давно бы заблудился в джунглях социал-дарвинизма.

Начало капитализма — капитал и его прибыль (мамона) как базовый механизм экономической самоорганизации, определяющий всё остальное: политическую, социальную и культурную «надстройку» общества. Начало социализма — принцип справедливости (или общинности) — этическое основание социальной организации, определяющее соответствующую идеологическую, экономическую и политическую систему общества. Это принципиально разные системы: в капитализме первична прибыль, т.е. экономика преодолевает этику, в социализме первична этика, т.е. этика определяет экономику.

Поэтому политическая идея социализма (принцип социализма) никак не может считаться завершённой на том или ином историческом этапе, т.к. этическая сторона человеческой истории имеет онтологически фундаментальное (религиозное) основание и стратегически неограниченную (гуманистическую) перспективу.

И здесь мы подходим ко второму исключительному фактору нынешнего исторического российского кризиса. На фоне повсеместной тотальной деградации российской действительности в последние три десятилетия в российском обществе проявляется себя возможно единственная положительная тенденция — зримое возрождение Православия как мировоззренческой основы русской цивилизации. Это не стоит считать какой-то особой заслугой именно нынешней либеральной эпохи. Возрождение духовно-религиозной жизни началось в российском обществе еще в начале 80-х, еще под сенью обветшавшей советской идеологии, и в этом смысле есть исторически объективный процесс возвращения русского самосознания к своим истокам. Эти истоки, как оказалось, отнюдь не пересохла за время атеистического советского периода, а продолжают питать русское сознание живой водой христианской Истины.

Тем не менее возрождение Православия в современной России происходит не однозначно. После почти векового перерыва, укрепляясь в своем институциональном качестве, Церковь в то же время не может обрести достойного места в современном обществе. Православное мировоззрение не становится определяющим фактором общественных процессов,

---

оставаясь чем-то вроде символа национальной идентичности на личном и общественном уровне. При этом сохраняется устойчивое расслоение церковного восприятия некой идеальной (оставшейся в прошлом) России и либеральной российской действительности, не имеющей ничего общего с христианскими идеалами. Совместить одно с другим фактически невозможно. Но мало кто и пытается. Потому что такое положение устраивает всех — как церковь, сохраняющую как бы свою «независимость» и получающую при этом немалую спонсорскую помощь от сильных мира сего, так и власть, полностью легитимизирующую через официальное единство с Церковью свою либерально-рыночную деятельность. Это своего рода порочный круг, не имеющий позитивного выхода. Церковь зависит в глазах общества в некоем торжественно-отстраненном пространстве, а государство продолжает неумолимо деградировать по линии, заданной реформаторами 90-х. Фактически же церковь по умолчанию делает выбор в пользу капитализма, считая, что такой порядок вещей более удобен для ее существования в этом мире. Именно в этом утилитарно-конформистском смысле происходит сегодня обмирщение Церкви — ее слияние с миром, в котором правит мамона. Понятно, что такое положение дел не способствует оздоровляющему изменению российской действительности в христианском духе.

Конечно, Православная Церковь (особенно при патриархе Кирилле) пытается наладить более глубокие связи с обществом, расширяя свое присутствие в нём по всем возможным направлениям (путем введения института священников в армии, введения основ православной культуры в школах, строительства храмов «шаговой доступности» и т.д.), надеясь, что количество когда-то перейдет в качество. Но искомого воссоединения не происходит, наоборот, зачастую наблюдается обратный эффект. Между Церковью и обществом продолжает сохраняться дистанция отчуждения, скрыть которую не могут никакие совместные официальные мероприятия. В чём тут дело? В чём тогда смысл возрождения Православия в современной России? Неужели в том, чтобы каким-то образом повернуть историю вспять и восстановить Россию в атрибутах православной монархии, чего недвусмысленно ожидает ортодоксальное большинство Церкви? Очевидно, что нет. Наоборот, возрожденное Православие должно войти именно в современный контекст истории, чтобы вновь стать направляющей духовно-мировоззренческой силой для русской цивилизации на ее нынешнем историческом перепутье.

Актуальное воссоединение Церкви и общества, Церкви и государства должно произойти не на официально-формальном уровне, а в духовно-идеологическом измерении, через проникновение христианской истины в структуру общественной жизни — в ее культурную, социально-экономическую и политическую реальность. А это подразумевает выход христианского сознания за пределы традиционной церковности и его актуализацию в пространстве общества. Христианское сознание должно освоить это новое пространство своей религиозной ответственности через недвусмысленное определение христианских приоритетов во всех этих областях и активное курирование общественно-социальных процессов. Конституционно церковь может быть по-прежнему отделена от государства, но идеологически христианская истина должна присутствовать в общественном сознании в качестве фундаментального мировоззренческого императива. Т.е. христианская истина должна проявить себя не только в рамках церковности, но и в сфере общества, разрешив с позиции высшей духовной правды основные его вопросы. Только когда это произойдет, можно будет говорить о реальном воссоединении Православия и актуальной русской истории.

Это серьезный переход. По существу, это воссоединение предполагает становление качественно нового *социального* христианства, появление которого пророчески ожидал о. С. Булгаков: «...Я лично думаю, что здесь мы имеем еще не раскрытую сторону христианства, и ее раскрытие принадлежит будущему. Для христианства, конечно, недостаточно приспособляться к происшедшим в жизни независимо от него изменениям... как это было и есть до сего времени. Оно призвано вести народы, пробуждать их совесть и напрягать их волю к новым целям, которые объемлются в их безмерности. Иными словами, мы чаем пробуждение нового пророческого духа в христианстве... и на его дальнейшее возгревание уповаем в послебольшевистской России. ...Речь идет о новом *лице* христианства общественного, о новом образе церковности и творчества церковного, социального; то, что ныне называется социализмом, есть только один из внешних прообразов того изобилия даров, которые содержит в себе Церковь».

Исторический перекресток

Таким образом в активе в нынешней кризисной ситуации мы имеем два конкретных и мощных фактора — проверенную в деле альтернативную Западу социально-экономическую модель социализма (до времени отложенную в сторону

вследствие идеологического кризиса) и фундаментальную мировоззренческую систему Православия, формировавшую русскую цивилизацию на протяжении тысячелетия и вновь открытую для ее новой исторической мобилизации. Особый момент ситуации (как историческая подсказка) состоит в том, что советский социализм потерял свою значимость для общества вследствие краха своего идеологического основания в лице коммунистической идеологии, имевшей ярко выраженный атеистический характер; а сегодняшнее возрождение Православия в качестве мировоззренческой основы российского общества входит в разительное противоречие с либерально-капиталистической реальностью государственного устройства. В результате, несмотря на видимое официальное «торжество православия», происходит девальвация, обесценивание, выхолащивание духовных ценностей Православия в режиме повсеместного компромисса христианской совести с реальностью повседневного либерально-рыночного бытия. Если учесть, что данная либерально-рыночная реальность сформирована в первую очередь с подачи наших «западных партнеров», то диссонанс, противоречивость и историческая бесперспективность подобного православно-капиталистического симбиоза становятся совершенно очевидными. Признав дальнейшую бесперспективность возрождения Православия в фарватере современного капитализма, нам остается произвести кардинальную переоценку навязанной нам западно-либеральной модели развития и сделать следующий шаг в поиске собственной аутентичной системы общественных отношений, отвечающей именно русской духовно-исторической традиции.

Здесь мы и выходим непосредственно на тот совершенно новый мировоззренческий перекресток, где Православие и социализм встречаются лицом к лицу как два абсолютно комплиментарных фактора русской истории, способных дополнить друг друга до качественно новой социально-экономической модели, и тем самым преодолеть видимую безысходность нынешнего российского кризиса. Православие в качестве духовно-нравственной основы человеческих отношений вполне способно стать для социализма новым фундаментальным идеологическим основанием (или оправданием), а социализм как социально-экономическая система справедливых общественных отношений вполне способен обеспечить Православию социальную реализацию его неисчерпаемого гуманистического христианского потенциала. Если раньше волею исторического Промысла Православие и социализм были разведены по разным эпохам, то сегод-

---

нышняя их встреча может стать открытием (и содержанием) совершенно новой страницы русской истории.

Близость Православия и социализма осознается в первую очередь на этическом уровне: в приоритетах справедливости, любви, братства, равенства, общинности, трудолюбия, жертвенности, доброты, соборности, патернализма. На этой единой этической основе может строиться всё остальное — новая социально-христианская культура, новая гуманистическая политика, новая нравственно сбалансированная экономика, новая духовно укрепленная социалистическая государственность. При этом конкретные формы ожидаемого православно-социалистического синтеза не требуют сегодня детальной прорисовки, диапазон в этой области может быть очень широк. Сегодня важно понять саму принципиальную возможность подобного воссоединения двух линий, двух измерений русской истории, и тем самым восстановления ее подлинной и актуальной перспективы. История вывела нас на этот многообещающий перекресток, и мы не можем уклониться от предложенного выбора, не предав собственную историю.

Историософская логика данного выбора имеет также вполне читаемую проекцию. Взаимосвязь Православия, социализма и ожидаемого «православного социализма» можно проиллюстрировать через классическую диалектическую триаду: тезис — антитезис — синтез. Если православие являлось для русского самосознания возвышенным религиозным представлением о мире горнем — Царствии Небесном (тезис), то советский социализм может рассматриваться как сугубо материалистическая и атеистическая попытка осуществления русским народом идеи о справедливом обществе — Царстве Божием на земле (антитезис). То и другое не обеспечило гармоничного баланса между социальными идеалами христианства и реальным общественным бытием, поэтому в устремленной к святости русской истории вполне ожидаем новый социально-религиозный мировоззренческий синтез — православный социализм. Именно в этом направлении сосредоточен нераскрытый пассионарный потенциал русской истории.

Советский атеистический социализм, имевший своим истоком христианскую этическую идею о социальной справедливости, но реализовавший ее на основе рациональной научно-материалистической парадигмы XX века, вполне закономерно исчерпал свой исторический ресурс. Высокое социальное совершенство достижимо лишь через духовное возрастание человека, что невозможно вне духовно-религиоз-

---

ного мировоззренческого компонента в самосознании человека. Именно в этой сфере советский социализм был принципиально ограничен в своих возможностях. Но это не проблема идеи социализма как таковой, а проблема советской (марксистской) идеологии коммунизма, принципиально ограниченной в своем понимании человека. Возвращение духовно-фундаментального (Бого-откровенного) христианского знания о человеке в идеологическое основание нового социализма — снимает это ограничение. Именно христианство дает социализму новый одухотворяющий идеологический импульс, способный вновь вывести его на орбиту истории.

Причем, христианство не является здесь приложением к социализму, не используется в качестве «материала» для идеологического строительства, а само выступает как активное начало и духовный источник нового социализма. Так как само христианство содержит в себе онтологически неограниченный созидательный потенциал как предвечную задачу преобразования мира — «да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли». Христианство само имеет задание устройства человеческих отношений в духе любви: «Да любите друг друга», и именно формы социализма являются для этого наиболее подходящим и многообещающим историческим «материалом».

Но правомерно ли вообще ставить вопрос о православном социализме, предельно плотно соединяя в этом понятии религиозное и социальное измерение? В этом нет ничего противоестественного. Наоборот, все религии мира изначально имели под собой социальную проекцию, во многом предопределяя принципы организации общества. В этом состояла фундаментальная социально-организующая функция религии, во многом утраченная в Новое время в связи с падением ее общественного авторитета. Как система нравственных идеалов религия формировала единый кодекс поведения для всех членов общества, единый комплекс высших ценностей, определявших общественное согласие по множеству текущих вопросов. Всё это остается в силе и сейчас, с той лишь разницей, что объединяющую социальную функцию религии еще на рубеже Нового времени взяла на себя идеология, ставшая современной секулярной формой выражения «высших ценностей» общественного сознания. Идеологии фактически стали светской формой отражения религиозно-мировоззренческого сознания общества, и в этом смысле допускают очень широкий диапазон присутствия религиозно-доктринальной конкретики в своей структуре (протестантская Америка, исламские государства Востока, либерально-атеистическая

Европа, и т.д.). Это говорит о том, что идеология является гибкой системой современного выражения религиозно-мировоззренческих ценностей общества, допускающая различные степени проявления собственности религиозного начала — от ортодоксально-религиозного до атеистически-светского в зависимости от реального состояния общества. Поэтому какой-либо методологической проблемы в формировании современной социально-религиозной идеологии, в частности, православного социализма, не существует, всегда могут быть найдены компромиссные и сбалансированные формы выражения взаимосвязи светских и религиозных социальных смыслов. Это же относится и к вопросу о многоконфессиональности российского социума — наиболее фундаментальные, социально значимые нравственно-этические истины основных религий практически очень близки.

И всё же при разговоре о синтезе Православия и социализма надо снять некоторые возможные недоразумения. В первую очередь надо сразу отрешиться от буквального понимания термина «православный социализм», подразумевающего как бы формальную православную клерикализацию социализма, как бы уводящую нас в новое «средневековье». Речь идет не о прямом наложении матрицы Православия на формы социализма, а о мировоззренческом оправдании социализма со стороны православного сознания, выраженном в формате общественной идеологии. Идеология становится здесь промежуточным мировоззренческим буфером православно-социалистического синтеза, в котором земные социально-экономические ценности социализма находят свое высшее религиозно-мировоззренческое оправдание и поддержку с позиций христианского сознания. В этом смысле вместо православного социализма можно говорить о христианском социализме или даже о духовном социализме, главное существо которого состоит в духовно-идеологической мотивации социально-справедливых общественных отношений. Именно в этом смысле новый социализм может быть с равной степенью заинтересованности принят основными религиозными конфессиями России (за исключением разве что иудаизма, в религиозной доктрине которого помимо национальной исключительности евреев фундаментально прописано ростовщичество как базовый принцип современного капитализма).

В целом же новая секулярная активация религиозно-нравственной Истины христианства в социально-экономической жизни общества может означать серьезный поворот в человеческой истории как преодоление застарелого религи-

---

озно-светского дуализма Нового времени и выход фундаментальной религиозно-мировоззренческой социальной мотивации на актуальный уровень современной истории.

Дорожная карта

Если, подводя итоги, попытаться обрисовать весь путь возможного перехода через нынешнюю российскую «точку бифуркации», то стратегическая линия общественно-политического процесса в движении от либерального капитализма к новому христианскому социализму в оптимальном варианте должна бы выглядеть следующим образом.

1. На первом этапе в общественном сознании вслед за отрицанием и отвержением либерализма должно произойти окончательное отторжение капитализма (или «рыночной экономики») как принципа социально-экономической организации общества. Более чем двадцатилетний опыт деградации всех сфер жизнедеятельности государства (в промышленности, сельском хозяйстве, культуре, спорте, социальной сфере и т.д.) вполне достаточный срок, чтобы в общественном сознании сформировался подобный вердикт. Фактически он уже фиксируется в соцопросах, однако отсутствие видимой альтернативы и принятие настоящей реальности как некоей неизбежности формирует ощущение политической безысходности и апатии, которое старательно поддерживается СМИ. Через накачивание внешне направленной патриотической риторики, через создание иллюзии единства вокруг «партии власти» и ее несменного лидера общественное сознание уходит в сторону от острейшей внутренней социально-экономической проблематики, фактически определяющей наше бытие. Именно в социально-экономической области, в принципах «рыночной экономики», вероломно утвержденных в эпоху Ельцина, заложены механизмы деградации России, и именно эти механизмы продолжают определять нашу внутреннюю политику. Патриотическая элита уже привыкла прятаться от этого вопиющего противоречия за мифическим противостоянием «двух башен кремля», но когда-то с этой иллюзией надо расставаться. Многократный политический опыт (в том числе и последних выборов) однозначно свидетельствует о полном единстве «кремлевских башен» в осуществлении той стратегии, которую навязала России команда Ельцина. Признание этого факта является принципиальным предварительным условием для постановки любого вопроса о переходе к новой справедливой социально-экономической модели.

Другими словами, на первом этапе необходимо преодолеть барьер «неприкосновенности» принципа рыночной экономики как безальтернативного варианта развития России. При этом актуальное разоблачение порочной сущности капитализма должно исходить сегодня не просто с позиций традиционного марксизма, а непосредственно с позиций христианской этики. Потому что именно на этом уровне наиболее остро обнажается несовместимость сегодняшних «рыночных отношений» и все более тяготеющего к религиозной этике общественного сознания. Если сегодня уже не актуален марксизм, во многом исчерпавший собственный импульс исторического противостояния с капитализмом, то находящееся на подъеме христианское общественное самосознание с необходимостью должно принять у него эту эстафету. Иначе подлинное христианское возрождение России будет невозможным, так как вслед за Европой и Америкой она захлебнется в апостасийном мире «всеобщего потребления».

Подобная критика базовых основ капитализма с позиций церковного христианского сознания уже идет в России полным ходом. В многочисленных работах Н.Сомина, В.Катасонова, и др. показана вся антихристианская сущность «мира мамоны», его принципиальная несовместимость с Православием. Когда такое понимание станет для современного общественного сознания доминирующим, основы либерального капитализма в нынешней России зашатываются. И лишь тогда можно будет переходить к следующему этапу православно-социалистической трансформации России.

2. Следующий этап будет связан с переходом к промежуточной ступени относительно справедливого государственного устройства, которую можно обозначить как «социальное государство». Это та фаза, на которой наиболее одиозные капиталистические принципы экономических отношений (такие как всевластие сырьевой олигархии, банковская свобода, плоская шкала налогов и т.д.) постепенно отступают, а социалистические (такие как патернализм, национализация, прогрессивное налогообложение и т.д.) всё более уверенно утверждаются в политике государства. Уже сейчас всем желательна именно такая социальная модель экономики. Более того, в ныне действующей Конституции современная Россия провозглашена именно как «социальное государство» (ст.7). Однако реальное положение дел очень далеко от заявленного, и никаких подвижек в сторону подлинной социализации государственной политики не наблюдается. Это говорит о том, что при переходе ко второму этапу, т.е. к реальному осуществлению в России социального государства должна произойти серьез-

---

ная политическая реорганизации (обновление) власти, которая должна будет обладать достаточной политической волей для разворота страны в сторону осуществления действительно масштабных социально-экономических перемен. Очевидно, что нынешняя власть к этому не способна.

Таким образом, если первый этап связан с процессами созревания и утверждения общественного сознания на позиции принципиального отказа от капитализма, то второй этап означает реализацию этой позиции в политической сфере. Власть должна быть вынуждена уступить общественной воле и трансформировать социально-экономическую сферу в соответствии с требованиями общества.

Очевидно, что для выражения этих требований в обществе должна быть сформирована новая политическая сила, способная реализовать новую социально ориентированную стратегию. Каким образом могут происходить политические процессы на переходной стадии, сегодня неизвестно. Ясно лишь, что определенных политических потрясений не избежать, так как нынешние «держатели акций» так просто от своих ничем не ограниченных привилегий не откажутся. Но речь не идет о революции как радикальной смене общественного строя; социальное государство — это именно переходная, буферная зона для постепенной перестройки общественно-экономических отношений; при определенных условиях перевод вектора общественно-государственного развития в сторону «умеренного социализма» может произойти относительно мирно.

С другой стороны, второй этап (социальное государство) в контексте перехода к новому христианскому социализму необходим как этап дозревания общественного сознания до понимания необходимости двигаться дальше, к более совершенному в нравственном отношении социальному устройству. Подлинно христианское преображение социально-общественной жизни не может произойти вдруг, просто путем тех или иных политических преобразований, чтобы сразу «из грязи и в князи». Идеалы будущего христианского социализма потребуют для своего осуществления зрелого общественно-христианского сознания, т.е. формирования устойчивого религиозно-секулярного мировоззренческого поля, в котором различные вопросы общественной жизни найдут свое духовно обоснованное рациональное решение. Именно в рамках социального государства на базе открытого диалога Церкви и общества, политики и культуры, на стыке одухотворенной теории и обновленной практики должна окончательно проявить свои контуры и получить общественное признание **идеология** будущего христианского социализма. Лишь

на основе этой идеологии можно будет двигаться дальше.

3. Третий этап - это и есть собственно Новый социализм. По существу это уже область искомого Будущего, и именно идеология первой проникает в его таинственное пространство. Уже сейчас она прокладывает туда дорогу. Идеология задает направление в будущее, и она же приближает его, становясь центром притяжения для общественного сознания. Поэтому уже сейчас должна начаться работа по утверждению позиций, приоритетов и целей идеологии будущего. Причем эта работа касается всех... Подлинная национальная идеология не создается формальным образом какой-то «группой экспертов», а формируется соборным разумом нации как выражение ее исторической воли на данном этапе истории, на основе внутреннего духовно-генетического кода и пережитого исторического опыта. Это глубоко метафизический сверхрациональный процесс. Идеологи, политологи и философы могут лишь выразить в тех или иных формулировках, с той или иной степенью точности глубинные интенции национального сознания, объединив их в понятия-символы. В разные эпохи это были идея «Москвы — Третьего Рима», формула «Православие, самодержавие, народность», «светлое будущее коммунизма». И сегодня национальное самосознание мучительно ищет новую формулу русского Будущего, способную стать спасительным компасом для выхода из исторического тупика.

Одной из наиболее емких и перспективных формулировок в этом отношении является идея *православного социализма*. Этот термин уже достаточно давно фигурирует в российском политологическом пространстве и в этом смысле уже сейчас может быть принят в качестве искомого стратегического ориентира для патриотического сознания. Несмотря на некоторую внутреннюю условность, о которой говорилось выше, эта идеологема фокусирует в себе две важнейшие сущности русской истории — Православие и социализм, утверждая возможность их нового исторического синтеза. Исторический потенциал, заложенный в этом понятии, неисчерпаем. Причем это касается не только России, но и самой человеческой цивилизации.

К началу XXI века в человеческой цивилизации накопилось множество проблем, грозящих этой цивилизации гибелью. Наиболее острые и болезненные вопросы связаны с фундаментальным дисбалансом (отчуждением) между духовным миром человека и неуправляемым миром техносферы, разгоняемым гонкой потребления. Глобальная капиталистическая система, опираясь на греховное начало в человеке (эгоизм, мамона, потребление), формирует бездушную и внут-

---

ренне агрессивную социальную среду, в которой исчезает человек как «образ и подобие Божие». По существу, это антихристианская система. Политика, экономика и культура в этом мире держатся на лжи, лицемерии и пороках, причем, способности к самоочищению данная система не предполагает. Вывести цивилизацию из тупика может только радикальная альтернатива.

Для чего же Россия двадцать пять лет назад вошла в этот капиталистический «цивилизованный мир»? Неужели для того, чтобы задохнуться в его смраде и исчезнуть с исторической арены, предав идеалы собственной истории. При чем тут тогда Святая Русь? Думается, смысл именно в том, чтобы предложить миру **альтернативу**. России было необходимо окунуться в мертвые воды капитализма, чтобы мобилизовать свои внутренние духовные силы на полное и окончательное преодоление этого социально-исторического зла. Опыт советского социализма в этом отношении оказался половинчатым, атеистическое начало советской идеологии скрывало возможности социализма в деле преодоления соблазнов капитализма. Новый религиозно одухотворенный социализм, закладывающий в свою идеологическую доктрину фундаментальное христианское основание, обладает в этом отношении несоизмеримо большими возможностями. В реализации этой потенциальной перспективы и состоит русская альтернатива — миссия России в XXI веке.

Главное достоинство нового социализма — его мировоззренческая полнота, гармонизирующая все сферы человеческой деятельности в соответствии с онтологической природой мироздания, как она задумана Творцом. Только такая позиция, по большому счету, может спасти человеческую цивилизацию от гибели. Именно в этом аспекте новый социализм открывает принципиальную возможность разрешения главных противоречий современной эпохи на основе восстановления утраченного единства человеческого духа и человеческого разума, политики и нравственности, личности и общества, науки и религии, этики и экономики, природы и техносферы.

Новый социализм — это выход в новое пространство истории. Здесь начинается действительно сознательная человеческая история, (ноосферный духовный социализм по А.Субетто), характеризующаяся новым расцветом человеческой культуры, гармонией человека и природы и дальнейшим раскрытием самой человеческой природы как «образа и подобия Божия».

г. Великие Луки Псковской обл.

СЫНОВЬЯ ВИНА

РАССКАЗ

1

— Трофимко!

— Чё, папа?

— Бахилишшами своима шаркашь, ёкэлэмэне, страхи Божьи как. Потише-то не мошь? Зверя всего перепугашь, огудан.

Два охотника идут за добычей.

Они переговариваются вполголоса, стараются аккуратней ступать на лед, «на мяконьку пятау», как говаривают промысловики.

Да всё равно мало чего путного от всех их предосторожностей выходит: гул от ходьбы раздаётся такой, что, наверно, слышен аж на Зимнем берегу.

Вокруг по всей ширине раскинувшегося ледяного простора стоит мартовская ночь, морозная и звездная.

Два зверобоя шагают по подтаявшей днем, но сейчас, ночью, крепкой ледяной корке. Поверхностный снег уже съеден весенним солнышком и ветрами-бокогреями, задувающими, считай, каждый день слетней стороны. А по ночам — так уж

ПРОЗА

заведено Природой — подразмытая теплом ледяная равнина покрывается хрупкими и звонкими ледяными хрусталиками, которые ломаются под ногами, немилосердно трещат, взрываются, стреляют...

И треск этот и гул чуткий морозный воздух расшвыривает по сторонам, уносит и в морскую темно-синюю голомень, и к черной полосе берега, и в бездонное весеннее небо, густо усеянное звездными серебряными и желтыми крапинами.

На сердцах промысловиков сладким бременем лежит радость предстоящей охоты и привычного для каждого помора азарта, ожидаемых неповторимых его моментов, вековечно сопровождающих древнее зверобойное занятие.

Распахнутый в бездонной выси небесный купол встречает своей твердью летящие с земли хрустящие звуки и, поиграв с ними, позвенев в скоплениях золотых звездочек, пружинисто отбрасывает назад к бескрайнему ледяному полю. Какофония небесных и земных звуков обнимает охотников со всех сторон, и они шагают в ночи, застигнутые морозной, небесной музыкой.

Два помора движутся к своей цели — к открытому, свободному ото льда морю, где их ждет добыча. Где гоняют на вольном разгуле жирную сайку толстые тюлени — лахтаки и нерпы, где шныряют в морских глубинах залетные ловкие громылы — гренландские тюлени, заскочившие в Белое море для бандитских своих набегов из родного холодного Ледовитого океана, от Баренцевых льдов на осоловевшую от первого солнышка прибрежную рыбу.

Мужики тянут зверобойную лодку. Сквозь кочетья пропущен гладкий шест-пентур, и они шагают, держась за его концы. В лодке лежат их винтовки, пестери с едой и патронами. Там же мешок с чайником, запасной сухой одеждой, спичками. Еще в одном дырватом мешке дрова и растопка. Все у охотников припасено, ничего не забыто.

Лодка скользит по льду стальным своим наезженным поллозом, идет легко, но все-таки постукивает на неровностях скользких выгаин, маленько громыхает просохшим, а потому звонким корпусом.

2

Ее, эту новенькую зверобойную лодочку, Петр Акимович сшил еще летом. Было у него на ту пору уже два самостоятельно сшитых карбаска. Один — ядренький, для выхода на море, для морских, стало быть, привычных надобностей, стоял, где ему и положено, — напротив дома, под навесом, другой — поменьше — круглогодично коротал свои полез-

---

ные денечки в лесу, на Долгом озере, родовом месте промысла его семьи. Чего там говорить, оба карбаска были при деле.

Но хорошему хозяину всегда всего мало. Всю жизнь мечтал Петр Акимович о «путней» зверобойной лодке. В чем, спросите, разница между ею и карбасом? А это для убедительности то же, если сравнить тяжелое и неповоротливое транспортное судно и легкий боевой крейсер — морской охотник, легкий, полный боевой мощи. Зверобойная лодка — это разговор особый, предназначена она для погони за тюленями в море. Сделана из легкого, утонченного материала, тонкой доски, она легка и изворотлива, очень устойчива на воде. Должна она и за зверем в море поспевать, и по льду за охотником бегать. Быстрая лодка — половина удачи!

Такую вот лодочку и сшил Петр Акимович прошлым летом.

Дело оказалось совсем непростым: опыта совсем у него не было, а всех рукоделистых, натоделных мужиков убила война.

Что было делать? Петр, до конца не вылечивший тяжелое ранение ноги, выхрамывал по деревне, как бы ненароком навеваясь к старому старичью, древним дедам-плотникам, интересовался, что, да как, какой требуется инструмент? Около сальницы валялись полузамытые в песок две старинные, полусгнившие «зверобойки». Петр Акимович их только что не обнюхал — все выглядел, прощупал каждый шпангоут, гвоздик, набой... И в общем-то понял главное: что да как было задумано, скроено и сделано. Разобрался в секретах.

Зато семь раз отмерил, а потом уж и лодку сшил как надо. На загляденье самому себе и всем.

Перво-наперво пошел он в лес вырубать коры. Никого с собой не взял, хотя сын его Трофимко крепко просился.

Непростое это дело — подыскать годную лесину с подходящей корневиной, да так, чтобы сам изгиб между стволем и главным корнем образовал очертания будущих носа и кормы, чтобы древесина была цельной без единой шелочки и сучков.

Требовались две кокорины — кренины, два охлупня под нос и под корму. Петр Акимович пошел искать подходящие лесины в молодой ельник, подросший за войну вдоль ездовой дороги на Чевакино озеро. Нашел их совсем рядом с этой дорогой. Долго откапывал лопатой корневища, шупал руками каждый сантиметрик и решил наконец: подходят!

Посидел рядышком на подгнившем пеньке, скрутил махорочную сигарку и задымил. Сидел, пытел привычным дымком и размышлял: «А справную лодочку смастерю я из этих вот кокоринок».

Пошумливали над ним лесинья, летели к морю белесые облака, а Петр всё посиживал, покуривал и млея в благодатных думках. Давние мечты его наконец-то становились на ноги. Петр сладко шурился, покашливал и с особенной приятностью глотал клейкий махорочный дым.

Потом он поднялся, непонятно для чего постучал обухом топора о стволы выбранных елок, удовлетворенно крикнул, закинул топор на плечо и пошел домой.

Через неделю они с сыном Трофимком завершили лесную работу. Приехали сюда на колхозной телеге, запряженной на послушной кобыле Карьке, и часа за два вырубил утонченные, легкие, справные кокоры.

Сам пошив лодки занял неделю. Трофимко был «подносчиком патронов». Помогал как мог: сращивал вместе с батком кокоры — мастерил ровный киль, помогал выстругивать и крепить шпангоуты, выравнивал и крепко прижимал набои, пока отец прибывал их тонкими плоскими гвоздями, изготовлял и выстилал по бокам днища еловые креньки, выстругивал и закреплял поверх набоев ровные баркоты, выделявал и прилаживал кочетья.

Польза от него была большая. Но Петр Акимович, как без этого, маленько ворчал, поругивал сыночка. Они ползали на коленках по днищу, шаркали по доскам тяжелой банкой с гвоздями, крепили набои, и отец деланно шумел:

— Чего, Трофимко, шириссе, пакши растопырил ёкэлэмэне, а шшелья наделал промеж досок. Будет нам зверобойка. Потонем, дак...

— Папа, каки-таки шшелья? Ножичка не просунуть нигде.

Трофимко понимал, что это отец так, для острастки говорит, что отец шутит.

Старинное деревенское мужичье и бабье хаживало вокруг, чмокало губищами:

— Ты, Петрушка, весь в батька свово, в Акиму. Тоже справной был, дак. Гвось какой забивал дак уж не выгашшить было ево. Карбаса таперича, Петруша, в поратой требе. Ожидай таперича заказов...

Лодочка получалась ладная.

3

Петр Акимович крепко любил Трофимку. Судьба не дала ему сына. Жена его Анисьюшка еле-еле разродилась дочкой Татьяной: какие-то нелады образовались у нее по женской части. И фельдшер Бурков запретил ей рожать.

— Помереть можешь, дева, — предупредил он роженицу, — трудности у тя каки-то с проходимостью плода. Все, остановись.

Петр Акимович берег жену от всего худого, и рожать они перестали. Хотя, конечно, сыночка хотелось. Как в деревенском хозяйстве без второго мужика?

Тут-то вот Трофимко и подвернулся. Был он сыном троюродного брата Анисьи, жили в одной деревне. Смальства прихотился прибедать к теткинскому дому. Чаевничал, уминал шаньги, и страсть как любил судачить с Петром. Умора было глядеть: посиживают вдвоем на берегу, с краю штабеля из бревен — шестилетний малец и тридцатипятилетний мужик и громко, всерьез обмусаливают важнейшие проблемы современности. Трофимко при этом спорит, машет ручонками, доказывает чего-то, а Петр Акимович разговаривает с ним, как с равным, со всей серьезностью возражает и настаивает на своем.

Парень рос не по годам смышленным, рассудительным, сымальства рассуждал на хозяйские темы со знанием дела.

И Петру втихара мечталось: вот бы мне такого сынка в дом. Ладной растет мужичок.

Трофимке, видно по всему, тоже приглянулось бывать в теткинском доме. Уходить из гостей не хотел ни в какую. Когда за ним приходила мать, прятался или на повети, или под лавкой в сенях, или еще где. Мать искала по углам и донимала угрозами:

— Ну выдь окаянной, дак тебя хворостиной и ожедерну.

В руках у нее в самом деле была хворостина. Но он не выходил из своих укрытий, и тогда мать грозилась самым страшным страхом, которого мальчишка по-настоящему побаивался.

— Счас вот батька приведу сюды, дак уж он-то навтыкат тебе, огудану, ремня-та и задаст! Вот ты дождессе счас!

Трофимко распрекрасно знал, что сама она не ожедернет, жалеет она его, а вот отцовского ремня обоснованно побаивался: бывало уже, получал он этим предметом по одному месту..

Получилось всё как-то само собой. Трофимков батько — знатный колхозник Николай Жарков погиб на зимней рыбодобыче. Ловили на Унской губе в рюжи навагу, он по неосторожности поскользнулся на краешке полыньи и ушел под воду. Вытащили его, конечно, но он весь сырой, а мороз под тридцать, а до становища, где можно отогреться, километра три по открытому льду.. Обогреться негде...

В пути он замерз.

У матери Трофимки четверо детей. Оставшись без мужа, она начала форменным образом бедствовать. Колхоз, конечно, помогал, да чего там, семья крепко обнищала, тяжело и с

едой, и с одеждой, и с обувкой, а ребятишки растут... Встал вопрос, чтобы кого-то из детей отправить в детский дом.

Вот этого Петр Акимович перенести не мог. Согласовал вопрос с женой, с мамкой Трофимки и пошел в сельсовет. Там попросил разрешения усыновить парнишку.

Пока суд да дело, пока согласовывались где-то документы, Трофимко уже всю жизнь жил в доме Петра Акимовича.

Обстановка была для него вполне благожелательная, и он скорехонько совсем освоился. И через малое время кувыркался на снегу в обнимку со свирепым для других хозяйским кобелем Алтаем, и тот на него страшно притворно рычал, оголтело лаял и лизал щеки. И по утрам — прыгал с разбегу с высокого крыльца и летел в первый школьный класс, вертя над головой портфель и кричал на всю деревню боевое «урр-ря!»

Петр Акимович дал ему свою фамилию и свое имя для отчества. Обозначил их в метриках.

Потом настал желанный момент, когда Трофимко встретил Петра, возвращающегося с работы и, пока они вышагивали вдвоем, спросил отчетливо и просто:

— Папа, а можно мне тебя таперича папой называть?

Петр вдруг как бы споткнулся, клюнул головой вниз и замедлил ход. Спрятал глаза. Он не ответил. Не смог.

Трофимку этот вопрос явно донимал, и он спросил еще раз. Петр как-то стушевался, он пробурчал чего-то вроде «можно-можно» и начал отставать. Замахал рукой, указывая сыну, мол, «иди вперед, иди».

И тот умчался довольный, что решил важный для себя вопрос.

А Петр Акимович присел на придорожное бревнышко, спрятал лицо в локти, в колени, и плечи его начали трястись. Он заплакал от великой радости. От того, что у него появился долгожданный сын.

4

А потом Трофимко был вместо хвостика у своего обретенного отца. Все детство и всю юность.

Петр Акимович сильнейшим образом, всем крестьянским нутром любил лес, рыбалку да охоту. Удача для него заключалась и в том, что и сынишка его, Трофимко, рос таким же. Из леса не хотел уходить. Семилетним ребенком совал нос под каждый куст, искал там гнездышки, да мышинные норки, как собачка какая. А уж, если находил там живность какую, визгу-то было, визгу-то! Поймал однажды птенчика, спрятал в ладошках и хотел отнести домой.

— Пускай, — сказал, — с нами живет, мы его с рук корчить будем. Ручная будет птичка и по дому летать.

Сдался только, когда отец убедил его.

— Вот ты, Трофим, ребенок, и он тоже ребенок. У него батюшка с маткой тоже имеются. Хорошо им, Трошка, станет, ежели ребенка их украдут, да невесть куда уташат? Они же заревут, страхи Божьи как. А ежели тебя, сынок, украдут, я ж помру сразу с горя. Ты это понимаешь?

Трофимко все понял, аргумент его доконал. Он бы тоже без отца жить не смог. Он сел на землю рядом с кустом, где находилось гнездышко, опустил голову, долго через приоткрытые ладони разглядывал серые перышки птенца, черные крапинки глаз, потом вздохнул и положил его под куст, вернул батюшке с маткой.

Рос Трофимко, как и все деревенские мальчишки, шустрым и вертким, любил озорство и игры. Но была за ним странность необычайная, заметная всем черточка — он до бесконечности, до самозабвения был привязан к отцу своему, к Петру.

— Не батюшка ведь, — судачили женочки, — а бегат за им навроде шшеночка малого. В кажду дырку за им сучечче. Штё оно тако-то?

В самом деле, после уроков Трофимко обязательно находил Петра Акимыча в любой точке деревни, где бы тот сегодня ни работал. Обезжит всех, повыспрашивает народ, а как найдет, успокаивается. Отец топориком машет, а сынишка посиживает рядком, трещит чего-то о школьных делах.

Им обоим было хорошо.

Любили они вдвоем ходить в лес, на рыбалку и на охоту.

В конце лета, когда ядреный, нагулявший мясо окунь собирается в косяки и на закатах и утренних зорях начинает гонять в озерах стаи рыбной молодежи, отец и сын частенько бывали в тех местах. У Трофимки от предвкушения удачного клева немилосердно гудело все тело, он прыгал с удочкой по берегу, сучил ногами и все никак не мог распутать вдруг запутавшуюся леску. Потом черви уползали из его дрожащих пацанячьих пальцев, потом он не мог насадить наживку на крючок, потом не удавалось ему сделать заброс... Он ныл и поскуливал, словно шенок какой. Батюшка ему помогал, наставлял, успокаивал:

— Ты, Трофимко, ето, остынь, ёкэлэмэне. Не к пирогам бабкиным торописсе всяко. Рыбеха, куда она денечче? Успешь, быват.

Самым крепким ругательством у Петра Акимовича было это самое «ёкэлэмэне». Все давно к нему привыкли.

А у Трофимки все никак не получалось забросить, куда ему хотелось. Он дергал удочку, рвал крючком кувшинки и форменно, по-собачьи скулил.

Петр обхватив руками живот, посиживал на бережном пригорке и беззвучно, чтобы не вызвать у сына досаду, трясся от хохота.

Радостной для него была эта картина сыновьего азарта.

Ближе к ночи они усаживались у костра, хлебали из котелка окуневую да ершовую уху, попивали чаек, заваренный на брусничных листьях. Ложились на мягкие еловые лапни и глядели в небо. Молчали, просто глядели.

Там, в высоком-высоком, темном августовском небе, из которого совсем уже улетучилась летняя синь, парили между сиреневых, легких, рваных облаков вполне уже яркие звездочки. Они играли друг с другом в прятки и одна за другой ловко ныряли под пологи сиреневых облачных одеялец. И другие звездочки не могли их никак найти, как ни пытались.

В азарте игры звездочки ударялись друг о друга, потом отскакивали, вновь сближались. От этих столкновений осыпалась с их поверхности яркая, блестящая звездная пыль, кружилась, искря, в воздухе и плавно оседала на землю. На лес, на озеро, на Трофимку с отцом.

И они лежали в звездной пыли.

В бережных кустах на озере крикали спросонок встревоженные какими-то звуками утиные выводки, плехала о берег вода, напевно пошумливали от легкого ветерка подсохшие за лето камышовые стебли и ворочались в пестерьке наловленные за вечер окуни.

Они любили лес. И отец и сын.

5

Была потом война.

Петра, почти сорокалетнего, давно отбарабанившего свою воинскую повинность, забрали на фронт не сразу, а когда в смертельном горниле первого военного года погибло и исчезло в бездонной пасти немецкого плена, считай, почти всё боеспособное воинство, когда стали забирать всех, кто мог держать в руках винтовку.

Петр Круглов, старый солдат, воевал умело. Сломя голову под пули и под штыки не лез, но и не особо перед ними прогибался. Бывал в окружении, хаживал в атаки, дважды был ранен, в боях заслужил высокую солдатскую награду — медаль «За отвагу».

Вот как пришла к нему награда.

Однажды их взвод в составе полуроты, будучи на боевом марше, залег перед немецким дзотом. Из жерла боевой точки

без устали вырывался оголтелый пулеметный огонь. Упали первые убитые, застонали раненые. Солдаты залегли.

— Кто пасть ему заткнет — орден получит! — дал команду комроты.

У Петра был автомат. А из него как завалишь пулеметчика, когда до того метров сто пятьдесят?

Рядом лежал рядовой солдатик, салага совсем. У него в руках была трехлинейная винтовка, любимое для Петра оружие. Он из этой винтовочки с двухсот метров в голову тюленя попадал на зверобойке. Петр и крикнул командиру роты:

— Товарищ старший лейтенант, а можно мне орден получить?

— Это кто там такой смелый выискался?

— Младший сержант Круглов.

Комроты примолк секунд на пять, потом сказал уверенно и просто:

— Тебе, Петр, можно. Давай, сержант, действуй.

Петр вытащил винтовку из рук солдатика, спросил:

— Как она бьет?

— Как это как?

— Прицел куда брать, под обрез, в центр, куда?

Для солдатика это был странный вопрос. Он никогда им не задавался. Просто палил по фашистским мордам и всё. Солдатик был салагой. Его ответ был исчерпывающим:

— Сильно она бьет, отдача крепко шарахает, прямо назад отбрасывает.

Что тут поделаешь? Петр стащил с плеч вещевой мешок, поставил его перед собой и положил на него винтовку. Приступнул цевьем пару раз — сделал надежный упор.

Передвинул целик на цифру «150», прицелился. Среди накатанных друг на друга бревен чернело прямоугольное отверстие.

«Дай-то Бог, чтобы у этого молодого придурка мушка была не сбита».

Петр прицелился и выстрелил.

Пулемет заглох.

— Молодец! — заорал комроты. — орден твой, Круглов! Вперед, ребята!

И рота один за другим начала подниматься в атаку. Командир тоже вскочил.

Но пулемет заговорил вновь. Опять западали убитые.

Комроты проехал физиономией по травяному бугорку и, выплевывая землю вместе с кровью, обматерил Петра.

— Из-за тебя люди погибли, — орал он, — стрелок херов, сгною в штрафроте!

А Петру что было делать? Он опять прицелился и выстрелил еще раз. На этот раз пулемет умолк окончательно. И рота пошла вперед, и назначенный населенный пункт был взят.

Потом, после боя, в немецком дзоте нашли двух убитых пулеметчиков. У обоих были дырки во лбу.

Оказалось, что винтовка была исправно.

Круглову же ордена не дали. Почему не дали, никто так и не понял. Зато прислали из штаба дивизии медаль «За отвагу», самую ценную солдатскую медаль.

Но солдаты все же судачили:

— При всех комроты обещал и не выполнил, засранец! Вот и верь нашему старлею.

А командир пехотной роты старший лейтенант Заводилов, сам получивший за тот бой орден Красной Звезды, похаживал потом вокруг Круглова, бил, что называется, хвостом и время от времени посылал ему фляжки с наркомовским спиртом. И взвод, в котором служил Петр, был этому всегда чрезвычайно рад.

Но недолго продолжалась эта удача. Через малое время Заводилов погиб в очередном бою. Известно ведь, что командиры пехотных рот и взводов на войне долго не живут. Опасная у них работа на войне.

Старший сержант Петр Акимович Круглов был тяжело ранен в августе 1943 года в боях за освобождение советской Украины и после длительного лечения в госпиталях был признан негодным к дальнейшему прохождению военной службы и отправлен на долечивание к себе на родину.

6

И Трофиму Круглову, сыну его, тоже довелось повоевать. Только в самом конце, когда война с немцами уже закончилась и началась другая, тоже кровавая и безжалостная — война с Японией.

Трофим попал на нее совсем мальчишкой. Было ему семнадцать с небольшим. Но в военкомате по его просьбе приписали год: в сорок пятом почти не осталось парней подходящего для войны возраста, и комиссариаты изворачивались как могли. Трофимке такое решение было по душе: на войну он рвался давно.

Ему, как и отцу, тоже хватило лиха. Служил он на торпедном катере рулевым, на Тихоокеанском флоте. Хаживал в смертельные атаки. Впрочем, торпедный катер в другие атаки и не ходит.

Подкрадывается это боевое суденышко к вражескому кораблю на максимально близкое расстояние, выскакивает из-

---

за мыса, или из-за острова, лучше всего со стороны солнца. Или выныривает из тумана и на страшной скорости летит к своей цели. Водяная пыль, брызги расшвыриваются метров на пятьдесят вокруг. Каждая секунда для команды катера сопоставима в момент его атаки с вечностью. Почему? Да потому, что вся команда корабля противника лупит по катеру из всех своих пушек, пулеметов, винтовок, из всего, что может стрелять. Даже скорострельные корабельные зенитки трещат по катеру что есть мочи. Огонь этот страшный, проскочить его невредимым удается редко кому.

И летит наш маленький кораблик, для легкости сшитый из дерева, летит беззащитный с развевающимся русским военно-морским флагом навстречу своей гибели или матросской славе. Он обязан подойти как можно ближе и наверняка выпустить по врагу две торпеды с обоих бортов. Если не выпустит, или не попадет во вражеское судно, или необоснованно покинет место боя, командира катера ждет трибунал.

В одном таком бою катер, где служил Трофим, прорвался через огонь, получив, правда, множество пробоин, ударил торпедами по японскому фрегату, отчего у того взлетели на воздух оружейные отсеки и уже развернулся, уже удирал, но погибающие японские матросы продолжали стрелять из орудий по потопившему их корабль русскому катеру. Катер вихлял корпусом, уходя от снарядов. Но один из них все же достал суденышко...

Спаслись двое: матрос-торпедист Сергей Волокитин и матрос-рулевой Трофим Круглов. Их выбросило за борт взрывной волной.

Они долго плавали в воде, держась за деревянные обломки, стараясь быть поближе друг к другу. Слышали, как радостно визжали японские матросы, увидевшие гибель русского катера. Потом эти радостные вопли перешли в предсмертные крики... Потом всё стихло.

А матросов Волокитина и Круглова ранним утром следующего дня разыскал такой же катер, посланный на их поиски, и матросов, продрогших, полумертвых от страха и усталости, доставил на базу.

Трофим и потом участвовал в боевых рейдах. Домой он вернулся в сорок седьмом году с медалями и с боевым орденом.

Но с тех пор стал он люто бояться воды. И никогда не купался в море.

7

Они дошли до морской кромки часа за два до рассвета. Старались разговаривать шопотом, не шабаршить сильно

по льду стальным килевым полозом и бахилами. Шуметь было нельзя — тюлени могли спать на льду где-нибудь совсем рядом.

— Курнуть бы, батя, чичас. Благодать было бы.

Трофим наклонился к уху отца и нашептывал такие вот провокации. Сам он никогда не курил и страсть как хотел, чтобы и отец бросил.

— Шуткуй, изгиляйся над батькой, ёкэлэмэне. — Петр Акимович сокрушенно мотнул головой: курить ему страсть как хотелось. И горестно прошептал с гортанным свистом старого курильщика:

— Да нельзя нам, распугам всю живность. Вот и пошагам взад нагурьи.

Сын только улыбался. Ему всё нравилось на охоте.

Они подперли борта лодки запасенными чурбачками, залезли вовнутрь, улеглись на ее дне и, накрывшись брезентом, в полудреме пролежали до рассвета.

Посвистывал в лодочных набоях несильный холодный ветер, поддувавший то с одной, то с другой стороны. Ветер не имел направления. Поэтому и облака над ними висели неподвижной темно-синей завесой. И луна, почти народившаяся, спряталась за облачной толщей, и лишь изредка ее смутные очертания показывались то в одном, то в другом тускловатом просвете.

Трофимко перед рассветом всё же задремал. Его разбудил выстрел.

Звук промчался над ним, ударил о стену прибрежного леса и хлестким эхом вернулся обратно.

Он выскочил из карбаса с винтовкой в руках, какое-то время вращал головой, тарашил глаза по сторонам.

«Где же отец? Откуда он стрелял? По кому?»

А тот сидел на корточках перед тушей убитого тюленя и разделял его — снимал шкуру. В правой руке, привыкшей к такой работе, тускло мелькала серебряная полоска острого рыбацкого ножика. Пальцы левой скользили по краю снятой шкуры, тонули в жестком окровавленном мехе и в толще сала, хранящем тепло только что убитого животного.

— Подь-ко сюды, Трофимко, — замахал он рукой. — Вишь, сын, мы уж с тобой не нагурьи.

Отец убил крупного морского тюленя — лахтака. Был он довольнешенек оттого, что выстрел был удачен и что предстоит, скорее всего, хорошая охота. И лицо его, обветренное, оттого багровое, подзаросшее щетиной, радостно кособочилось.

— Понимашь ты, — выговаривал он, еще не утихомирив возбуждения, — я из карбаса-та вымырнул, только ступил к морю, хотел позырить, чего да как тут деече, а он, гляди-косо,

---

полёживат на кромочки-то. Вот же, ёкэлэмэне! Меня увидел, хотел в воду мырнуть, ну а я его тут-то, голубеюшка, и того... Не успел он...

Он радовался и снимал шкуру.

— Давай-ко ты, Трофимушко, — дал он команду, — пробегись молодым-то делом по льдинке-то етой. Можя каку малявину и выглядишь. А я тут-где юрок сготовлю. Можя ишше пальнем кого.

Трофим взял из лодки бинокль и пошел вдоль морской кромки. В разных местах издали разглядел еще шесть штук тюленей. Но все лежали на ровных местах. К ним было не подойти на выстрел. Только поодаль от одной нерпы возвышался над ровной как стол ледяной поверхностью ропак — груда расколотых о камни льдин.

Из-за этой кучи он и подкрался к нерпе...

Сам снял шкуру и приволок ее к становищу.

— О-о, уж две шкурки прибавилось. Так мы тебе на дом и настрелям, ёкэлэмэне, — радовался отец. Он вскочил с борта лодки возбужденный, прихлопнул в ладоши, в прищуренных глазах посверкивали тускловатые, радостные искры...

— Давай-ко, Трофимушко, сполоснем его дело. Чайку пора приспела глонуть. А как же, чаю не пила — работа не мила. Меня, брат, тошшак пробрал.

Они поставили на лед «квадратиком» короткие деревянные чурбачки, накрыли их сверху толстым железным листом, вырубленным из старой бензиновой бочки, уложили на него полешки, подложили под них берестинку, и вот уже горит перед ними костерок.

Согрели чаек и, расположившись на борту лодки, с превеликим желанием перекусили.

— Теперь, можя, с голодными равнячче, — подытожил Петр Акимович.

Он раскурил неминучую цыгарку, сидел, оглядывался по сторонам, высматривал что-то на небе, о чем-то, видимо, размышлял. Наконец высказал свое решение.

— На енттой льдинке мы ничего боле не убьем. Надоть други места искать.

Они столкнули лодку на воду и поплыли, загребая четыремя веслами. По темно-серой воде, между редкими ослепительно белыми льдинами.

Охота с лодки интереснее. Тюлени, лежащие на льдинах, как только видят ее, сползают в воду, и их черные головы торчат над поверхностью. Нередко подпускают лодку близко, и тогда становятся легкой добычей меткого стрелка. А Петр Акимович и был таким стрелком.

Вернувшись с военной службы, Трофим Круглов не долго хаживал в женихах.

Он устроился на работу в лесное хозяйство и был крепко загружен. Очистка леса, вырубка и обустройство просек, учет хвойных и лиственных пород деревьев, борьба с браконьерами, разметка участков для вырубки — всё это требовало уйму времени и совсем уж не способствовало деликатному и тонкому делу — поиску спутницы жизни. Уйдя по делам в лес, он частенько застревал там, неделями жил в лесных избах, а то и просто ночевал под елками да соснами.

Особенно любил он бывать на озере Долгом, в своей избе. Там стены и углы пахли по-особенному. Эту избу они срубили с отцом перед самой войной. И озеро было ловчивое: рыбы в нем вдосталь, и дичь вокруг водилась. Пара свободных дней — и Трофим убежал из деревни на свое озеро, в свою избу. Там отдыхал душой. Да и отец его, Петр Акимович, охоч был до рубленной им избышки. Всегда уж ладился побывать там вместе с Трофимом.

Доставали они из пестерька вечером заветную бутылочку да и выпивали по одной, потом по другой... Под свежую ушку. Горела на столике свечечка, постреливала фитильком, а отец с сыном вели и вели задушевную беседку.

Деваться, однако, куда? В деревне мужику нельзя без жёнки. Люди не понимают, ежели по-другому. Надлежит создать семью, продолжить род, фамилию. Так полагается.

А Трофимко всё чего-то тянул да тянул.

Петру Акимовичу, батьке, это дело надоело.

— Чё ты, Трофимко, кобениссе, ёкэлэмэне? По сторонам зыркашь да физию свою воротишь? А Танька наша што дурне других? Поглянь-ко на девку-то, огудан. Всё в ей ладно, в Таньке-то нашей. Красава она, выходит, ёкэлэмэне. Чем не жёнка тебе!

Татьяна приходилась родной дочерью Петра Акимовича и жены его Анисьи. Единственный их ребенок. Из голенастого гадкого утенка с вечной нелепой челкой и густыми веснушками, не очень-то ее красившими, вытянулась она за войну, оформилась в девичьих формах и невообразимо украсилась прелестями, которыми матушка природа одаривает женскую половину человечества в предзамужний период. Соки зрелости переполняли ее очаровательное тельце. Красоткой стала, чего там говорить. Трофимко и сам поглядывал на нее мужскими глазами. Да не смел высказать, что крепко нравится она ему.

— Папа, дак ведь она сестра мне, как же мне на сестры-то? Детство ведь вместе провели.

— Сестра да не совсем, сам ето знашь. Кровинушки единой нету, значит, можно.

Сказал, как отрезал. Считай, что приказал.

И женился Трофим на Татьяне, и зажили они счастливо.

9

В самом начале беременности жены как-то за ужином Трофим сказал всей семье:

— Нам бы с Таней дом построить. А то живем у вас, как нахлебники каки.

Петр Акимович крякнул, недобро глянул на сына, отложил в сторону ложку и пошел к печке курить. Все молчали. Отец глубоко, надрывисто вздохнул, покачал головой и сказал:

— Ты, сын, говори да не заговаривайся. Куда эт ты от батьки с маткой умильнуть хошь? Али гонит тебя хто? Мы тебе не чужо люди всяко, живи да живи. Мож, обида кака?

Трофим тоже прекратил свой ужин, оглядел стол, мать, отца, глянул на жену Татьяну. Та сидела рядышком, потупив взор, изредка поглядывая на мужа:

— Не в ентом дело, папа. Мы же любим вас, родителей, страхи Божьи как. Да ты сам-то посуди, мы рожать собрались с Таней, детки у нас скоро пойдут. Дом-то свой не худо завести, хозяйство свое како-никако. Ты же, папа, понимать должен ето дело. Мужик я, аль нет? Живем, как кусочники каки у вас.

Отец с матерью ничего тогда толком не ответили.

Но наутро, перед уходом на работу Петр Акимович остановился перед сыном:

— Подумал я, сынок, покумекал. Прав ты, конечно, надо дом свой править.

Трофим не выдержал от великой радости, что вопрос разрешился, склонил голову и зашмыгал носом. Отец шагнул к нему, приобнял за плечи и повел к бревнышку, что лежало у крылечка, усадил. И сказал серьезно:

— Копейку бы надоть заробить, сынок. На дом деньги нужны будут. Доски, столярка, стекла, рамы, то-се...

Отец и придумал, где их взять.

— Надо сходить, — сказал он, — пару-тройку раз на зверобойку и сдать в колхоз шкуры да сало. На их и заработам. В цене они чичас, сам знашь...

10

Они шли и шли по воде на своей лодочке, тихонько работая веслами, выглядывая в бинокль тюленей в воде и на льди-

---

нах. Мелкие льдинки расталкивали корпусом лодки, большие глыбины огибали.

Вот еще две шкуры лежат на льдинах, вывешены на ропаках, чтобы не потерять их потом, заметить издали на обратном пути. Тюленей убил в воде Петр Акимович. Стрелял, как всегда, по-снайперски, с руки, с дальней дистанции. Ни разу не промахнулся.

Трофим глядел на него и на его стрельбу с радостно вытаращенными глазами. Он не переставал восхищаться отцом, его ладными, осмысленными действиями, его поморской сноровкой.

Впереди показалось широченное ледяное поле. Трофим привстал, взгляделся в очертания кромок и невооруженным глазом разглядел на белом фоне несколько темных пятен. Это были тюлени, отдыхающие на лежках. На этой огромной льдине присутствовало очевидное преимущество перед многими другими: тут и там высились рваные вздыбленные ледяные кучи — ропаки — надежные укрытия при скрадывании зверя.

На лодке подплывать бесполезно: тюлени уйдут со льда в воду, как только увидят ее вдали. Они подошли к краю глыбы, выдернули лодку на лед и решили разделиться. Отец пойдет по левому краю, сын — по правому. Каждый будет охотиться самостоятельно, чтобы не мешать друг другу. Так больше шансов на успех.

11

Петр Акимович выглядел в бинокль крупного тюленя, лежащего на самой ледяной кромке. Судя по цвету шкуры это был не лахтак, который почти всегда черный. Светло-серый оттенок волоса, покрытый сверху и с боков нарядным темным пятном, говорил о том, что там, впереди, греет бока о тусклое солнышко гость из Ледовитого океана — громадный гренландский тюлень, называемый у поморов лысуном, самец утельги.

«Эх ты, удача! — подумал охотник. — Не упустить бы его. Осторожен, окаянной».

Трофимко уже утопал в свою сторону. Петр Акимович забрал из лодки гарпун-кутило, привычно намотал крупными, длинными кольцами на левое плечо веревку, привязанную к деревянной гарпунной ручке, конец веревки закрепил крепким узлом к кожаному поясу.

И пошел потихоньку туда, к лысуну.

Как никогда он волновался. Лысун — редкая добыча в этих местах. Тюлень этот здесь не живет. Только редкий зверь, от-

---

бившийся от стаи, от мест лежек заплывает сюда в погоне за косяками сайки, наваги и трески.

А громадный он какой! А сала сколько! И шкура у него дорогая не в пример нерпе.

Петр Акимович шел как бы мимо лысуна. Потихоньку шел, внаклонку, чтобы не спугнуть резкими движениями, шагал в отдалении, метрах в ста. Пока между ним и лысуном не возник ледяной ропак.

Тюлень скрылся из виду.

Добытчик остановился, выпрямился и перевел дух, отдышался. Теперь надо идти прямо к зверю, укрываясь за ледяной кучей. Идти ровно-ровно, прямо к ропаку. Иначе тюлень разглядит опасное для него движение и соскользнет в воду.

Десять метров пройдено, двадцать... Вот и сам ропак — вздыбившиеся сверху расколотые глыбины. Охотник перед ним опустился на колени — так ему проще будет действовать дальше. Он прислонил к льдине винтовку, отдышался — нельзя стрелять без ровного дыхания. Теперь бы не закашляться: привычка курить может подвести. На тюленя он пока не глядел, он знал, что тот лежит там, где и был. Совсем близко, метрах в сорока.

Стараясь не шелкать металлом о металл, снял предохранитель, выставил вперед ствол, аккуратно, бесшумно положил цевье на выступавший сбоку острый ледяной краешек, приладил приклад к плечу и только тогда вместе со своей изготовленной винтовкой перенес колени и все тело вправо.

Перед ним отчетливо, ярко, словно на картинке из детской книжки, лежал на ледяной кромке огромный тюлень. Вокруг него сверкал ослепительный, белый, с легкой голубизной блестящий лед. За ним распростерлась ярко-синяя вода, украшенная плавающими в ней ледяными глыбами. Сам тюлень на этом фоне выделялся блестяще-светло-серой окраской, украшенной сверху черной лирообразной накидкой, покрывающей всю спину. Весь он — лежащий на льду громадный лысун — выглядел величаво и монументально.

Тюлень спал. Ему мирно дремалось под тихо и ровно греющим солнышком начала весны — на этой дремотной льдине, где для него не существовало никаких врагов.

Петр Акимович выстрелил ему в бок.

Он был уверен, что разрывной пули из такой сильной винтовки как трехлинейка вполне достаточно одного меткого выстрела в туловище для любого морского зверя.

Тюлень от выстрела свалился в воду.

Петр Акимович подбежал к краю льдины и увидел, что лысун, тяжело ворочаясь, плавает на поверхности метрах в полутора от краешка льда.

«Хватит ему», — подумал промысловик и спокойно отмотал изрядную часть веревки со своего плеча. Привычная работа на зверобойной охоте: чтобы достать из воды раненого или убитого тюленя, в него швыряется гарпун-кутило и туша за веревку подтаскивается к охотнику.

Он так и сделал. И вот из бока лысуна уже торчит метко и сильно всаженный гарпун, сам тюлень перестал уже двигаться, и туша потихоньку, медленно подтаскивается к льдине.

«Хорошо пулька моя прошла, метно», — удовлетворенно размышлял Петр Акимович.

Теперь пора звать на подмогу сына. Без него с эдакой тяжестью не справиться, не выгашить на лед одному. Он повернулся в ту сторону, где тот должен был быть. Увидел его сразу, на другом краю льдины метрах в двухстах, замахал рукой, закричал:

— Подь-ко сюды, Трофимушко, подь-ко, паря-я!

И Трофимко зашагал к отцу быстрой походкой, с радостным лицом. «Вот же батя, вот же добытчик, — напевало его сердце, — как выстрел, дак и удача сразу! Всю-то жись вот так!»

12

«Ну, чего торчать на ногах без толку? Трофимке шагать по льду ишше минуток семь, не меньше». Петр Акимович привычными движениями полез за куревом. В одном кармане бумажка для сигарки, в другом — кисет с махрой...

Он терпеть не мог всякие там вошедшие в моду папироски да сигаретки. Или трубочки с неизвестно откуда взятой табачиной. То ли мусор какой, то ли взаправду табак? Хрена с два разберешь. А курить их? Пару раз дых да пых — вот тебе и вся трубочка. Стыдоба одна... А тут, товарищи дорогие, жирная махра, проверенная, так сказать, в боях. Сам отмерил сколько надо, сам отсыпал из пригоршни, сам скрутил толстенную цыгарку... А запах-то какой, братцы вы мои! Густой, ядреный, привычный. Считаю, родной и близкий, свой, деревенский запах. В бытность на войне, Петр Акимович доставал из кармана кисет, и на него веяло родным домом. Будто по деревенской улице прошелся.

Ласковыми, мягкими движениями пальцев он уже крутил эту самую цыгарку, поглядывая на приближающегося сына, когда неожиданный, сильный удар сбил его с ног. Его швырнуло назад, и он упал навзничь, спиной рухнул в воду. Охотника сдернул со льда лысун, вдруг оживший, бьющийся в предсмертных судорогах. Подвела веревка, накрученная вокруг плеча.

Оказавшись в воде, он не почувствовал страха и даже какой-либо опасности. Не успел почувствовать. Зато нахлынул лютый холод ледяной воды, мгновенно пропитавшей одежду, и стальными пластинами легли вдоль и поперек тела страшные судороги, сковавшие, сделавшие неподвижными мышцы. Его окружила глубина, в которой невозможно было дышать, и соль. Во рту, в носу, в глазах...

Он вынырнул. Голова его какое-то время, голая, без шапки, качалась и крутилась над водой.

Лысун тянул его вниз, в глубину, под воду. Петр Акимович сделал попытку превозмочь паралич судорог, закаменивших тело, и нечеловеческая попытка эта почти удалась. Правой рукой он начал раскрутку веревки, намотанной на левом плече, попытался сбросить ее, освободиться от страшной силы, тянущей вниз, в глубину. Это дало возможность еще какое-то время побыть на плаву, не тонуть. Но тяжесть огромного тюленя была непреодолима. Он не успевал раскручивать веревку, сдавившую петлями руку и плечо, не успевал...

И тогда он понял, что погибает.

«Где же сын-то мой, где Трофимко? Помогет мне всяко уж, не может не помочь. — соображал промысловик в предгильных попытках не уйти под воду. — Не бросит же батька своего на беду на таку».

И эта надежда какое-то время тоже поддерживала его на поверхности.

Но силы наконец оставили его. Тяжела была намокшая зимняя одежда, и неимоверно тяжел был груз, тянущий его вниз, на морское дно.

Последнее, что увидел Петр Акимович в своей жизни — это лицо своего сына Трофимки, застывшего на краю льдины. На нем, на этом лице, было выражение смертельного ужаса. И вытаращенные глаза, и маска отчаяния и бессилия.

Он ушел на дно с распахнутым в крике ртом. Не успев высказать сыну какие-то очень важные предсмертные слова.

13

Трофим не мог стоять. Он сел на лед, потом лег. Лежал и глядел на небо. И ничего там не видел. Как ворвавшийся в избу шторм и все в ней сломавший, сорвавший двери, нахлынуло на него осознание: отец погиб из-за него, из-за того, что он, Трофим, не пособил ему в смертельную минуту! Не пришел на помощь человеку, бывшему для него самым близким, самым родным из всех живущих на земле людей.

Он ведь мог прыгнуть в воду, спасти его. Мог бы перерезать проклятую, погубившую его веревку. Мог бы просто

подставить плечо, протянуть руку. Вместе они бы справились, подплыли бы вместе к льдине, ведь она была совсем рядом.

Но он почему-то не прыгнул в воду.

«Почему?» — спрашивал себя Трофим.

И ответ не приходил к нему.

Да, он сильно боялся воды после случая на войне, когда остался жив лишь чудом. Да, вода сейчас очень холодная. Но это ли его остановило?

Ответ поступил к нему из самого потаенного уголка души, из закромого местечка, куда он сам не решался заглядывать, где сидел тот скрюченный, противный человек, который знает всё о нем, о Трофиме. Всё знает доподлинно, потому что этот человек — он сам и есть. Он — Трофим! Мерзкий этот человек прокричал из темного чуланчика, в котором всё время прятался. Гнустный его голосёночко пропищал ту самую истину, ту нагольную правду, которую Трофимке так бы не хотелось услышать. Он крикнул на весь белый свет:

— Это ты его предал, Трофимко! Струсил ты, вот и всё! Бросил батьку своего родного в смертный час!

Струсил!

Эта суровая правда гремела в небесах как страшный, но справедливый приговор, как приглашение лечь на плаху и подставить голову под топор.

Пришедшее к нему осознание того, что эта гадкая отвратительная, кем-то подосланная ему мыслишка и в самом деле является правдой, ошеломило его. Он никогда раньше не смог бы даже представить себе, что мог бы так поступить с родным отцом.

Правда разрушила его желание жить.

Трофимко перешел в лодку, оттолкнулся ото льда веслом и растянулся на досках, прикрывающих дно. Он решил больше не вставать и не выходить из лодки к людям. Сама мысль о том, что придётся жить с осознанием своего предательства показалась ему невыносимой. Он понимал, что такой тяжеленный груз ему не вынести, груз этот раздавит его.

Трофимко решил умереть здесь, где погиб его отец.

14

Прошли сутки. Потом еще половина суток. Он лежал на дне лодки и в самом деле умирал, потому, что за всё это время ничего ни пил, ни ел и оттого, что, лежа без движения на морозе, совершенно окоченел.

Его нашла жена Татьяна.

Беременная на шестом месяце, она не смогла больше ждать со зверобойки отца и мужа и пошла их искать.

Уже к вечеру отыскала она во льдах лодочку, которая качалась около кромки большой льдины.

На дне лодки лежал ее муж с белым, как снег, лицом, со льдинками под глазами.

Она долго оттирала рукавицами почти уж бездыханное тело мужа. При этом истерически, во весь свой звонкий голос, кричала что-то бессвязное, ругательное и ласкательное. Упрашивала его, чтобы не помирал «окаянной», да «родимой».

Он и не помер. Он с трудом разлепил свои веки и прошептал жене:

— Ты откуль взялась, Таня? Зачем пришла?

Татьяна сильно обрадовалась, что муженек-то ее живой, и заголосила вперемежку со слезами:

— Трофимушко-о! Чё ты в карбаси-то полеживашь, голу-беюшко ты мо-ой? Чё домой-то не иде-ешь? Помрешь ведь туто-где-е.

— Я и хочу, Таня, помереть, — зашевелил губами Трофим, — не хоче боле жить мне, не хоче.

А Татьяна и радовалась, и волновалась бесконечно, очень было жаль ей своего мужа, хотелось, чтобы Трофимушко воспрял побыстрее, очнулся от какой-то беды, вдруг со страшной тяжестью обрушившейся на него. Она не знала какой, и выла и выла. Ее плач разбудил бы любого.

— Ошалел совсем уж, глу-у-пой какой! А женку-то свою тебе не жалко-о! Помрешь, глупой, дак и я вослед. Не понимаешь чел-и-и? Женка-та, поглянь, вон у ты кака красава любяшша. Подитко-се поишши другу таку. Найдешь равзе? Не в жи-ись!

Она кричала и продолжала с силой разглаживать тело супруга.

— Вон он полеживает, кабуди дела ему нету-у. Кабуди уш-куй в берлоги. А маленькой скоро появичче, ты об ем-то подумал, шалько? А-а, в умах не води-ишь. Родичче, дак чё у меня, у матки, спреси-ит? Где мой батько-о? А батько вон, оглупел совсем... Полежива-ат.. Чё ответу сыночку-то своему-у?..

Трофим молчал, и Татьяна, не переставая реветь раненой медведицей, сквозь всхлипы спросила его:

— А где папа-то мой?

Муж ничего не ответил, горько сморщил лицо и отвернулся. Закрыв глаза.

Татьяна поняла, что произошло что-то совсем уж бедовое, завыла с причитаниями так, как издревле воют поморки над покойниками.

Потом она долго пыталась растормошить мужа, чтобы тот наконец поднялся и пошел вместе с ней в деревню. Но он подняться не смог или не захотел. Татьяна сбросила фуфайку, кофту и легла на него всем телом. Она отогревала мужа своим теплом, отогревала, растирала его тело сильными своими руками и растирала... Когда уже поплыли надо льдом сиреневатые сумерки, она своей шерстяной кофтой обернула грудь и живот Трофима и накрыла его, чем только можно было накрыть: досками, рюкзаками, брезентом. Она набросила на свои плечи старенькую фуфайку, закрепила конец лодочной веревки за ледяной ропак, чтобы лодку не угнал куда-нибудь ветер, и побежала домой.

Перед этим горячо расцеловала мужа и пообещала:

— Не горюй тут, Трофимушко, я чичас возвращусь.

Уже ночью она ворвалась в дом председателя колхоза, растормошила его спящего и рассказала ему, перепуганному то страшное, что случилось с ее мужем и с отцом.

— Да, дева, надоть коня запрягать да ехать. Не помер бы мужик-от, справной он, Трофим. Мороз промежду льдов-то чичас, всяко знам, — всполошился председатель.

Сам он староват уже был для ночных походов, но оделся и отвел Татьяну к бригадиру Михаилу Серухину. Тот организовал всё остальное, сам запряг колхозную лошадку и, сев вместе с Татьяной в сани, поехал спасать Трофима Круглова.

15

Дома Трофим с неделю лежал на спине и глядел в потолок. Ни с кем не разговаривал.

Потом он ушел в запой.

Из дома никуда не выходил, не удивлял людей своим беспамятством. А лишь бродил по передней комнате, где стояла его кровать, да посиживал у окошка, из которого виднелась морская даль. Долго вглядывался в нее воспаленными, невыспавшимися, пьяными глазами и напевал какую-то бессвязную, бестолковую мелодию. Трофим, наверно, и сам не знал какую.

И всё время пил и пил брагу, которую в деревне в разных домах ему доставала Татьяна. Татьяна не перечила в этом мужу, подспудным женским чутьем понимала она, что с ее Трофимушкой произошла какая-то беда, что ему сейчас это нужно.

Трофим сидел нетвердо, иногда соскальзывал на пол, лежал на полу и протяжно стонал. Потом на четвереньках добирался до кровати, притулялся на ее краешке, плакал с легким подвыванием и кулаками вытирал глаза.

А Татьяна ходила со своим пузом по деревне сама не своя. Люди жалели ее и Трофима жалели, останавливали ее и интересовались:

— Каков он, Трофимушко-то, можа спомога кака треба тебе, Таня? Скажи, дева, дак поможем всяко уж. Мужика-та жа-алко ведь!

Татьяна растопыривала руки и не знала, чего и сказать. Не понимала она, чего тут можно сделать.

Дней через девять к Трофиму пришел старый друг отца Созон Степанович Новожилов, придвинул стульчик. Налил себе и Трофиму по стакану браги, завел разговор.

— Вся деревня сказыват, чижало тебе чичас, парнишко. Мы двоим с тобой туто-где, ты скажи-ко мне, што у тебя да как, облегчи душу свою. Вот и полегчат тебе, паря. А у мя на рте замок висит, сам ето знашь. Никому ни гугу. Ежли сам, конечно, не попросишь.

Трофим выглotal тот стакан и вдруг разрыдался. И посреди рыданий поведал, что произошло.

— Струсил я, Степаныч, струсил, вот и всё! Предал я отца свово. Не спрыгнул в воду, вот што. Из-за того и пьянствую, не знаю, как и жить дальше-то... Можа и не надо уж... Всё он стоит перед глазами, как под воду уходит... Батько мой... Ду-машь, легко мне чичас?.. Стра-ашно мне, да и жалко ево...

Он пристукнул доньшком стакана о табуретку.

— Я таперича жить не желаю, Степаныч, вот оно как...

А Созон Новожилов, мудрый помор, старый зверобойщик посидел, помолчал с хмурым видом, скрипнул остатними зубьями и задал на первый взгляд бестолковый вопрос:

— У тебя, Трофимко, сколько времени было на размышление прыгать али нет?

— Откуль я знать могу таперича, секундошки каки-то.

Новожилов такого ответа как будто и ждал:

— Вишь вот! Да рази за секундочку собразишь чего... Ты, паря, только и поспел рот свой раззявить, а больше и не поспел ничего.

Он плеснул себе еще. Трофиму не налил.

— Ты, герой — штаны с дырой, ты лучше вот што мне сказывай. А вот ежели чичас, по разумению, так сказать, прыгнул бы ты чичас?

Трофим выпрямил голову, блеснул глазами над набрякшими от долгой пьянки подглазниками, высказался твердо, словно давал сейчас смертельную клятву перед Партией и Родиной:

— Я, дядя Созон, счас бы прыгнул, как есть скаканул в море за батьком.

И с хрустом стиснул кулаки.

Новожилов хряпнул стакан браги, тряхнул тяжелой шевелюрой, подытожил:

— Вишь вот, Трофим, верно решенье не сразу приходит. Так бывает.

А Трофим закручинился вдруг, сидел с опущенной пьяной головой. Заботили его какие-то тягостные думы.

— Всё равно, — сказал он, — не прав я был. Не снимаю я вины своей. Предал я батьку свою, предал и все.

Новожилов посидел еще, покачался на стуле.

— Ну, вот што, брат ты мой, Трофимушко, я тебе скажу. Прекращай ты пьянку свою. Себя не позорь и людей не смеси. Выходи в деревню, к народу, работа тебя ждет. Хватит уже дурака-та ломать.

Перед уходом сказал:

— А не вижу я тут твоей вины, парнишко. Не знаю, чего бы я сообразил на твоём-то месте. Ты и сам бы потонул в той проруби, в такой-то холоденки. В два счета... Людям, конечно, можно тонуть за здорово живешь, ежели большо желанье имеется. Да хто за их детей рожать да растить будет, да семью подымать? Вон у тебя на подходи прибавка... Об ентом тоже подумай, паря.

И ушел.

16

Трофим стал выходить на работу. Начал опять привыкать к жизни, к людям. Спасал его лес.

В нём проходило его время. Вот уже народился сыночек Петенька и рос, драгоценный камушек, и уж топал ножками по лужайке около дома. И уже второй раз понесла жена Татьяна очередную прибавку для семьи...

Лес всегда казался Трофиму со стороны непреодолимой стеной, куда для людей нет входа. Но когда он приближался к этой стене, лес всегда распахивал перед ним свои двери, и Трофим входил в них, словно в таинственный храм, наполненный всяческими загадками, чудными делами.

Кроны деревьев смыкались над ним, и в раскинувшемся над головой зеленом пологe всё время стоял какой-то звон, веселый шум. Там жили и звенели неугомонные птицы, скакали с дерева на дерево белки и куницы, пошумливали от ветра листва и хвоя.

Внизу, под деревьями, царствовал другой мир, особенный, населенный всякими зверушками, змейками, лягушками, ящерками. Царство деревьев прерывалось озерами и реками, в которых жило множество разнообразных рыб.

Трофим, проработавший уже много времени в лесничестве, не переставал удивляться этой другой жизни, так не похожей на жизнь людей. Он страсть как любил посиживать где-нибудь на бугорке или пенечке и разглядывать этот свой Лес.

Всё в жизни ладилось. Создалась у него семья, и жила она в новом, построенном им доме. Жили-поживали рядом с ним бесконечно любимые люди — ненаглядная женушка и родная кровинушка — сыночек Петенька, как две капельки воды схожий с ним, с Трофимом.

Только вот незадача: как воткнутая в душу заноза, как неминуемая сердечная болезнь не покидала его зловредная мысль о том, что отец погиб из-за него, из-за его трусости. И мысль эта паскудная, зловредная острой бритвой полосовала сердце, не давала спокойно жить.

И в шепоте листьев, и в шуме ветра, и в рокоте ручья слышал он отцовский голос, повсюду стояло перед ним его лицо и его глаза, уходившие под воду, заглядывающие прямо в душу.

Вина его, сыновья вина, неразрывно, неотвязно жила рядом с ним. И дремала с ним рядом на подушке, и нашептывала по ночам тяжелые, страшные сны.

17

Лес и избавил его от тяжелой этой болезни. Через страдания и испытания, но спас.

Ходил Тимофей на озеро на свое, на Долгое поздней осенью. Ходил, чтобы по перволедку поставить там рюжу. Знамо дело: в первый лед — самолучшая рыбалка. Да и снегу в лесу пока не навалило горы непролазные, можно выбирать любой путь.

Когда шел на лыжах вперед — надо же — дорогу ему пересек заяц. Летел он пулей, прыжки метров по пять. Срывая с плеча свою «двадцатку», Трофим понял: зайчишка от кого-то убегает. И впрямь, следом за ним вывалила из леса странная зверюга — ни волк, ни медведь, ни собака, а что-то среднее между ними, темно-коричневое и дикое. Зверюга просто-таки летела над снегом.

Трофим только и успел сообразить: это россомаха! Страшный зверь, которого в лесу бояться все, даже медведи.

Конечно, было бы у него хотя бы несколько секунд на принятие решения, он бы ни за что не выстрелил. Это похоже на безумие — стрелять не из винтовки, а из дробовика по самому опасному зверю, да еще мелкой дробью, да без прицеливания, навскидку, что называется «влет»! Но у него было только мгновение, и он сделал этот выстрел. Машинально, без

подготовки, наобум! Он поступил так, как бы это сделал всякий охотник. Но поступил необдуманно. Он сделал ошибку.

Росомаха как будто и не заметила ничего. Промчалась мимо да и всё.

Трофим всё же подошел к тому месту, куда легла дробь. Вот они — черточки на снегу от дробинок. Прошел по следу маленько вперед...

Вот на снегу выбитые его зарядом волоски росомахиной шерсти. Темно-коричневые, длинные...

Вот и кровь.

Вдоль следа бегущего зверя краснели на снегу капельки ярко-красного цвета.

«Подранил я ее или же кокнул? — поразмышлял Трофим и прошел по следам еще метров пятьдесят. Нет, махи оставались длинными и ровными. — Подранил, значит, только, зацепил... Пусь ее... Надоть на озеро попадать, дни коротки таперича».

И он ушел.

18

На озере, пока вырубал иорданы, пока путался со снастью, загонял ее под лед, день и закончился, последний свет уплыл за солнцем за темный лес. Быстро напоззла темень конца ноября.

В избе привычными спорыми движениями растопил печку — благо в печном простенке сухие, давно наготовленные дрова, перекусил, глотнул горячего чайку и улегся на нары.

И вот спит Трофим-поспит на постельке своей лесной, и снится ему вполночи, а может и взаправду, слышит он явственно, что поскрипывает лавочка, стоящая вдоль стола. А потом и дыхание расслышал и вздохи легкие. Трофим глаза не открыл, не глянул в ту сторону: очень уж жутковато было ему слышать все эти звуки. Он еще подумал:

«Вот кто-то пришел ко мне. А как в избу-то зашел? Изба ведь на крючке зашшелнута?»

И услышал он голос, спокойный, ровный, будто даже какой-то сонный, очень знакомый голос:

— Это я пришел к тебе, Трофимушко, батько твой. Не пужайся ты меня Христа ради, я ведь с добром к тебе, сам его знашь.

Потом минуту было молчание, только поскрипывала лавочка. Трофим лежал, отвернувшись к стене, боясь пошевельнуться.

— Порато ты меня тревожишь, сынок, што расстраиваиссе сильно. Зачем ты так переживашь-то? Я ведь сам виноват,

---

што потонул. Не надо мне было тугим узлом себя привязывать к кутилу. Вот отвязать-то и не успел... Крепко дернул меня лысун... Прости меня, сынок, што эстолько беды навел я на тебя, да на семью...

Опять молчание, и снова лавочкин скрип.

— А прыгнул бы ты, Трофимушко, потонул бы ты, я его знаю. Кто бы внучка мово растил нонеча, Петрушу, в мою честь названного? Кто? Он бы заболел, да и помер без тебя, без батька. И это извесно... Скоро у тебя с Танькой дочка народитца, Дарьюшка. Как без тебя?

Потом будто кто-то поднялся с лавочки и, легко пришаркивая, пошел к двери. И у двери сказал:

— А я поглядываю на вас, на детей своих, да и радуюсь... Дверь слабенько стукнула, и всё стихло.

Трофим лежал на спине и ошалело растопыренными глазами глядел в потолок. Приблизился ему отец или же в самом деле приходил к нему? Потом долго сидел на краешке лежанки, пил из кружки холодный чай, осоловело глядел на качающийся фителек горячей свечки и размышлял:

«Конешно, приснилось, не может же в самом деле, едрена бабка... А чего тогда, будто взаправду всё? А голос-то батьков, как его-то перепутаешь?»

Он проверил дверной крючок. Дверь была на запоре.

19

Спозаранку, когда с восточной стороны сквозь вершины елок только-только начал пробрызгивать тускловатый свет, Трофим уже был на озере, «тряс» свою рюжу. За ночь в снасть забежало четырнадцать окуньков и маленькая щучка. Мало-вато, конечно, чего там говорить, да и то понятно: не летняя пора, откуда теперь, в предзимнюю глухомань, бывать богатому улову? Но и на том спасибо — хватит на уху и на малую жареху. Ему главное — накормить свежей ушкой беременную женушку, ей витаминки требуются, да попотчевать рыбкой сыночка Петеньку. Пускай парнишечка вырастает на свежей рыбке. Глядишь, сам потом рыбачком и делается.

И когда занимался рюжей, и потом, на обратном пути, Трофим неизбывно размышлял о ночном происшествии. Что это было? Сон или на самом деле отец к нему приходил? Он не видел его, но этот разговор? Этот неподражаемый отцовский голос? Не могло же ему померещиться. Или могло?..

Стоял в лесу легкий морозец. Вовсю на восточной стороне занялось уже солнышко, приподнялось над острыми, темными уголками стоящих в бесконечном ряду елок, оттого на снегу лежали длинные серые тени, пересекали его путь.

Идти было легко. Слабый морозец, прохладный свежий воздух, пропитанный запахом недавно выпавшего снега, бодрили дыхание, проторенная вчера лыжня обеспечивала хорошее скольжение, и шагал Трофим быстро.

Новое, совсем недавно приобретенное, пусть пока и не полное чувство внутренней свободы распирало грудь. Отец простил его! Отец не держит зла на него! Так отраднo это было понимать. Трофим так ждал этого момента, так ждал! Почему-то он поверил в то, что Петр Акимович приходил к нему в самом деле и в самом деле беседовал с ним. Наверно, он со своего небесного жилища разглядел, как он страдает, и пришел поддержать, успокоить.

«Батько мой, как же люблю-то я тебя!» — плакала Трофимова душа, плакал он и сам. Шагал на лыжах и рукавицей вытирал мокрые щеки.

Но не мог Трофим, никак не получалось у него простить самого себя, свое малодушие. По-деревенски, по-крестьянски понимал он, что надо бы как-то искупить вину. Но это возможно, когда есть перед кем виниться. Когда стоит перед тобой тот, кому ты навредил, или же обидел, и ты говоришь ему: «Прости ты меня, Христа ради». И человек этот может тебе или в морду дать, или же просто тебя отпустить. Это понятно — это прощение. А когда нет его, потонул он по твоей в том числе вине, как быть тогда? Не перед кем на колени встать...

Искупления нет... Вроде бы прощен уже, а душа не спокойна. Отец извинил его, а вот сам себя он простить никак не может..

«Што тут поделашь? Как быть-то тут?»

Трофим скользил по нахоженной лыжне и с беспокойным сердцем размышлял. Он понимал: надо перешагнуть какую-то преграду, некий порог, перенести трудности, чтобы душа его очистилась окончательно перед дорогим для него человеком, перед отцом. По выработанной веками древней поморской привычке он изучил истину: надежный результат приходит только после перенесенных испытаний.

Дорогу пересекли его собственные наброды на снегу. Здесь он сворачивал с лыжни, изучал следы убежавшей от него росомахи. Подраненной им росомахи! Вот эта последняя мысль заставила скорехонько скинуть с плеча ружье, переломить его, проверить заряд. Вытащил патрон с мелкой дробью, заряженной на рябчика, вставил в ствол патрон с картечью. Известно каждому охотнику: не приведи, Господи, вступить с этим зверем в единоборство! После медведя росомаха самая сильная, хитрая и коварная в лесу. Обходят стороной ее все. Да и сам косолапый уйдет с ее дороги — в сватке с медведем

она не победит, но изорвет тело так своими когтями-крючьями, что долго придется тому потом зализывать рваные раны.

Трофим остановился на самом росомахином следе рядом с разлапистой елкой, широченной и густой. Поглядел вдаль — туда, куда умчалась вчерашняя зверюга.

«А ну, покажись-ко мне, страшила, укою тебя чичас. Положу в тебя второй заряд»...

Из-под елки послышалось какое-то шуршание. Легкое, будто ветер маленько вздыбил сухие листья. Трофим скосил туда глаза и чуть не лишился сознания: оттуда, из-под лапинева показалась коричневая морда и оскаленная пасть. И длинные, крючковатые, желтые клыки...

Он не успел выстрелить, потому что на него обрушилась молния, мгновенная, просто блеснувшая в воздухе коричневым огнем. Пока сдергивал с плеча ружье, пока поднимал ствол, оттягивал курок... Времени ему не хватило.

Росомаха повалила Трофима на снег и стала рвать его тело. Единственно, чего Трофим успел сделать — дотянуться до спускового крючка ружья и нажать его.

Шарахнул выстрел. Он спугнул зверя. Лесные хищники смертельно боятся ружейных выстрелов. Они знают, что этот звук означает гибель.

Росомаха оторвалась от Трофима и бросилась в лес.

Трофим долго лежал на снегу, не шевелясь. Первое время от перенесенного шока, от боли он не мог двигаться. Только стонал и чувствовал, как из порванного в нескольких местах тела струится кровь.

Потом он потерял сознание.

20

Сколько он так пролежал, неведомо. Он пришел в себя оттого, что кто-то заставлял его подняться. Этот «кто-то» тормошил его и приподнимал над снегом сильными руками. Поднял, поставил на ноги и подтолкнул вперед. Трофим хотел бы посмотреть: кто же это, но у него не было сил оглядываться. Он стонал и делал слабые движения вперед. Первые шаги его были длиной в несколько сантиметров. Ему хотелось лечь в снег, потому что из-за навалившейся вялости желание было одно: упасть и не подниматься больше. Силы оставили его.

Но мозг работал четко и лихорадочно. Он подсказывал Трофиму: если остановишься и ляжешь, больше уже не поднимешься! Тебе нельзя останавливаться!

Он понял это и согласился. И решил, что будет идти вперед, к дому, пока держат ноги, пока не потеряет способности

двигаться. Надо идти, сколько хватит сил! Идти, даже если сил уже совсем не осталось! Так веками поступали поморы, терпящие бедствие в море, замерзающие или изголодавшиеся в лесу.

Израженный, еле передвигающий ноги, он шагал и шагал к своим мигающим ему вдаль маячкам, туда, где жили его милая женушка Татьяна, сыночек Петенька и не родившаяся еще дочка Дарьюшка.

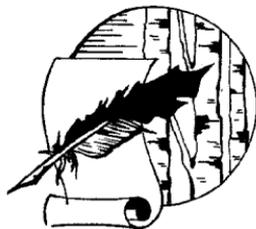
И он дошел! Дошагал, допередвигал ноги!

На озере, в километре от деревни его встретила Татьяна. Она шла ему навстречу и тянула за собой на веревке большие санки. Хотя висели уже над деревней и над озером сизые вечерние сумерки, ранние в эту пору, она разглядела мужа далеко-далеко и побежала ему навстречу. Ах, какие же они чуткие, эти любящие женщины, какие предусмотрительные! Как догадалась она, что надо взять с собой санки? Что без них никак будет не обойтись?

Она бережно уложила Трофима на них, положила ему под голову рюкзак, расцеловала лицо и повезла в деревню.

Тянула она драгоценные эти саночки и тихонько опять выла. От жалости к своему Трофимушке и от великой радости, что он живой.

У поморок плач этот — вполне обычное дело.

Андрей ГРУНТОВСКИЙ

НА ВСЮ ГРЯДУЩУЮ ЭПОХУ

* * *

Из России мы уйдём в Россию.
Вечность это будет или нет...
Словно на листке Твоём росинку,
Я увижу всю её на свет.
В этой сфере мизерной, хрустальной
Отразится тысяча веков —
Поле, что засеяно крестами,
Звон синиц и говор родников...
И куда бы нас ни заносило,
Отовсюду Родина видна...
Из России мы уйдём в Россию —
У Христа за пазухой она.

* * *

Я мало верил в Бога,
Но я Его любил...
Я колокол не трогал,
А он по мне звонил.
Он звал меня. По зову
Я шел, как в забытьё...
Я вам оставил слово
И строчки — пусть не те...
Я вам оставил сердце
И трепетную кровь.
Могила — только дверца
В любовь, в любовь, в любовь...

ДУМЫ

И вот явилось просветленье
Моих простых вечерних дум...
Н. Рубцов

Поэт ушел. Поэт молчит...
Но думы, что он не додумал
В тревожной северной ночи
Стоят над городом угрюмым.
Густеет тьма, и облака
На ветхих крышах дремлют, дремлют...
Но вот рассветная река
Плывет на сумрачную землю...
Все шире льется... Тихий свет
Нисходит на уснувший город...
И вот уж дум тревожных нет
И день проснется скоро... Скоро...
И он приходит. Свет и ясь.
Шумок окраины рабочей...
Уходят думы, притаясь
В тени до следующей ночи...

В ДОРОГЕ

Я слезой горючей выжег
Наш недолгий глупый рай...
И когда тебя не вижу —
Хоть ложись и помирай.
Ночь нависнет черным бредом,
Ходит, кашляя, сипя...
Сяду в поезд и уеду —
От тебя и от себя...
И начнет ночную песню
Вечный русский перестук...
Я погибну, я воскресну
И в конце концов — усну...
Сплю на полке — почиваю,
И не верю в сон и в рок...
Это чудо — врачеванье
Бесконечностью дорог...
Убаюкает пространство
Без заслуг и без причин —
Безвозмездно, беспристрастно.
Только я — неизлечим...

Только версты выются следом,
Пролетают, колготя...
Но куда же я уеду
От себя и от тебя?..

СОН

Мне снился сон, что звёзды в ночь
Собрались в клин на небосводе
И потекли куда-то прочь,
Ревнуня о иной свободе...
Их утомила наша гнусь —
До тошноты, до слез, до жженья...
И звёзд не стало. Только Русь
Еще светилаь отраженьем...

СТРОЧКИ

В этих строчках, как в речках,
Заблудилась душа...
Где деревни при печках
Чуть дымятся, дыша...
В этих строчках, как в жилах,
Наша движется кровь,
В этих строчках мы — живы,
В этих строчках — любовь.
Я любил эти строки,
Эти нити миров.
В них не кончатся сроки,
В них — нетканый Покров...
В них пребудут вовеки,
Что бы в вечности течь,
Наши руки и реки,
Наша русская речь...

* * *

Я буду ночью слушать дождь
До самого утра.
Я знаю, ты уж не придешь —
Прошла любви пора.
А мы с дождём — глаза в глаза
В распахнутом окне.

А где-то там гроза... Гроза...
Ты помнишь обо мне?
Дождь смывает первую пыльцу,
Прибьёт черемух цвет...
А эти капли по лицу —
Не слёзы — нет-нет-нет!
И будет он всю ночь стучать
По стёклам и в отлив...
И буду я молчать, молчать —
Я буду терпелив...
Дождуся Божию зарю —
Акафист первых птиц...
За всё тебя благодарю
Под теньканье синиц...
И вот, когда уж рассветёт,
Вздремну накоротке... —
Пусть без меня там всё течёт
По вечности реке...
Мне будет сниться этот дождь
И запахи весны...
И Там — ты снова не придёшь...
Презрев чужие сны...
И всё по кругу будет век,
Как в строчках этих, течь...
И будет вечно человек
Вести о счастье речь.
Нет-нет, я этак не хочу —
Поэт сказал: «Не спи!»
И я не сплю — плачу... Плачу
За чудный сон любви.

* * *

Озеро тихое, чудное,
Чайки, камыш, облака...
Счастье моё трехминутное.
А ожиданья — века...
Катится лето подсолнухом...
Где же спасительный дождь!
Вертится, словно пословица:
«Жди меня...» Только не ждёшь...
В травах резвятся кузнечики,
В рощах — таинственный свет...
Горе моё — человеческое.
Им — одиночества нет...

Им — житиё мотыльковое,
Мошки-жуки-светляки...
Мы же с тобою окованы
Тайнами вечной реки...
Счастье от случая к случаю
Ходит, судьбу вороша...
Не утолима, — не мучайся! —
Странная штука — душа!

* * *

Вот моя родная дача,
Бор с замшелюю корой...
Поздний выговор собачий,
Раздаётся под горой.
Гаснет вечер, долгий вечер.
Дни короче, ночи — мрак.
Сколько грусти человеческой
В размышлениях собак!
Угольки в печи потухли,
Встали ходики... Сверчок...
Где-то, кажется, на кухне,
Чешет спину паучок...
В муравейнике под ёлкой
Мирно дремлют мураши...
Чую — падают иголки.
Ну а больше — ни души...
Слышу — строчки, строчки, строчки
Побежали сетью жил
В брэнном теле-одиночке,
Где я столько лет прожил...

* * *

И душа умаялась и ноги.
Обдувает свежим ветерком...
Пыль тепла. Иду я по дороге,
Словно в раннем детстве, босиком.
А она бежит по косогорам
Средь полей, цветов и облаков...
По ночам — под тихим звёздным хором,
А зимой — под пение снегов.
Осенью — под журавлиный клёкот,
Под былины дедов и отцов...
И по ней ушли уже далёко
Лермонтов, Есенин и Рубцов.

Пыль тепла. Иду я по дороге.
Всё короче этот чудный путь...
Всё с одною мыслию о Боге,
Чтоб пришел за мною кто-нибудь...

В ДОНБАССЕ

Трактора запашут ямы,
И никто нас не найдёт.
Пионер под барабаны
С красным флагом не придёт.
Сердобольная старушка
«Святой Боже» не споёт,
И солдат из медной кружки
Фронтовые не допьёт...
И ни клином журавлиным,
Пролетающим окрест,
Ни ракетой, ни рябиной
Не отметить этих мест...
Ляжем в общую могилу,
Чтоб метели замели...
Лишь забытые мобилы
Всё звенят из-под земли...
Позвенят ещё немного:
Дней пять-шесть и замолчат.
И останется дорога.
Над дорогой — пыль и чад...

СЧАСТЬЕ

Мы жили бедно и счастливо,
А нынче бедно и несчастно.
В саду у деда зрела слива
И дед был счастлив... Небо — ясно.
А с ним — счастливая бабуля.
И я был мал, но очень счастлив...
А дело было то в июле,
На той шестой планеты части.
Война гремела во Вьетнаме...
Мы собирали им посылки,
Чтоб поделиться тем, что с нами
Гуляло в ситцевой косынке...

Оно взлетало на орбиту
С лицом Валюши Терешковой,
Звучало в песнях не забытых
И в строчках, что учили в школе...
И над садами, над домами
В вечерней радиопрограмме
Оно сплеталось над дымами
И отражалось в каждой раме...
Спокойно плыли позывные
Прекрасной песни ежечасно...
И крались времена иные,
Чтобы урвать бывшее счастье...
Мы жили бедно, но счастливо,
Мы жили честно — что там охать!
Давал Господь нам, чтоб хватило
На всю грядущую эпоху..

г. Санкт-Петербург

Александр ПЛАЩИНСКИЙ,
кандидат политических наук

ПАРАДИГМА НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

Парадигма нового мирового порядка является матрицей системы глобального управления. Создание этой системы осуществляется поэтапно и планомерно. Данный процесс представляет собой «перманентную войну» как инструмент силового переустройства мира. В XX столетии основными этапами установления нового мирового порядка послужили Первая мировая война, Вторая мировая война и холодная война — масштабные геополитические проекты «англо-американского истеблишмента».

Политика гегемонизма неизбежно вызывает истощение ресурсов лидера и ведет к завершению эпохи американского доминирования. Не случайно данные социологических исследований, проведенных в Соединенных Штатах Америки в 2016 г., свидетельствуют о нарастании изоляционистских настроений среди американской общественности. Большая часть населения США устала от мировой гегемонии. Такая политика наносит вред самим США. Данный факт отмечают 49 процентов опрошенных. Несмотря на недовольство общественности как внутри США, так и за их преде-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

лами, Белый дом продолжает курс на установление нового мирового порядка.

В настоящее время трансформация системы международных отношений осуществляется в рамках т.н. «гибридной войны». Данный феномен обусловлен в том числе последствиями установления «мира по-американски». Среди них — серия «цветных революций» и «смен режима» по всему миру, глобализация терроризма, активизация «спящих ячеек» религиозных экстремистов, поток беженцев из стран Ближнего Востока и Северной Африки, а также многие другие проблемы, представляющие непосредственные угрозы мировому развитию.

Концептуальной основой процесса установления нового мирового порядка, его движущей силой, является идея создания «всемирного государства» и мирового правительства. Доктринальной основой глобализма выступают следующие доктрины: мировой революции, мирового правительства, нового мирового порядка, глобального управления и др. И если в XX веке «ударной силой» доктрины мировой революции являлся пролетариат и идеология коммунизма, то в современных условиях наблюдается феномен «глобальной революции». В целях силового переустройства мира используются экстремистские группировки и идеология радикального ислама.

Так возникают предпосылки для новой мировой войны — *глобального межцивилизационного конфликта*. Очередной раскол мира на «своих» и «чужих», т.е. одна из главных причин международных конфликтов, происходит, с одной стороны, под прикрытием либеральной демократической идеологии США и, с другой стороны, под лозунгом глобального джихада и создания «всемирного исламского халифата». Нельзя исключать, что в результате этой войны и планируется создание «всемирного государства». Таким образом, процесс установления нового мирового порядка поляризует мир по линии ислам—христианство и представляет опасность для мирного развития человечества.

Парадигма нового мирового порядка имеет различные концептуальные формы и поэтому является многогранным феноменом. Основными подходами к анализу данного феномена являются политологический, социологический, а также исторический и др. Странники политологического подхода исходят из объективных процессов глобализации и региональной интеграции, которые придают международным событиям наднациональный характер и делают мир более управляемым. При этом некоторые политологи рассматри-

---

вают трансформацию международных организаций и институтов как способ формирования мирового правительства.

Сторонники социологического подхода полагают, что уславление «мирового порядка» будет осуществляться через конвергенцию социальных структур и институтов, а также эрозию общественно-политических различий между социальными группами, что также обусловлено процессами глобализации. Именно такое «стирание граней» в социуме может привести, в конечном итоге, к возникновению на Земле единой цивилизации. Однако представители данного подхода весьма скептически оценивают возможность создания единого управляющего центра для всего человечества.

Другие сторонники социологического подхода, например, представители Фонда Дага Хаммаршельда считают, что уже сегодня имеется реальная потребность и предпосылки для перехода от пассивного реагирования на международно-политические события и принятия конъюнктурных (сиюминутных) решений к последовательной и более устойчивой системе сохранения мира. Глобальные проблемы современности, по их мнению, требуют создания моделей руководства нового типа. Вот почему они отстаивают идею мирового правительства, рассматривая ООН в качестве его основы и образа.

Вместе с тем, выделение политологического и социологического подходов в качестве основных носит условный характер. Разница между ними относительна, так как представители обоих подходов не отрицают взаимообусловленность современных международных процессов и воздействие на них как социальных, так и политических факторов. Более того, важность обоих подходов к анализу такой сложной проблемы, как «новый мировой порядок», сегодня очевидна: политологи рассматривают, главным образом, межгосударственные политические отношения и на этой основе изучают социальные процессы, а социологи, в свою очередь, анализируют политические процессы и международные структуры на основании исследования социальных тенденций, в том числе в глобальном масштабе.

Важно также подчеркнуть, что социологический подход позволяет более детально рассматривать интересы не только государств и политических институтов, но и интересы других международных акторов, которыми в современных условиях глобализации выступают социальные группы и конкретные индивиды. Ведь именно с позиций социологии можно определить пути решения такой сложной проблемы, как соотношение между национально-государственным сувере-

---

нитетом, независимостью и, одновременно, всеобщей мировой ответственностью. Данный вопрос и связанные с ним противоречия в отношениях между государствами вряд ли можно разрешить исключительно в политическом поле.

Учитывая, что в настоящее время вся система мироустройства находится в весьма сложном и взрывоопасном периоде трансформации, необходим интегрированный подход к изучению парадигмы нового мирового порядка. Для того чтобы спроецировать будущее мироустройства, требуется синтез политологического, социологического, исторического и иных подходов к поставленной проблеме. Социологический подход, как показано выше, интегрирует политологический анализ (и наоборот), что дает возможность целостного представления феномена нового мирового порядка. Исторический подход, в свою очередь, позволяет рассмотреть «большую картину» истории, то есть выделить причинно-следственную взаимосвязь между событиями. Таким образом, можно обеспечить конвергентность научного знания и, исходя из этого, разработать концептуальное видение будущего человечества — сбалансированную модель глобального управления.

Истоки доктрины мировой революции зародились еще в конце XVIII века в Европе. Большинство известных «философов революции», в том числе Руссо, Ленин и, особенно, Троцкий, призывали к радикальной трансформации общества с целью создания «нового мира». Троцкий разработал теорию «перманентной революции». В тот период ее целью ставилась смена власти в европейских монархиях и создание «нового общества». Однако долгосрочной целью являлось достижение мировой гегемонии.

В книге «Перманентная революция» Троцкий писал, что «социалистическая революция начинается на национальной арене, развивается на интернациональной и завершается на мировой. Таким образом, социалистическая революция становится перманентной в новом, более широком смысле слова: она не получает своего завершения до окончательного торжества нового общества на всей нашей планете». Строительство такого общества в России осуществлялось посредством «красного террора». Троцкий и его сторонники рассматривали российское государство как «хворост» в пожаре мировой революции и плацдарм для дальнейшей экспансии международного большевизма.

Доктрина мировой революции является наднациональной. Англосаксонские элиты также использовали эту доктрину в своих интересах. В 1949 г. влиятельный британский полити-

---

ческий деятель Л. Куртис обозначил взаимосвязь мировых событий как «мировую революцию». Он предлагал разработать «международную конституцию» для создания «всемирного государства».

Приверженность правящих кругов США доктрине мировой революции отмечает новозеландский ученый К. Болтон. Он называет Нью-Йорк и Вашингтон «столицами мировой революции» и обращает внимание на ключевую роль «глобалистских элит» в спонсировании революционных движений по всему миру. При этом «Сталин был занят уничтожением международного большевизма, троцкистской угрозы и изменением хода многих аспектов социальных экспериментов большевиков в стране».

Реализация доктрины мировой революции является **одним из этапов** установления нового мирового порядка. Данный этап включает революцию 1789 г. во Франции и, как следствие, серию европейских революций 1848 г. — так называемую «весну народов». В этом же причинно-следственном ряду следует рассматривать русско-японскую войну 1904—1905 гг. и революцию 1905—1907 гг. в России. Апогеем стала Первая мировая война и октябрьская революция 1917 г., которая послужила катализатором распада Российской империи как суверенной монархии. В рамках данного этапа была учреждена Лига Наций как первый наднациональный институт управления.

Правящие круги Великобритании и США, так же, как и «троцкисты» в России, продвигали идею создания «нового мира». Однако, в отличие от марксистской идеологии, ими использовались демократические лозунги. Великобритания, например, приветствовала свержение монархии в России как начало «новой эпохи в истории мира». В марте 1917 г. премьер-министр Великобритании Ллойд-Джордж заявил в парламенте следующее: «Британское правительство уверено, что эти события («отречение» Николая II. — А.П.) начинают собой новую эпоху в истории мира, являясь первой победой принципов, из-за которых нами была начата война». После окончания Первой мировой войны британский премьер утверждал, что «мы закладываем фундамент нового мира».

Исторической целью англосаксонской геополитики является контроль над геополитическим пространством Евразии. «Осевым государством» континента, влияющим на направление и ход мировых событий, является Россия. Вот почему США и Великобритания заинтересованы в «необоронеспособной России» и ее подчинении своим (англосаксонским) интересам.

В XX веке США и Великобритания дважды способствовали столкновению России и Германии с целью их взаимного ослабления. Стремление Запада разделить Россию и установить контроль над ее ресурсами во многом объясняет организационно-финансовую поддержку революций начала XX века в России, вовлечение ее в Первую мировую войну, финансирование продвижения Гитлера к власти в Германии и, как следствие, Вторую мировую войну. Об этом свидетельствуют, например, такие известные ученые и общественные деятели как А.И. Владимиров, В.Ю. Катасонов, Н.А. Нарочницкая, Н.В. Стариков, В.Е. Шамбаров, О.Н. Четверикова и др. Среди американских ученых следует особо выделить труды профессора Э.Саттона, основанные на обширном фактическом материале. Примечательно, что в 100-летнюю годовщину начала Первой мировой войны в немецком Бундестаге состоялись дебаты, организованные партией «Левые», на тему «Англосаксы — главные разжигатели войны».

Характер и масштабность геополитической мысли «англо-американского истеблишмента» позволяют сделать вывод о том, что Первая мировая война и Вторая мировая война являлись *геополитическими проектами*. Системы послевоенного мироустройства также проектировались Вашингтоном в рамках деятельности исследовательской группы «Расследование» (1917—1919) и проекта «Исследования войны и мира» (1939—1945). Реализация второго проекта началась в декабре 1939 г., то есть до вступления США в войну.

Более того, Русско-японская война также проектировалась англосаксами. Доктор исторических наук В.Э. Багдасарян подчеркивает, что эта «проектность» осознавалась еще современниками. Задача-минимум состояла в сдерживании России на Дальнем Востоке. Одновременно реализовывалась задача-максимум: синхронизировать внешний и внутренний удар против российской государственности. Такими «ударами» по государственности, как показано выше, послужили революции в России и Первая мировая война.

6 июня 1932 г. председатель Валютного и Банковского Комитета Сената США Л.Макфадден откровенно заявил об участии банковско-финансовых кругов США в финансировании указанных событий. Американский сенатор заявил следующее: «Эти банкиры использовали деньги, чтобы финансировать Японию в войне против России. С помощью наших денег они создали царство террора в России, чтобы способствовать продолжению войны. Они спровоцировали сепаратный мир между Германией и Россией. Они финансировали переезд Троцкого из Нью-Йорка в Россию для того,

---

чтобы он помог в разрушении Российской империи. Они разжигали и провоцировали российскую революцию, и они представили большие суммы в американских долларах в распоряжение Троцкого...»

Несмотря на плодотворное экономическое сотрудничество между Россией и Германией накануне Первой мировой войны, идея похода на Восток (*Drang nach Osten*) активно пропагандировалась среди немецкой общественности и, в конечном итоге, стала преобладающей в милитаристских кругах Германии. Об этом свидетельствует Н.А. Нарочницкая в книге «Россия и русские в мировой истории». Агрессивная русофобская политика по созданию из России «образа врага» во многом предопределила начало войны. Аналогичный подход в отношении России преобладает в информационном пространстве Запада и сегодня.

В результате Первой мировой войны произошел распад европейских империй (Германской, Российской, Австро-Венгерской, а также Османской). Российская империя потеряла значительную часть своих территорий, исторического и геополитического наследия. В экономическом отношении Германия и Россия были существенно ослаблены. В геополитическом плане была предотвращена возможность сближения между германским и российским центрами силы. Так проявились последствия политики «разделяй и властвуй».

В послевоенный период США превратились из должника европейских держав в кредитора. В новых условиях внешнеполитическая стратегия Вашингтона была направлена на восстановление немецкого центра силы в Европе с тем, чтобы вновь направить Германию на Восток, но уже в рамках Второй мировой войны. Для этого Белый дом оказал поддержку Германии в рамках Плана Дауэса (1924) и Плана Юнга (1929) — прототипов Плана Маршалла (1947).

В период реализации плана Дауэса с 1924 по 1929 г. США и Великобритания инвестировали в экономику Германии 21 млрд. марок. Гитлера подготовили к войне с СССР. Именно посредством войны планировалось установить «новый порядок».

В.Ю. Катасонов приводит следующие факты: «В 1924—1929 гг. Германия получила по Плану Дауэса от США 2,5 млрд. долл., от Англии — 1,5 млрд. долл. По нынешнему курсу это эквивалентно астрономической сумме примерно в 1 триллион долларов... В результате поверженная в войне Германия уже в 1929 г. вышла на второе место в мире по объему промышленного производства, обойдя Англию... К моменту прихода Гитлера к власти под полным контролем американского

финансового капитала оказались все стратегически важные отрасли германской промышленности». Кроме того, в мае 1933 г. между Германией и США было подписано соглашение о предоставлении американских кредитов на сумму в 1 млрд. долл. Аналогичное соглашение с Англией о займах на сумму в 2 млрд. долл. было подписано в июне этого же года.

Американская экономическая дипломатия в 1920-е гг. способствовала полному восстановлению экономического и военного потенциала Германии, а также милитаризации немецкой экономики. Кредиты предоставлялись со стороны американских инвестиционных банков, в том числе управляемых «Морган Гаранти Траст Кампани», — одного из крупнейших акционерных банков США, учрежденного в 1861 г. в Нью-Йорке под названием «Дж.П. Морган и К.» (финансовый центр группы Морганов). Сделки по финансированию немецкой экономики осуществлялись при участии Государственного департамента США. В 1922 г. после встречи в Берлине американского банкира П. Варбурга с Гитлером национал-социалистическая рабочая партия Германии получила финансовую поддержку в размере 10 млн. долларов.

В 1926 г. Л. Макфадден заявил в конгрессе США: *«Гитлер идет к власти за счет американских налогоплательщиков. Мы помогаем Адольфу Гитлеру получить долларовый кредит, все до цента которого были потрачены на приход Гитлера к власти... В Германию было накачено... более десяти миллиардов американских денег».* Таким образом, именно мощная финансовая поддержка со стороны США и Великобритании предопределила приход Гитлера к власти.

Исследователи Дж. Лофтус и М. Ааронс отмечают следующее: *«Нацисты могли бы остаться небольшой политической партией, а Германия — слабым, безоружным государством, нуждающимся в средствах, если бы не мощные инвестиции иностранного капитала... По-настоящему главным событием этого периода был альянс между американскими нефтяными компаниями и Саудовской Аравией. Именно это событие стало основополагающим условием для будущей войны и катастрофы, устроенной нацистами. В исторических трудах даже не упоминается о тайном сотрудничестве Ибн Сауда, Джека Филби и Аллена Даллеса. А ведь именно они были секретным источником нефти, капиталов и международного влияния, действовавшими закулисно и выведшими Гитлера на мировую сцену».* Кроме того, американская банковская и инвестиционная фирма «Дж. Г. Уокер и К.» послужила «одним из наиболее влиятельных финансовых доноров Гитлера в Соединенных Штатах».

Восхождение Гитлера к власти финансировалось совместно рядом крупных немецких, британских и американских банков и промышленных корпораций. Данный факт подтверждается документальными источниками. Еще в 1941 г. немецкий промышленный магнат Ф. Тиссен в книге «Я заплатил Гитлеру» писал о своей значительной финансовой поддержке нацистской партии. В сотрудничестве с Тиссеном работали А. Даллес (в то время сотрудник адвокатской фирмы «Салливан и Кромвель», будущий глава ЦРУ) и А. Гарриман (владелец инвестиционной фирмы «У.А. Гарриман и К», видный представитель американского политического истеблишмента).

Кредиты из США и других западных держав способствовали тому, что уже с 20-х годов XX века предприятия тяжелой и военной промышленности Германии перешли к выпуску танков, орудий и другого вооружения. Была создана новейшая авиационная промышленность. Более того, американские промышленные концерны продолжали поставку нефти и горюче-смазочных материалов для нацистской военной промышленности вплоть до открытия второго фронта в 1943 г. Еще с момента окончания Первой мировой войны значимое место в экономике Германии, которая не имела собственных нефтяных месторождений, занимал нефтяной трест Дж. Рокфеллера «Стандард ойл», поставлявший до 75 процентов потребляемого топлива. Таким образом, США активно содействовали восстановлению военно-промышленного потенциала Германии и направлению фашистской агрессии против СССР. Апогеем такой политики стал т.н. «мюнхенский сговор» в 1938 г.

В период холодной войны идеи троцкизма, выраженные в доктрине мировой революции, нашли свое продолжение в рамках неоконсервативного течения в США. Отец-основатель неоконсерватизма Л. Штресс использовал идеологическое наследие «троцкизма» в качестве концептуального обоснования американской внешней политики. После распада СССР и закрепления неоконсерваторов у власти в Белом доме доктрина мировой революции проявила себя вновь. Идея троцкистов о «мировой революции» трансформировалась в доктрину глобальной революции.

Термин «глобальная революция» был впервые использован в 1993 г. в докладе Римского клуба «Первая глобальная революция». Основное внимание в документе уделялось масштабным изменениям в мире, произошедшим в конце XX столетия. Истоки «глобальной революции» были определены как комбинация многих факторов, совокупность геостратегичес-

---

ких потрясений, вызванных социальными, технологическими, культурными и этническими изменениями. Широта этих изменений, их повсеместный характер, а также единство причин, обусловивших всемирную трансформацию, представляют собой «первую глобальную революцию».

Кроме того, в докладе прослеживаются предпосылки формирования доктрины глобального управления. По мнению авторов документа, одним из главных вызовов для человечества в этот переходный период является то, «как научиться управлять новым миром». С этой целью предлагалось «представить себе мир, в котором мы хотели бы жить, оценить доступные материальные, человеческие и моральные ресурсы для того, чтобы сделать наше представление реалистичным и устойчивым, а затем мобилизовать энергию людей и политическую волю для создания *нового глобального сообщества*» (курсив мой. — А.П.).

В целях концептуальной разработки модели глобального управления Римский клуб опубликовал более 30 докладов. Миссией данной организации была определена «деятельность в качестве глобального катализатора перемен». Объединив видных политических деятелей, представителей науки и бизнеса со всего мира, Римский клуб (наряду с многочисленными другими «фабриками мысли») оказывает воздействие на формирование мирового общественного мнения в русле глобализма и продвижения либеральных ценностей. Так, например, доклад «Пределы роста», опубликованный в 1972 г. тиражом 12 млн. экземпляров и переведенный на 30 иностранных языков, послужил концептуальным обоснованием доктрины «золотого миллиарда».

Под предлогом решения глобальных проблем, таких как перенаселение планеты, изменение климата, истощение природных ресурсов и др., транснациональные элиты продвигают идею создания мирового правительства. В 1973 г. в докладе Римского клуба «Региональные и адаптивные модели глобальной мировой системы» предлагалась концепция раздела мира на 10 взаимосвязанных политических и экономических регионов, реструктурированных по принципу «горизонтальной системы». Затем данные регионы планировалось объединить под эгидой единого центра власти, т.е. мирового правительства.

В современных условиях доктрина мировой (глобальной) революции проявляется в феномене глобализма. В рамках глобализации возникают новые социально-политические движения, схожие по характеру деятельности с всемирным движением федералистов («движение за мировое правитель-

---

ство»). Так, например, возникло глобальное социальное движение, направленное на «прогрессивное социальное изменение». Это движение нацелено на создание «всемирного государства» якобы для решения глобальных проблем в следующих областях: «мир, права человека, окружающая среда, бедность и развитие».

Как уже отмечалось, основной предпосылкой для очередного этапа переустройства мира является возникновение радикальных организаций и движений (Игил и др.), используемых для силовой трансформации мира. Отдельные ученые пишут об «исламской революции XXI века». Она предстает не как разрозненные эпизоды, а как «попытка переустроить мир в глобальном масштабе».

В декабре 2008 г., накануне вступления в должность президента США Б.Обамы, один из идеологов нового мирового порядка З.Бжезинский писал в газете «Нью-Йорк таймс»: «Впервые в истории почти все человечество является политически активным, политически сознательным и политически взаимосвязанным... Это пробуждение носит массовый социальный и политически радикализованный характер». С тех пор Бжезинский настойчиво проводит тезис о «глобальном политическом пробуждении».

23 апреля 2010 г., являясь сопредседателем Консультативного совета Центра стратегических и международных исследований (г.Вашингтон), он выступил в отделении Совета по международным отношениям в Монреале с речью «Геополитические дилеммы Америки». В выступлении Бжезинский подчеркнул «абсолютно новую реальность», которая «проходит сквозь суверенные границы и бросает вызов как существующим государствам, так и глобальной иерархии».

Бжезинский подчеркивает, что *«молодежь «третьего мира» в массе своей неспокойна и обижена. Демографическая революция, воплощением которой они являются, поэтому представляет собой политическую бомбу замедленного действия... Эти миллионы студентов являются революционерами в «режиме ожидания», уже наполовину мобилизованными в большие союзы, связанные через Интернет и предопределенные воспроизвести в более широком масштабе то, что годами ранее произошло в Мехико Сити или на площади Тяньаньмэнь. Их физическая энергия и эмоциональная фрустрация всего лишь ожидают момента для того, чтобы быть приведенными в действие случаем, верой, или ненавистью...»*

Вместе с тем названный идеолог нового мирового порядка умалчивает то, что радикализация ислама и молодежи «третьего мира» произошла во многом вследствие вооруженных

интервенций США. Их целью является силовое переформатирование не только Большого Ближнего Востока, но и Евразии в целом («чтобы владеть миром, нужно владеть Россией»). Именно вследствие такой политики и происходит распространение экстремистской идеологии.

Идея глобального джихада является одной из главных угроз международной безопасности. В условиях глубокого духовно-нравственного кризиса западной цивилизации происходит активизация «спящих ячеек» экстремистов, расширение их деструктивной деятельности и создание единого театра военных действий в мировом масштабе. Отсутствие сдерживающей силы в лице евразийской коалиции государств и скоординированной международной антитеррористической политики способствует постепенному слиянию региональных «горячих точек» в глобальное пространство хаоса.

Американское руководство преподносит возникновение хаоса, например, в Ливии, как «ошибку» внешнеполитического планирования. Так, «самой большой ошибкой» своего президентства Б.Обама назвал «провал в подготовке плана на следующий день после вторжения в Ливию». Саму интервенцию он назвал «правильным шагом». Тезис об «ошибках» политики США на Ближнем Востоке сегодня озвучивают и другие представители американского политического истеблишмента. При этом они молчат о заведомо необоснованном предлоге интервенции в Ирак в 2003 г., которая и послужила началом силовой трансформации Большого Ближнего Востока.

В деятельности радикальных движений и экстремистских организаций прослеживается четко скоординированная и целенаправленная политика по хаотизации Евразии и всего мира. Именно после событий «арабской весны» и попыток США переформатировать Большой Ближний Восток возникла **опасность глобального межцивилизационного конфликта**. Так проявляется реализация доктрины «глобальной революции».

Как троцкисты с «перманентной революцией», современные стратеги Вашингтона приняли концепцию «перманентной хаотизации». Цели победить в этой новой войне (подчас называемой «гибридной») нет. Целью является сам процесс ее ведения. В целом, такая оценка международной ситуации представляется вполне обоснованной. Вместе с тем цель проекта «новый мировой порядок» обозначилась уже достаточно четко: под предлогом «сдерживания» хаоса и решения глобальных проблем архитекторы нового мирового порядка предприняли очередную попытку *институционализации мирового правительства*.

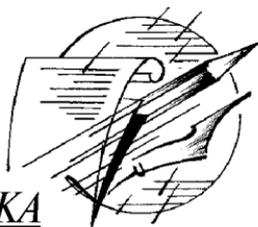
Не случайно в ходе дискуссии, последовавшей после упомянутого выступления Бжезинского, он заявил о необходимости замены ООН на новую систему глобального управления. Такая система, по его мнению, должна быть основана на единой всемирной организации, то есть де-факто — мировом правительстве. Бжезинский подчеркнул, что такая организация должна быть создана. В 2014 г. в поддержку создания наднациональной глобальной платформы взамен ООН выступил М. Горбачев, ссылаясь на просьбу транснациональных элит.

Процесс установления нового мирового порядка предполагает десуверенизацию государств с целью учреждения мирового правительства. Современные технологии воздействия на массовое сознание нацелены, главным образом, на продвижение либеральных ценностей и модели глобального «антикризисного» управления. Мировое общественное мнение планомерно настраивается на «демократический» выбор в пользу мирового правительства. Единственной альтернативой в этой связи является реализация многополюсной межцивилизационной модели мироустройства, основанной на традиционных ценностях и синергетических принципах. Для того чтобы остановить глобальный хаос и обеспечить мирное развитие человечества, требуется мощная **созидательная мировоззренческая идея**, способная консолидировать мировое сообщество. Только на основе такой идеи возможно концептуальное видение будущего мира.

РУСОФОБИЯ — НЕОТДЕЛИМАЯ ЧАСТЬ ЗАПАДНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Русофобию можно рассматривать двояко. Можно просто как проявление нелюбви к русским и России и исходящего из этого страха. Такие негативные чувства отчасти естественны для любых соседских народов, или же народов, когда-либо друг с другом воевавших. А можно на неё посмотреть иначе и увидеть целую идеологию, во многом схожую с антисемитизмом, только в отношении русских. И тогда её можно исследовать более конкретно: как и когда она сложилась, как распространялась, какие имеет формы и какое отношение к нам задаёт. Вот исследований этого явления как раз очень не хватает — у нас, к сожалению, лишь недавно (самое раннее — в 1990-е, а на деле ещё позже) стали обращать на него внимание, а до систематического изучения дело ещё не дошло. Вокруг изучения антисемитизма — целая наука и большая политическая практика противодействия этому явлению, а до русофобии как бы никому нет дела.

Могу сказать о некоторых моих выводах, которые я уже не раз описывал в своих научных статьях на эту тему. В-первых, русофобия — это именно запад-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ная идеология. В других цивилизациях негативное отношение к России носит либо неидеологический характер, либо является продуктом прямого информационного влияния Запада. Во-вторых, в своих основных чертах эта идеология сформировалась в XVI—XVII вв., но в основном именно в годы Ливонской войны, когда Российское государство впервые столкнулось с целой коалицией западных держав. В-третьих, важнейшую роль в её создании сыграла страна, о которой у нас вообще мало кто задумывается, — Польша. Просто поляки исторически — самый близкий и крупный наш сосед из всех западных по культуре народов, на протяжении многих столетий ведший с нами многочисленные войны. Основная информация о нашей стране, которой располагал прежде Запад, передавалась именно поляками — они до сих пор считаются главными экспертами по России. И они же распространяли там свой взгляд на Россию и русских, особенно в XIX и XX веках, благодаря нескольким большим волнам польской эмиграции, начиная с событий разделов Речи Посполитой, потом наполеоновских войн и двух больших польских восстаний, потом в результате Первой и Второй мировых войн и формирования ПНР.

Но надо сказать, все эти идеи падали на благодатную почву. В каком-то смысле мы были обречены на западную русофобию просто по объективно-историческим причинам. Всё западное самосознание, каким оно стало складываться ещё в Древнем Риме, было построено на противопоставлении себя «Востоку», как тогда называлась восточная часть империи, эллинистический мир восточного Средиземноморья. Для нас Восток — это только Азия, то есть преимущественно мусульманские и ещё более восточные народы. А для римлян Восток — это в первую очередь Греция. В Средние века отчуждение от греков только выросло благодаря расхождению восточного и западного христианства. Византия — Восточная Римская империя — виделась в негативных тонах. Ну а мы — принявшая православие Русь — были частью этого греческого мира, а потом и его основными наследниками. И весь западный негатив в отношении греков мы тоже унаследовали. Мы были и остаёмся важнейшим «Иным» для западной культуры, в отношении которого западные народы и осознают себя как Запад. И абсолютно положительное западное самовосприятие имеет обратной стороной абсолютно негативное восприятие России. К мусульманам все эти отрицательные характеристики (по тому же принципу бинарных оппозиций) тоже применялись, но с ними Запад столкнулся позже, когда у него уже был образ принципиального «Иного»

в лице греческого мира. Помню, в середине 90-х одного французского политика спросили, есть ли перспектива у России вступить в ЕС, на что он с удивлением ответил примерно следующее: «Если Россия станет частью Европы, то тогда что такое Европа?» Вот это очень точный ответ, хорошо иллюстрирующий эту идентичность, которую у нас как-то недопонимают: Запад (и Европа) потому Запад, что имеет границу с Россией.

Таким же образом русофобия проявляется по принципу бинарных оппозиций: всё, что в западных культурах может быть помыслено как хорошее, доброе, прилагается к России в своём негативе. Русские видятся как народ во всём противоположный и потому по природе своей плохой и опасный. В конечном счёте, это сводится к оппозиции добра и зла. «Империя Зла» — очень точное определение западного восприятия нашей страны, квинтэссенция русофобии. У нас в своё время думали, что такое отношение связано с коммунизмом, но, вроде, мы уже поняли, что нет, коммунизм тут не играл существенной роли. И при этом надо понимать, что в любой культуре добро утверждается именно в активном противостоянии злу — так и на Западе самоутверждение в качестве носителя добрых начал происходит через противостояние России или чему-либо, что маркируется как русское или же связанное с русским влиянием. Так, страны Центральной и Восточной Европы, присоединившиеся к западным структурам или только стремящиеся к этому, пытаются доказать свою европейскость через особенно активную показную русофобию. А США как лидер западного мира, несущий ответственность за общую идентичность, стремится быть и лидером во враждебности к нам. Это естественно для западной цивилизации, она такой будет всегда.

Если говорить об образе России, который задаёт русофобия, то это образ противоположного мира. И в первую очередь это образ страны, в которой правит тиран (то есть абсолютный властитель, употребляющий свою власть во зло), а её население представляет собой рабские массы людей, которые больше всего боятся свободы и потому вожделеют своего рабства и жестокого правителя. Примерно так на Западе описывали Ивана Грозного во время Ливонской войны, и ровно так же описывали Россию в любые другие эпохи, да и по сей день. Конечно, такое общество очень агрессивно, ведь зло на то и зло, что борется с добром, не терпит его. А поэтому на такую страну нельзя смотреть спокойно — надо готовиться к защите от неё и искать пути её уничтожения.

Западный образ России вообще никак не связан с реальной Россией и русскими, не имеет никакого отношения к

опыту контактов или изучения нашей культуры. Это простой негатив западного самовосприятия. Можно сказать, что у Запада есть *своя* Россия, на нашу страну даже непохожая. И самое страшное, что мы можем сделать для Запада, — это проявлять своё всамделишное лицо, как-то заставляя увидеть реальную Россию. Это сбивает всю систему идентичности и превращает западного человека в своего рода диссидента, который начинает разрушать внутреннее информационное пространство и подрывать основы западной культуры. Залог сохранения западных обществ — это железный занавес (якобы снесённый), то есть жёсткое ограждение от адекватной информации о России. Они на самом деле не армии нашей боятся, а того, что мы сможем кого-то убедить в том, что мы их странам на самом деле не угрожаем. Заложённая в западном человеке мысль о противоположности Востока и Запада легко оборачивается выводом: «Если Россия не агрессивна, значит, это мы агрессивны?» Такой человек становится критиком западной системы, его сознание как бы выходит из-под контроля. Это очень опасно, и защита от реальной информации о России — это задача самосохранения Запада. Россия в западной культуре должна быть только воображаемой.

Ну вот пример, в наше время наиболее актуальный: почему Запад не хочет признать, что наша страна внесла самый большой вклад в победу во Второй мировой войне. У нас просто не понимают, что для того, чтобы западный человек признал это, ему надо, условно говоря, сломать мозги, так как этот вывод противоречит всей его картине мира. Любая война воспринимается как битва добра со злом, победа в войне — это, конечно, победа добра. Для людей Запада эта история выглядит примерно так: во Второй мировой столкнулось добро в лице США и их западных союзников, отвечающих в этой истории за западную идентичность, и зло в лице гитлеровской Германии. Да, она — тоже часть Запада, но пошедшая неверным путём (а кто безгрешен?), причём по вине конкретного злого гения (Гитлера). В этом участвовала ещё одна сила — СССР, то есть противоположная Западу Россия. Ясное дело, она — зло. Была создана целая теория «тоталитарных режимов», которая объясняла, что СССР и третий рейх — примерно одно и то же, только ведь Германия плоха по заблуждению, а Россия — по определению. То, что «вечное зло» в лице СССР победило временно-случайное зло в лице Германии, никто там не отрицает. Но является ли это частью победы добра над злом? Нет. Мало ли, что пауки друг друга сожрали? Можно ли из-за этого считать СССР частью победившего добра? Нет,

---

конечно. Как же зло может делать добро? Это же нелогично, абсурдно. А, соответственно, победили США, но не окончательно, не вполне — одну Империю Зла повергли, а другую не смогли, потому и начали против неё холодную войну. То, что Россия (СССР) больше всех вложила жертв и сил в победу над Германией, для западного человека не делает её стороной добра, а, соответственно, не делает её и частью стороны победителей. И сколько бы мы ни приводили аргументов западным «партнёрам», чтобы они признали наш решающий вклад в победу над нацизмом, они не смогут этого сделать.

Или, например, почему т.н. пакт Молотова—Риббентропа рассматривается как преступный сговор, положивший начало войне, а другие подобные договоры, которые заключали с Германией страны Запада, таковыми не считаются? По той же причине: когда добро совершает уступку злу и идёт на какое-то соглашение, — это уловка, направленная на последующую победу над этим злом. А когда два зла договариваются друг с другом — это сговор против добра, и он не может рассматриваться в ряду договоров других стран. То же самое — касательно уважения наших павших героев. Для западного человека кажется странным сама идея сопоставлять героизм своих солдат и советских людей, которые видятся просто слепыми рабскими массами, беспрекословно шедшими на убой по воле тирана. Плюс к тому, будучи носителями злой воли, они, несомненно, совершали много попутного зла — и отсюда поиски «миллионов изнасилованных немок» и т.п. Здесь нет равенства в восприятии и в отношении.

Как они объясняют такое «своеобразие» России? Да, конечно, на Западе изредка задаются вопросом: почему же Россия такая вот во всём обратная «цивилизованному человечеству»? Тут выдвигаются версии исторического плана, обыкновенно сводящиеся к тому, что мы совместили наследие Византии и Орды. Также нередко, особенно до Второй мировой, выдвигались версии расово-генетические, по которым всё объяснялось нашим особым грязнокровием: якобы мы наследники «славяно-финно-монгольских бастардов», и потому как бы чужды миру «нормальных» чистых народов. В наше время чаще совмещают эти две стратегии объяснения — мол, сама наша история была столь ужасна, что испортила нашу генетику. Кстати, об испорченной генетике чаще всего можно услышать от нашей доморощенной либеральной общественности. Наверное, это связано с тем, что генетика — единственное, чем её представители могут себя отделить от остальных русских, хотя это тоже обыкновенно весьма надуманно.

Но существует и т.н. русская русофобия, которая порой даже сильнее, чем западная. Это и понятно, ведь для живущего в России (или вышедшего из России) человека это своего рода большое место. Но по смыслу она от западной ничем не отличается. Думаю, она возникла как результат вестернизации нашей элиты. Мы никогда не были колониальным народом (наоборот, сами были Империей), но на культурном уровне нам свойственно многое из того, что составляет традиционные проблемы культурной жизни бывших колоний. С петровского времени, когда дело образования детей элиты решали через учебу на Западе (или же через приглашение западных учителей к себе), возникла своеобразная субкультура элиты, во многом чуждая местной русской среде и нередко ей сознательно противопоставленная. А ведь традиция обучения на Западе жива до сих пор. Вместе с западной культурой перенимается и западный взгляд на Россию. Только ещё добавляется болезненный укор в адрес родной страны за то, что она не Запад, что легко перерастает в гневные обвинения. И тут уже трудно уйти от логики: мы не Запад, потому что у нас народ рабский, правители тиранские и т.п. А если человек ещё и находит какие-то причины, чтобы самого себя не считать русским, тем самым как бы отстраняясь от всего местного, то такая логика становится основой для жгучего презрения и ненависти. Кстати, самый старый случай употребления слова «русофобия» — в письме Фёдора Тютчева к своей дочери (1867 г.), в котором речь шла как раз о «русофобии некоторых русских людей».

И ещё один яркий пример нашей же русофобии — это украинство, являющееся по сути той же самой идеологической русофобией, но облачённой в форму местного национализма и рассчитанной на исторически и культурно русских людей. Тебя погружают в информационную атмосферу русофобии и предлагают отречься от русскости, а вместо неё принять идентичность, объединяющую тебя с Западом и позволяющую почувствовать себя частью стороны добра. Но не бесплатно — ты должен стать лучшим борцом со злом (то есть со всем русским), ты должен делом доказать, что ты не русский. И мы видим, к чему это ведёт Украину.

Бороться с русофобией, конечно, можно и нужно. Однако вряд ли мы сможем быть успешны в противостоянии русофобии на Западе, если она процветает в нашем же собственном доме. Но сначала нам нужно начать её изучение и выработать критерии её определения и системы контраргументации. Думаю, мы пока что в самом начале работы над этим предметом.

В ВАСИЛЬКОВЫХ ДАЛЯХ

РАССКАЗ

Ветер гулял повсюду, взмётывая ещё не просохшее от распутицы прошлогоднее сено, пригибая к земле молодую траву, звеня плохо закреплённым в раме санным оконцем. Иногда от очередного порыва внезапно отворялась входная дверь, бряцала ключевинной, потом со скрипучим воем возвращалась на место и, не в силах захлопнуться наглухо, долго била о косяк.

Дом Митревна не заперла. Вышла за калитку встречать почтальоншу и стояла возле отсыревшей «семечной» скамейки уже полчаса, глядя на дорогу и улыбаясь лишь блеклой синью глаз — скорой Пасхе, благодатному солнцу, гревшему сквозь ветер, родному селу Казачке и пенсии, которую вот-вот принесут. Больше улыбаться было нечему. Танька, сноха, с ней не зналась уже давно, а в какой-то год и вовсе уехала из села, оставив своего подросшего сына по имени Азер жить в квартире в одной из совхозных двухэтажек. Азер Митревне был внук неродной и мало того, что в бабке не нуждался, так ещё и, в чём она была уверена, умудрялся ей пакостить. Во

ПРОЗА

всяком случае украденных как-то ночью индоуток она списала на его бедовую южную наследственность. И зачем семнадцать лет назад Ваське стукнуло в голову надеть на себя этот хомут: понимал же, что невеста — баба гуляющая да ещё и с ребенком от нерусского отца...

Ага, вот она, пенсия! Идёт, идёт Алёнка: на крепких ногах круглится военная юбка, сапожки-хром бойко тянут по комку казачинского клейкого чернозёма пополам с соломой. Куда там армейской полной выкладке — тут сумка одна с газетами, письмами да медной мелочью — на пуд, да ещё сапоги с нагрузкой. Она недавно работает, ещё года нет, свекровка её, Маргарита Кирилловна, пристроила невестку к себе на почту, уговорила, видать, начальника отделения взять в почтальонши. Для Алёнки самое место — вон как шагает, она ведь прапорщицей служила где-то в Казахстане, охраняла женскую колонию, боевая девка, сильная...

— Вера Дмитриевна! — слышен издалека командирский, с сиплой нагледой молодой бабий голос. — Заждались поди?

Митревна улыбнулась по-детски, как кормилице:

— Ты уж извини, дочка, что сама получать не хожу, гоняют тебя в такую даль.

— Да уж не близко, баба Вера. Расписывайтесь. Сейчас отсчитаю. За двоих?

— За двой-их... Я запереть забыла, как бы Васька из дома не выбрался, а то опять полезет свои инвалидные отнимать. Нельзя ему деньги на руки — пропьёт ведь махом! Снова Кирилловна железом выдала? Таскай их потом, рви кошелёк!

— Кошелёк — что... Мне целую сумку каждый день тащить на себе приходится. И не железом, а серебром, — хохотнула Алёна, — Нате! Чуток бумажками, чуток мелочью. Сунула старухе в руки ведомость и протёкшую авторучку, а сама принялась выкладывать на скамью завернутые в отдельные белые листочки тяжёлые столбики. Один из столбиков развалился, и в чёрную грязь чешуёй потекли свежей чеканки блестящие двухрублёвые. Почтальонка выругалась, как, наверно, раньше ругалась на зэчек на тюремном плацу под Карагандой — крепко, как мужик; проволокла через мощную грудь сумочный ремень и, сняв через голову, шваркнула свою ношу на скамейку. Потом с тем же матерком нагнулась подбирать монеты. Митриевна не мешала.

Тут ветер донёс чей-то сдавленный смех. Через дорогу, у самой обочины, затаясь в вётрах, то ли высматривали сумку с деньгами, то ли метились заглянуть Алёнке под подол, пока она, наклонялась и шарила в траве, два пацанёнка — сыновья главврачи.

— Ах вы паразиты! Пасюки! — тоненько и почти неслышно зашумела на них Митревна и, будто прогоняя кур, махнула бурой, цвета сухих древесных корней худенькой ладонью — А ну кши!..

— Да пускай глядят! Кому видно, тому и стыдно.

Почтальонша выпрямилась и, вставив руки в бока, нарочно выпятила грудь вперёд, чтоб, кому повадно, любовались ею во весь её рост. Пока она собирала с земли мелочь, кровь прилила к лицу, и Митревна гадала, от чего Алёнка краснеет: потому что наклонялась или всё-таки от смущения. А может, от бабьего довольства — что кто-то, не важно кто, лишний раз оценил её молодую женскую статью? А стыд... Был ли он когда, стыд-то этот? Вот и сейчас перед малявками красоваться готова! Забористая она девка, весёлая, песни петь любит и на мужиков, говорят, слабовата. Даже тётка на неё вроде жалуется...

— Как там тебе у Кирилловны живётся, не обижает она? — повеселев, от того что пенсию на неё и на сына всё-таки принесли и выдали, с задоринкой спросила старуха.

— А должна? — заподозрив худой намёк, огрызнулась в ответ Алёна.

— Тут судачат, что вы с ней не поделили чего... али кого?

И баба Вера схоронила свои глаза в улыбочивых морщинах.

Почтальонша вдруг фыркнула и взвилась:

— Некогда мне, пошла я. Таких, как вы, досужих, ещё пол-улицы обойти! За своим уголовником лучше приглядели бы, а то в окно сейчас выпадет, вон бельма как выкатил, будто бабы ни разу не видел...

«Понятно. Поделом. Не лезь, старуха, не в своё дело... Васька-то кобель, — ишь, девку унюхал. Выходила — спал ведь, храпел. И как только сам на табуретку залез, чтоб в окно глазеть, а то чуть что — подсади его да подсади...»

Митревна вдруг осерчала на эту горячую и вспылчивую молодуху Алёну, на себя, на непутёвого сына-калеку, на покойного своего супруга, которого смолodu не любила, осерчала вообще на всю свою жизнь. Прослезилась и, оттянув пенсиями карман фартука, поплелась в дом — снимать с табуретки увечное чадо.

Ветер как будто уже и утих. Дверь лишь легонько водило из стороны в сторону от редких дуновений. Митревна, отчистив и скинув калоши, зашла в сени и заперлась на крюк. На подоконнике лежали уснувшие ещё с осени пчелы, и хозяйка задумалась о том, что лежать, как лежит высохшее, скрученное тельце насекомого, — это и есть покой. Внеш-

---

не — всё как при жизни: панцирь с жёлтыми и черными полосками, крылышки, даже жало торчит, а внутри — пустота, и никакой суеты, плоти и крови там уже нет. Ткнёшь пальцем, хрустнет форма — и останется один прах. Как от казачинской церкви — с тех самых пор, когда обрушились купол и кровля, ощерились рёбрами стены, а изнутри растащил всё до последней щепки ухватистый люд.

Опять, что ли, ветер подул — снова звенит стёклышко? Нет. С той стороны окна жужжит, играет на весеннем солнце, силится пробиться внутрь и, видно, продолжить жизнь отроившийся пчелиный молодняк...

Скоро Пасха. Надо и правда Васеньке бабёнку какую подыскать...

Только подумала — как сынок вмиг нарушил благостный настрой.

— К Струнихе сходи за поллитровкой! — сквозь злой кашель донеслось из избы, когда она открыла сенную дверь. — С пенсии-то...

И сразу всё в ней опало, переменялось; сердце зачастило, облилось горькой желчью нутро.

— Мухота, — пробормотала Митревна, будто и не слыжала, что сказал сын, — Откуда успела налететь...

Запомнявав, где видела последний раз мухобойку, сняла с крючка волглое полотенце и стала ходить с ним по комнате. Ждала.

— Слышь, чё говорю-то, — донимал Василий с табуретки.

Она делала вид, что не обращает внимания. С треском шмякала вафельной тканью по столу, по заправленной койке, по занавескам — везде, где садилась воображаемая муха.

— Ты мать или нет?

«Вот оно! Сейчас!» И от души стеганула родную кровинушку по ушам. Сын осёкся, вздрогнул, побледнел. Потрогал мочку уха пальцами и, часто-часто моргая, опустил ресницы:

— Ма-а...

«Так и есть — без порток сидит.. Кобель колчелядый!»

— Позорить меня перед людьми не смей. Терпежу нет? Ты б ещё красоту свою в окно высунул, паразит! Баба понадобилась?! А ты не заслужил ни бабы, ни вина! Ты вообще не заслужил в живых остаться после всего!

И белоснежное вафельное полотенце вновь взметнуло мелкую солнечную пыль с поседевшей Васькиной шевелюры.

По ту сторону дороги в светло-зеленом ветёльном мареве утопали корпуса казачинской сельской больницы. Пять лет назад сына Митревны Ваську туда привезли из тюрьмы. Выпустили по условно-досрочному освобождению, увечно-

---

го и парализованного, — помирать. Видно, думали, не жилец уже. И жена его тогда тоже так решила, а уж тем более не горевал по отчиму чернявый, непохожий ни на кого в роду Азер. Чужая кровь! Сколько Васька-Василёк, будучи в молодых силах, этого темноглазого волчонка пытался приручить — и лаской, и заботой! Сколько он пасынку о Казачке историй поведал, водил его с собой всюду, показывал, как цветёт, как медовым разнотравьем разливается широкая степь, и к сельскому труду приохотить мечтал. Не вышло: в степи Азеру скучно — горы, что ли, ему подавай, а полоть, косить, выгребать за скотиной — всё из-под палки, всё в принудилровку. Характером Василий был вспльчивый, но с пасынком себя сдерживал. Знал, что злобой только напортит, и всё пытался найти к пацану другие подходы. Танька в загул уйдёт, а он мальчонку с собой на рыбалку, чтоб на мать не серчал шибко, или строительство курятника затеет, или бани, а Азера, шутя, «архитектором главным» к себе приставит. Нет! Впустую! Дикий был, дикий и остался Митревнин внук — сам по себе, только на конюшне ему нравилось — часами выстаивал у загона, у конюхов просился дать ему верхом на вороном жеребце прокатиться. И тут Василёк — лишь бы мальцу угодить — дошёл до конокрадства, увёл как-то в ночь жеребёночка из соседнего совхоза. Да не успел пасынка порадовать — нагнала милиция ещё по дороге. И всё, тюрьма...

Митревна вспомнила, как Вася, укрытый простынёй, лежал в палате на койке, дёргался и бешено мычал, когда она одна суежилась вокруг него с судном. Всегда был вертлявый, с детства, и даже в больнице, в параличе, обездвиженный тридцатипятилетний мужик, в конце концов умудрился перевернуться и голышом грохнуться на пол. Тогда-то она и увидела, что с ним сделали на зоне. Хозяйство его мужское свисало как бесформенная вчетверо рассечённая кулья. Митревна сначала даже не поняла, что именно это было, крепилась, не хотела лишний раз огорчать сына слезами, бессильной материнской молитвой, но как глянула повнимательней — заплакала навзрыд. Ей рассказала всё санитарка — подслушала, как те, кто его привёз, шептались с врачом.

Сел Васька за кражу жеребёнка, и первые два года прошли в тюрьме спокойно, пока не прибыли этапом новые паханы. И придираются, видно, стали и обижать. Чем-то её сын им пришёлся не по нутру. Ну да, он же вертля, задиристый, промолчать, где надо, не сможет..

Хотели, говорят, из него «петушка» сделать, да он не дался, и тогда его избили, огрели чем-то тяжёлым по затылку, а ког-

---

да потерял сознание — взяли нож и крест-накрест разрезали сзади, а потом и спереди...

Санитарка, делая жалостливое лицо, добавляя в голос дрожи, показывала эти ножевые удары, рассекая воздух перед лицом Митревны маленькой бледной ладонью: «Вот так воткнули, а потом так!» Дура!

...Не выдержал всего, наверно, Васенька, и ударил его инсульт. А там что ж лежачего инвалида держать на казенном обеспечении... Вот и вывезли на родину, а то, чего доброго, помрёт в медбараке, а тюремное начальство — отвечай.

Из больницы она его забрала к себе, в родной избе выходила, с ложечки кормила, как малютку, стирала из-под него, как из-под грудного, и уже через два месяца Вася ходил на костылях и заново научился говорить, правда, больше матюками. А через полгода — ещё с палочкой ведь ковылял, ногу подтягивал — напился и обворовал с друзьями магазин. Видно, совсем на себя рукой махнул мужик после того, как понятно стало, что ни Таньке, жене своей шальной, ни пасынку немощный он не нужен. Его, верно, и здорового-то лишь терпели, пока работал да деньги носил.

Много присудили ему на второй раз, не посмотрели, что инвалид... Горе... горе... И вот недавно снова выпустили. На этот раз вообще без ног — оттыпали под корешок из-за гангрены, иначе схарчился бы. Да лучше бы и схарчился! А то каждый божий день одно и то же: «Ма-ать, сходи к Струнихе, купи выпить. Ма-ать, найди мне бабу, хоть шмару какую на один раз!» Поташился раз в центр на каталке своей, на дощечке, — лето было, асфальт плохой, в ямах, а на обочине земля сухая, наезженная, аж блестит — там потихоньку и катился, щётками отталкивался. Пьянствовать его понесло, калечность свою заливать. А тут трёхтонник прёт, на обочину выруливает, колдобину дорожную объезжает. И чуть не задавил. Так пришлось в тот же день каталку Васькину спрятать, чтоб беды не стряслось, чтоб обретался при доме. Орал безбожно: «куда ноги мои дела, так твою растак...», родную мать бить пытался — да куда ж ему... Успокоился для виду и тайком на другой день уполз через крапиву да репы к друзьям по соседству — дорвался всё ж до вина. А те его привечают: «Молодец, — говорят, — не дался тогда, по первоходу...». Подтянут его под локти на табуретку, нальют, а сами подальше отсаживаются, а то, не ровен час, разойдётся Вася во хмелю и вилкой ткнёт. Когда пьяный, сильно не любит, если ему что поперёк говорят.

А прохмелеет — так куда ж ему деваться, обратно к матери ползёт, денег просит.

Сам мучается и мать мучает. Кто она стала за эти годы? Древняя старуха — сама силится жить да ещё и крест какой тащит; из избы выйдет, а ветер чуть не валит её на землю, разгоняет по глубоким морщинам влагу, задувая слезинки под старенький ситцевый платок. Житья никакого, сноха загуляла с проезжим таксистом да и маханула из села с концами, а внук вырос, не навещает. Говорят, озорует, подворовывает — сам одной ногой в тюрьме. Рано такому молодому в одиночку да без присмотра жить. Ну а сына — того, считай, половина...

На следующий день, улучив момент, когда мать вышла на полчаса из дома, Вася взломал топором ящик буфета, забрал то, что ему причиталось из принесённого накануне почтальоншей, и, упав с крыльца, меся култыгами грязь, где ползком, а где переваливаясь на руках, маханул через всё село к дальним двухэтажкам.

То место по казачинским меркам считалось трущобой. В домах, каждый на два входа и на восемь квартир, газа не было; отапливать приходилось сразу весь подъезд на два этажа вверх. По очереди кидали в жерло общей подвальной печи уголь, который покупали вскладчину, но к весне, как правило, уже не оставалось ни угля, ни денег. Кто-то мёрз, кто-то на время перебирался жить к родне в теплые избы с газом, а иные, минуя электросчётчик, прокидывали провода прямо от уличного столба через окна в комнаты и грелись от самодельных печек-«спиралей» — их мастерили из кусков шиферной трубы.

В квадратном дворе, замкнутом цепью сараев, бань и нужников, шла подготовка к Пасхе. По центру в грунт были вбиты кольца, там же валялись раскиданные тазы и корыта, везде сновали бабы и мешалась под ногами ребяшня; две местные шавки, иногда вскакивая, громким лаем гнали со двора любопытствующих дворняг не своей породы. Поодаль горел костёр, в чане дымилась вода, а вокруг на корточках сидели мужики — цедили сигарки и ждали действия.

Васька, уже порядком обессиленный от дороги, вполз во двор как раз под поросячий визг: Азер с корешами потащили из сарая подсвинка, а тот, хоть и стреноженный, но очень сильный, мясной, упирался и даже повалил кого-то из своих губителей в навоз.

Животину, наконец, одолели и привязали к кольям. Визг, одновременно высокий и хриплый, будоражил подростков и выжимал жалостливую слезу у баб. Мужики — те, что постарше — продолжали курить и говорили о мясе и ливере, о том, с какой стороны туши у сала мягче шкурка, и о ценах на свинину в этом году.

Азер, без рубахи, бронзовый, загорелый, мускулистый, — где только успел набрать солнца, родился, поди, уже таким — стоял, поигрывая кувалдой, сплевывал под ноги. Девчата его любили, а ему как будто было всё равно — о популярности своей у женского пола он знал, но пользоваться не спешил. Успеет ещё, только пальцем помани любую. Быстро перехватил кувалду и почти без замаха жажнул. Животина уткнулась рылом в землю: визг оборвался, теперь был только предсмертный нутряной хрип.

— Таз давайте!

Пошел в ход длинный узкий нож, хранимый в хозяйстве именно для таких дел. Снова хрип, бурление, и звонкая алая струя пузырится уже в подставленном тазу. Работа сделана, Азер — кому молодец, кому — почти убийца. Сам в себе парень. Дельный. Авторитеты из таких выходят.

— Рекс, на! — резанул и кинул псам тёплое, в парной крови, свиное ухо. Шавки, грызясь, кинулись, захрустели.

— Паяльную лампу давайте!

— О! — наконец заметил пасынок безногого отчима. — Чего мокрый такой и грязный? Где каталку потерял?

Васька поздоровался и, поперхнувшись духом палёной свиной щетины, соврал, что каталка сломалась, что отлетело от неё колесо и теперь надо искать такое же, а доживёт ли он до утра, до Пасхи — неизвестно, поэтому надо начинать сейчас. Словно в подтверждение своих слов достал из кармана горсть смятых бумажек пополам с мелочью и потряс деньгами в воздухе.

— Вась, дядь Вась, иди к костру, грейся, сушишь. Сейчас сообразим, — оживились остальные мужики и парни. Теперь, хотя разговления ждали только на следующее утро, и предстояло тушу освежевать, разделить по тазам, наварить на огне холодца с дымком, был железный повод сдвинуть традицию — человек устал, вымок, извозился, его надо отогреть снаружи и изнутри. Человек уважаемый, пострадавший, и сегодня не халявщик! Деньги принёс. Сбегали за выпивкой и под робкие возражения жён вынесли миску яичек, наваренных в шелухе до вишневого багрянца. Налили до краёв в шербатый стакан с мошками. Вася впился зубами в горькое стекло и отомлел, воскрес. Понеслась...

Он знал, что за глаза его называли просто «безногий» и никому, в общем-то, он не был нужен. Так, изредка угощала его из жалости молодёжь и в благодарность требовала рассказов про зону, и он каждый раз с болью, с мясом выдирает из себя воспоминания. А большей частью врал — истории были не его личные, а других когда-то сидевших с ним людей, тех, что в своё время оказались позубастее, покрепче, пофартовее.

Крашеное яичко надлуплено, надкушено — дрожит крепкий белок с яркими бурыми прожилками, посыпалось на пиджак жёлтое крошево. Ещё стакан... Ещё...

Гулянка, стартовав, затянулась: на шум и запах то и дело набегали чужие псы — сторожоко роняли слюну при виде требухи, но, шугаясь костровых теней и местных горластых шавок, близко к мясу не лезли; в деланном тряском бодуне заглядывала сюда окрестная голытьба в надежде «сесть на хвоста» — подолгу маячили и, несолоно хлебавши или выпросив сто грамм, шли восвояси; с басистым рокотом подруливал народ на мотоциклах, и девчонки в стареньких «пассажирских» шлемах робко жались с задних сидушек к крепким пацанским спинам. Откуда-то из динамиков рвалась толчками громкая дёрганая музыка, и пьяные разговоры старшего поколения глохли в неистовых молодёжных децибелах. Тени от костра ломались в ритуальном танце на грязном силикате домов, на кустах и сараях, растворяясь в проекторе мотоциклетной фары.

— Азер, должок за тобой! — донеслось до Васи сквозь глущую густую мглу.

Говорил кто-то сверху, высоко-высоко, и Василий понял, что лежит лицом в землю, как обрубок, и не видит говорящего, не может пошевелиться и, вот странно, чувствует свои ноги, которых нет, и будто даже шевелит пальцами.

А было ли всё это: его воровство, тюрьмы, побои, паралич, гангрена — в его жизни? Вдруг это приснилось ему, и сейчас на самом деле он спит в детской палате их казачинской больницы, ему шесть лет, у него scarlatina и жар, и ничего ещё не было, не случилось: ни худого, ни горестного, вообще ничего, разве что в палату не пустили мать. Говорили, в инфекционное нельзя, но и без мамы он беззаботно, до одури счастлив, просто температура под сорок, он болен, но ему сделала на ночь укол улыбчивая пожилая медсестра, и потому, проваливаясь в дрему, он первым делом видит пряную, от края до края васильковую родную казачинскую степь. Может быть, он всё ещё шестилетний мальчишка в том уютном, добром и очень-очень тёплом больничном раю, а всё остальное — небывалый несбывшийся жар?

— Да ничё я те не должен, Кошелёк. Не по адресу ты...

Это голос пасынка, даже бывшего пасынка, если быть точным. Азеру жить легче, проще, потому что он даже в самом раннем детстве не видел да и не хотел видеть ничего хорошего. Ему и так нормально — не с чем сравнивать, не о чем жалеть. Он сам в себе.

Отстегнёт сейчас Кошельку ухо тем длинным свинорезом, который ещё не остыл от тёплой крови из поросычьей глотки,

---

и решит все проблемы, и простятся ему все долги. Мать Кошелька из богатых, деньга не переводится, а сын, говорят, то ли балуется наркотой, то ли даже приторговывает.

Азер с Кошелем что-то вполголоса долго обсуждают, и Вася не успевает понимать смысл негромкой речи. Только под конец выхватывает из мглы:

— Замётано. Завтра в шесть на остановке.

«Стрелка. Забились, — буровит в пьяном бреде Вася, силясь подняться и встать на несуществующие ноги, — Утром драться задумали. На Пасху — грех».

Кошелёк — сын первой их казачинской фермерши Нины Кошелевой — той, что раньше заведовала в совхозе финчастию. Как говорится, оказалась в нужное время в нужном месте. Баба с хваткой, «Нива» у них — всегда сама за рулём, а муж тюфяк и язвенник, на побегушках, строит жене каменный коттедж, ну и, видать, для койки пока ещё годен. И сын Сашка — балованный, всё крутого из себя корчит. Купила мамка сынуле новый мотоцикл. Теперь юнец по ночам рассекает по селу, обстрепывает свои делишки, спать не даёт, девок катает.

— Грех на Пасху, — бубнит Вася губами в грязь, а рядом — тепло от кострища. — Не ходи, Азер...

За полночь, когда над восточной частью неба поднялась чистая голубая звезда, беспмятного, лыка не вяжущего Ваську добрые люди доставили в кузове мотороллера до Митревниного дома и, покликнув хозяйку, сгрузили-вытряхнули возле «семечной» скамейки. Пассажир в пьяном сне продолжал запрещать пасынку ходить на опасную встречу с Кошелеком и всё звал мать, которую тридцать пять лет назад отказались пускать к нему в детскую палату.

— Баба Вера, принимай груз триста, — пошутил один из провозатых, колотя в окно.

— Да уж не привозили бы, — донеслось из избы. — Кормили б у себя. Тянет его туда к вам. От вас до кладбища ближе...

К шести утра Азер подошёл к условленному месту на автобустой остановке, и, поёживаясь, поджидал Сашку Кошелева. Было свежо, ночная роса выпала даже на грудку щебня, которую сыпал здесь грузовик неделю назад. Бывший Васькин пасынок действительно должен был Сашке денег — занимал зимой на уголь, чтобы не замёрзнуть в совхозном жилье, и накануне они договорились, что Азер отработает долг да ещё и наймётся побатрачить для заработка. Фермерша Нина, Кошелькова мать, платила сносно. В предыдущий год он нанимался к ней на сбор урожая, а теперь она задумала поставить на месте остановки коммерческий магазин с ко-

---

зырьком от дождя — для ожидающих автобуса, а то раньше все просто стояли и мокли у столба. Гора щебня — первый шаг, Азери нужно было раскидать её и уложить щебенку по земле ровным слоем. Потом привезут асфальт, и парень сможет укладывать. А там, глядишь, и до шлакоблоков очередь дойдёт. Может, уже этой осенью Азери доведётся стоять здесь под крышей и с сухой головой потягивать пивко из нового магазинчика, а если повезёт, он, как основная рабсила, выпросит себе в этой лавочке пожизненную скидку.

Конечно, грех работать в Пасху, и наверняка Кошелёк его специально именно сейчас подрядил отрабатывать — может, чтоб впредь денег не просил, но ему, Азери, не всё ли равно... Пусть лучше старики беззлобно жалеют его, что работает человек в праздник, чем среди пацанов поползёт молва, что Азери долгов не отдаёт.

Так он стоял и зябнул, ожидая, что вырулит с минуты на минуту с «фермерской» улицы «Нива» с прицепом, и ему привезут инвентарь и обрисуют границы стройплощадки. Но прошёл уже час, второй, мимо остановки ехали, шелестя гравиевой посыпкой, частные машины, потом проскочил в сторону двухэтажек неказистый чужой «жигулёнок», а на «фермерскую» молчком, без сирен, свернул желто-синий милицкий козелок. Начал собираться разный народ, лезли христосоваться и подтрунивать, а ни Кошелька, ни его мамыши всё не было. Может, и правильно ему бубнил вчера пьяный отчим Васька, чтобы не ходил он с утра на эту встречу. Как в воду глядел безногий! Сходить, что ли, к коттеджу, выяснить, разбудить? Да как-то гордость не позволяет. А вдруг Кошелёк просто перед девкой вчера выделывался, крутого строил из себя, босса-нанимателя, а над ним, над Азери, просто насмеялся? Ну если так, то дорого он за это заплатит! Парень вдруг заиграл желваками, обзлётно дёрнулся и быстро пошёл в сторону своей двухэтажки, пытаясь согреться на ходу в прыгучей боксерской разминке.

В селе слух пошёл, что он по ночам ворует — здесь же, в Казачке. Чего только не придумают. Конечно, ему хочется и приодеться помоднее, и обстановочку в квартирке обновить, и музыку с колонками, и телик новый. А ещё у него была мечта — обзавестись своим конём, вороным, гривастым и в один прекрасный день покрасоваться в центре верхом на гарцующем жеребце. Просто так, чтобы, кто понимает, полюбовался бы...

Подворовывал, конечно, — так, по мелочи, но это давно было. В детстве осталось. Теперь он подросток и соображает, что в своём селе промышлять — западло. К тому же так попасть-

---

ся легче лёгкого. Хуже ли, лучше ли он в последнее время делал — неизвестно, но, случалось, наведывались с корешами в райцентр и трясли студентов с пригородной электрички. Поезд из Саратова на дальние пути приходил, далеко от вокзала, от ментов, от толпы. Там ждали гуртом, ловили лохов, которые не по верху, а через рельсы в одиночку в город шли, и там же на путях припугивали, грозили. Слюнтяй, трус какой попадётся — так и пугать не надо, сам всё отдаст, лишь бы не трогали. Вот и возвращался Азер в село при копейке, а народу и невдомёк, откуда богатство. Баба Вера всё думает, что это он индоуток у неё украл. Наивная она — не поймёт никак, что это Васька с друзьями соседскими сговорился, чтоб продать птицу за бухло. Ну и Митревна тоже хороша — нечего пенсию у мужика отбирать!

Но сейчас Азеру было тревожно: не по его ли вокзальные подвиги катаются здесь «жигулёнок» с «уазиком». Выбрали время — на Пасху, чтобы врасплох! Ладно, чему быть, того не миновать: главное, собраться и держаться поспокойнее...

Серый «жигуль» с госномерами стоял во дворе, где уже торчали с утра жители, не успевшие ещё сменить на лицах пасхальную радость на недоумение. Люди в штатском — конечно же, менты, Азер их чует, как барсук лису, — опрашивали всех под протокол. Его тоже подозвали, просили посидеть на скамейке, подождать. Вопросы, слава богу, были не про давний вокзальный гоп-стоп, а про Кошелева и вчерашнюю девчонку с его мотоцикла. Снасильничал, что-ли, Сашок — фермерский сынок?..

Буйное у них село, не чета окрестным. Взять Семеновку, Потрясовку, Покровку — кто жил там, знает: тишь да гладь, детей малых с утра выпускают на улицу и до ночи за них спокойны, а здесь... Если в районной газете пишут про пьянку или криминал, то непременно Казачка в первых строках. Менты из района как у себя дома здесь. Недели не пройдёт, как опять едут в гости.

Девчонка вчерашняя, считай, из самой затюканной и потешной, что ли, казачинской семьи. Грех смеяться, но папаша там дурак, не приведи господи. Сказочный наследственный дурень Валерка Данилкин — другого такого поищи. Мать его пила смолоду запоями, но село её любило за скоморошество и доброту. На свадьбе у Вовки Есина год назад напилась, прицепила себе к подолу морковку со свеклинами и давай невесту морковиной тыкать, да ещё и под матерные частушки. А плясала нескладно, как петрушка на шарнирах. Умора! Народ чуть тогда с лавок не попадал. Ездил давно ещё с сыном на Саратовский авторынок покупать ему

мотоцикл — так их сначала обманули, а потом они в тамошнем коопкафе оставшиеся деньги на пару пропили, и в итоге осталось из всей суммы только на велосипед. Несчастливая вышла покупка. Над знакомой одной бабой Валерка подшутить захотел — подкатил тихонько на велике на этом сзади и толкнул колесом под коленочку. Незадача — перелом получился. И велосипед продали, и мать ещё на лечение из пенсии своей выплачивала. Сам Валерка в восьмидесятые женился на одной из гуцулок, которых присылали свёклу убирать. Тоже как в сказке: понравилась сатана лучше ясного сокола.

Расписался с невестой, а потом выяснилось, что у неё уже трое детей от разных мужиков — то ли венгров, то ли цыган — кто у них там в Закарпатье водится. И весь выводок не постеснялась сюда притащить. Мать Валеры в дыбки, а он, видно, влюбился сильно. Еще своих двоих заделали — вот старшенькую-то из родных Валеркиных детей, пятнадцатилетку Анюту, и катал Кошелёк вчера в ночь. Симпатичная, беленькая, душевная девочка, простоватая, наивная — в отца пошла, на мать-гуцулку не похожа.

Сказали, под утро прибежала Анечка домой в синяках, бледная, ни жива ни мертва, и на Сашку показала, а Валерка с утра рвался с топором к коттеджу, хотел Кошелёк уж порешить, да Нина-фермерша в крик:

— Не возвращался он ещё, сама ишу, не знаю где он.

Врала, небось, покрывала. Матери — они такие... В милицию позвонила мать-гуцулка, а Валерка не хотел шум поднимать — дурак-то дурак, а честь знает, сам наказать хотел, чтобы пятна позорного на семье не было, и так все в пятнах ходят, как олени. Жалко девчонку, очень жалко.

— Степанов Азер Мухаммедович, — записал оперативник из «Жигулей». — Эк тебя угораздило с имечком! Ты чей такой южный будешь?

— Митревны внук неродной, Васьки безногого пасынок, — подсказали из толпы, — здешний, казачинский, с мальства знаем. Васька его усыновил, фамилию дал, а отчество своё осталось.

— Документик бы, — стусевался опер. — Ладно, когда Кошелева Александра видел в последний раз?

— Вчера вечером.

— Тут говорят, задолжал ты ему?

Началось...

Азер рассказал суть разговора, не забыл упомянуть, что с утра его уже полсела видели на остановке, готового отработывать долги, а Кошелёк так и не появился.

— Подпиши протокол.

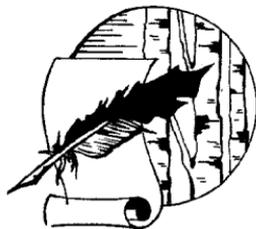
Азер внимательно прочитал оперативные каракули и, взяв протянутую ручку — тьфу, что ж у них у всех стержни так пачкают, — лениво подмахнул бумагу.

Через неделю дело замяли. Азер всё понял, когда Нинка-фермерша путано объяснила несостоявшемуся работнику, что у неё финансовые затруднения и строительство магазина-остановки откладывается на неопределённый срок. В то же время у Данилкиных во дворе появилась корова, а Валера ушёл в долгий мутный запой. Анюта не казывала из дома носа, и в довершение — уже где-то через месяц — снова стал слышен в селе по ночам рокот кошелевского мотоцикла — Сашок, как ни в чём не бывало, обкатывал какую-то новую девицу.

Азер колебался, но всё-таки принял решение — съездил в райцентр на вокзал в последний раз, вернулся и, изловив вечером Сашку одного, без компании и свидетелей, выбил ему передние зубы и, затолкав в свежую кровавую прореху долговые деньги, оставил насильника валяться в молодой крапиве под церковной стеной.

Странно, но после этого никто Азера ни в чём не обвинил, а Анюта начала выходить из дома, и в глазах её читалась благодарность тому единственному, кто не побоялся за неё хоть так отомстить...

...Всё забылось, и жизнь текла своим чередом. За два десятка лет многое в Казачке изменилось. Изменилось и само село. Поговаривали, всю совхозную землю, в том числе и кошелевскую, скупили саратовские банкиры. Правда, в селе их никто не видел. На новом планту упрямо отстраивался Азер. Отдельвал дом с каменным забором, скотный двор, конюшню. Всерьёз увлёкся лошадьми — оказалось выгодно и в то же время радовало душу. Их с Анютой Данилкиной первенец и «главный архитектор» усадьбы уже давно вырос в чернявого смуглого парня и, вдоволь нарасовавшись по казачинскому центру верхом на отцовском вороном жеребце, пошёл служить в армию. Сказал, когда вернётся, всей семьёй обязательно сходят проведать две могилы в одной оградке — в том дальнем углу кладбища, который каждое лето утопает в пышном васильковом цвету.

Татьяна БАШКИРОВА

НА ВЕЧНОМ РАСПУТЬЕ

* * *

Уметь понять молчание воды
И то, о чём тоскует подорожник.
Последний луч бледнеющей звезды
Ласкать пытливым взглядом осторожно.
Услышать песню ивы над ручьём
И гимн скворца — весенний, вдохновенный,
И ощутить перед лицом Вселенной
Короткий миг, который мы живём...

* * *

Зарос травой иль меньше стал тот двор,
Теперь здесь наши бегают ребята.
А вид с крыльца волнует до сих пор:
Голутвин-монастырь в лучах заката.
Иль двор не тот, иль стали мы не те,
Что нам милее душные квартиры.
Так в будничной нелепой суете
Мы растеряли ощущение мира.
Тут у забора движется Ока,
Полынь цветёт, невзрачна и горька,
На светлой зорьке точит вдовьи слёзы.
Тут добрым словом помнят старика,
Что посадил под окнами берёзы...
От суеты, от пыльных, шумных дней
Тут хорошо... И мы, душою дети,
Спешим к окошку матери моей,
Пока оно нам в этом мире светит.

ОКСАНА

Отец с весны бывает дома редко,
К другому в город зачастила мать.
Как хорошо, что в мире есть соседка —
Она возьмёт Оксану ночевать.

Вечерний воздух стынет в зыбких тенях,
И мир вокруг огромен и непрост.
А ты качаешь куклу на коленях
У тоненьких растрёпанных берёз.

А у подруг весёлые заботы —
Пятнистый луч гоняют на лугу.
«Пойдём, Оксана... Не идёшь чего ты?» —
«Я доченьку оставить не могу!»

* * *

Кто вошёл в зелёную обитель,
Захламил истоки малых рек,
Лягушонка малого обидел —
Недруг, варвар? — Просто человек!

У берёз на белые рубашки
Что стекает — сок или слеза? —
В поле с корнем выдраны ромашки,
На иголке гибнет стрекоза.

Вспоминаю, было в сказке древней —
Шёл через леса, через бурьян,
Шёл один, искал свою царевну
Парень незадачливый — Иван.

Человечью мудрую науку,
Знать, сумел постичь Иван-дурак:
Отпустил медведя, зайца, шуку,
И свой путь продолжил натошак.

А сегодня время не такое —
Поумнел, увы, двадцатый век:
Берегись и прячься, всё живое —
На природу вышел человек!

---

* * *

«Всё к лучшему», — он думал, проходя
Из юности струящейся тропинкой.
Кололи искры острого дождя...
Как хорошо, что он остался с Нинкой!

Светлана — хрупкий лучик золотой —
Ей книги отвечали на вопросы.
Она была любовью и мечтой,
А в жизни с ней, поди, совсем не просто.

А Нинка и дородностью взяла,
И не читает разных умных книжек.
Её проворных пальцев-коротышек
Боятся все домашние дела.

«Всё к лучшему!», — кричали небеса,
Им вторила раздетая аллея.
Но зрела горькой ягодой слеза,
От неизбывной мысли тяжелея.

О чём жалеть — любовь давно в былом,
И до мечты далёкой что за дело...
Летела Осень... Золотым крылом
Светло и больно за душу задела.

* * *

Вечер звенел комариной струною,
Белая церковка гасла вдали.
Мама до ночи сидела со мною,
Мы про «Коробушку» песню вели.

В сумраке поле широкое стыло,
В речке дрожала колючка-звезда.
Что же ты, мама, себе изменила,
Или тебя изменили года?

Хмурая ты. Улыбаешься еле.
И ни о чём-то тебя не спроси...
Как мы давно вечерами не пели
Песен, что долго живут на Руси.

Мне говоришь: «Ты гляди — похудела...
Боже, за что, за какие грехи? —

Танька, опомнись: твоё ль это дело —
Тридцать уж с лишком, а ты — за стихи!

Недосыпаешь... Здоровья-то нету.
Малый ребёнок, по дому дела...
Если уж хочешь ты, дочка, в поэты, —
То для чего же семью завела?»

Коль я порой возражаю несмело —
Слушать не хочешь. Твердишь: «Помолчи!»
Будто не ты мне «Коробушку» пела
В дальней, тобою забытой ночи.

От наставлений куда же мне деться?
Я — с головою в далёкое детство...
Вечер звенел комариной струною,
Мама «Коробушку» пела со мною.

* * *

Я квартиру тесную покину
И одна уйду гулять в поля.
На какую на беду-кручину
Увидала в небе журавля?

Вот он, вот он — полетел иль снится,
Вон он, вон он — скрылся в облаках.
И такой постылою синица
Показалась у меня в руках.

Я синицу выпущу на волю,
А она, несчастная, — за мной.
Ой ты, горе, поле моё, поле,
Да над полем — сумрак неземной.

Улетай же, бедная синица,
Мне с тобою белый свет не мил!
Мне на свете радость — лишь приснится
Взмах его широких сильных крыл.

Что подруги, что мои родные,
Что мне разом опустевший дом?...
Только сосны видели немые,
Как рвалась душа за журавлём!

---

* * *

Вспоминаю далёкое детство:
Маму, бабу да солнечный плёс...
Мне от бабки Натальи в наследство —
Рыжина беспокойных волос.

Бабка книги в руках не держала —
Чтила жизни старинной уклад:
Под снопами на поле рожала
Голосистых здоровых ребят.

Две войны её яркие шали
Дочерна опалили, дотла.
Восемь деток — росли-подрастали,
Девять деток — земля приняла.

Упокоилось брненное тело,
Завершило земные дела.
В моём доме свеча не горела,
Что покойница-бабка зажгла.

Не горела... И что за причина —
Оправдания канули в ночь.
Вот рашу я единого сына,
Нерождённой оставила — дочь.

Может, век наш нейтронный — помеха,
Что не слышно детишек в дому,
Иль войны отдалённое эхо
По здоровью прошлось моему.

Бабка, бабушка... Думаю снова
Про твоё житиё-бытиё...
И моё долгожданное слово —
Не из песни ли дальней её?

* * *

Этот уголок необитаем
Для движений города почти.
Здесь сугробы не дадут трамваям
Громко через улицу пройти.

Тут проходят жители нескоро,
Тут слышнее звонкий смех ребят,

И резных наличников узоры
О старинных сказках говорят.

Этот старый уголок Коломны,
Низких крыш спокойный мягкий свет...
И вода студёная колонки —
Словно из далёких детских лет.

* * *

Разве всё — ни весны и ни радуги,
Только осень да хмурая темь?
Годы-листья кружили и падали,
Но душа не угасла совсем.

За рассветными зорями давними
Улетели мои журавли.
Лиховеи свистали за ставнями,
Но души остудить не смогли.

Бродит в поле глухая метелица,
Укрывая полуночный след.
И прохожему чудится, верится,
И прохожему видится свет.

Коль ты друг и устал в неуютности —
Обогрейся... Тепло от печи.
Посидим, будто оба мы — в юности,
У неярко горящей свечи.

Коли недруг — не брошу проклятия.
Тем, однако, и жизнь хороша:
У ветров четырёх на распятии
Да на вечном распутье — душа.

* * *

У старухи — какие заботы?
Бесконечный смотреть сериал?..
Снова доченька ищет работу.
Сын пока её не потерял.
Над семьёю — как тучи нависли,
И не видно просвета ничуть.

Отгоняя печальные мысли,
Смотрит бабка экранную муть.
И забвеньё находит порою
Лёгкой дрёмой... «Во жизнь-то была!
Ведь, подумать — какие герои!
И вершили такие дела!..»
Невесёлые серые будни
Пустоцвет-мишура заметёт.
Только кто там стучится и будит,
Под дождём на дороге встаёт?
А продрогла-то... Платье в заплатках...
Ты её накорми, обогрей.
Видишь — смотрит она виновато...
То Россия стоит у дверей!

ФИНИСТ — ЯСНЫЙ СОКОЛ

Не ходи вокруг меня да около,
И не хмурь густую бровь-дугу:
Пёрышко Фини́ста — Ясна Сокола
Под подушкой тайно берегу.

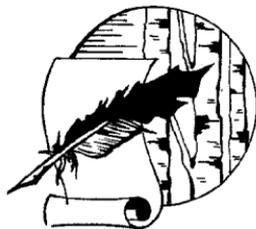
С ним сходились — пылки и невенчаны —
Да навряд ли свидимся опять.
Горевая доля каждой женщины —
Вечно ждать... Надеяться и ждать...

Я б хотела — тонкая, смешливая —
Разгадать судьбину до конца.
Убежали годы суетливые,
И украли маков цвет с лица.

Спит с царевной мой далёкий суженый,
Обо мне не вспомнив ни на миг.
«Бабушка!» — внучата кличут ужинать.
Притулился у окна старик.

Обступили хвори беспросветные,
Нюют ноги в дождь или пургу.
Но Фини́ста Сокола заветное
И сейчас перо я берегу!

г. Коломна Московской обл.

Марина САВВИНЫХ

ПОД МУЗЫКУ ПОСЛЕДНЕГО СОЮЗА

* * *

У него — палатища из палат,
Пол — смарагдовый, в золоте — потолок.
У меня над ночлегом — тумана плат,
И постель — душистого сена клочок.
У него — из всех нарядов наряд:
Бархат, вышитый серебром.
А на мне лохмотья огнём горят —
И хохочет смерд над моим добром.
У него — из челяди челядь: что раб — то князь.
Смотрят важно — умело падают ниц.
Мне никто не кланялся отродясь,
Кроме псов бродячих да вольных птиц.
То-то — силою славный среди людей —
Не имея зелия от тоски,
Он расставил на скудной тропе моей
И капканы скрытные, и силки.
Но такой ли достигнет заветных троп?
Не дано бедняге меня поймать,
Остаётся ему в пене праздных проб
Загребущие пальцы свои кусать.
А меня — молоком небесных коров
Окормляет Господь; как священный флаг,
Надо мной простирает бескрайний кров
И ведёт по дороге бессчётных благ...

---

* * *

Блаженны кроткие: их взор не замутнён,
Рассудок — трезв, уста — медоточивы...
На их пути — стремнины и обрывы,
Зубовный скрежет и вселенский стон.
Но их глаза взирают, не сверлят,
Их речи — утоляют, не тревожат.
Как Божий дар, они вкушают яд,
И день мытарств, как праздник, ими прожит...
Нет им преград и нет у них врагов.
Не знают ни воров, ни дураков
Блаженные — ударь: подставят щёку...
А ты живёшь — мякинный хлеб жуёшь,
Клянёшь, рыдаешь, мучаешься, ждёшь —
И веришь проходимцу, как пророку...

* * *

Г.В. Малашину

Ещё будут, дорогой, холода,
Будут беды сердце рвать на куски
И стонать над головой провода
От глухой невыразимой тоски...

Ещё будут и ухаб, и овраг
На пути, где и конца не видать,
И не станет церемониться враг,
Посягая на твою благодать.

Но однажды — на морозной заре —
Не в апреле, так совсем в декабре
Ты встряхнёшься от тяжёлого сна
И увидишь: за окошком — весна!

О которой не мечтал, не просил,
Только теплились во мгле голоса...
И такая здесь пасхальная синь,
И такие здесь над всем — небеса,

И такая здесь — не дух и не плоть —
Разливается лучистая даль,
Что поверишь, наконец — сам Господь
Утоляет нашу боль и печаль...

---

* * *

Блудные дети смежных больших эпох —
Как мы боимся друг друга и дарим скудно!..
Я поняла: через меня тебя любит Бог,
Это, конечно, вместить человеку — трудно.

Только — без предрассудков и выморочных идей —
Сам догадайся, откуда берётся сила:
Бог — Он ведь любит каждого из детей
Так, чтобы через каждого — всем хватило.

* * *

У этих мальчиков — свастика между глаз.
Их изготовили, чтобы стреляли в нас.
Чувствуешь? Встроена в каждый твой божий день
Оптика смерти. Ты для неё — мишень.
Не поддавалась камланию пустоты —
Значит, теперь у неё на прицеле ты.
Не отдаёшь своё и не юлишь, как шланг, —
Жди нападения или иди ва-банк.
Значит, настал момент и пришла пора,
Может, пера... а, может, и топора...

* * *

По берегам Днепра и Иртыша,
В предгорьях Анд и среди скал Кавказа —
Да славит Бога всякая душа
Струеньем струн и гранями алмаза,
Слезой, в мольбе скользнувшей по щеке,
И Словом, обретающим реченье
На каждом человеческом языке
Во имя Своего предназначенья;
Да славят Бога искренность и стыд,
И стон любви, и первый крик младенца,
Пот пахаря и труд кариатид,
И медный Пётр, и бронзовый Риенцо;
Таёжной братии дружеский костёр
Под музыку последнего Союза —
И вечностью оваянный костёл,
И танец просветлённого индуса,
И рыбака увесистая сеть,
Когда к финалу близок пыл путины,

И в космос устремлённая мечеть —
Михрабы, минареты, муэдзины;
И гулкое терпенье синагог,
И манускрипты в Матенадаране —
Сквозь хор светил и шум вселенской брани
Всё слышит Бог — и всё приемлет Бог!
Но от земли, в которую мой род
Ушёл и из которой вновь взойдёт,
Достались мне и лоб ширококостный,
И трезвость трапезы великопостной,
И Спаса светлого нерукотворный лик,
И Православной истины язык.

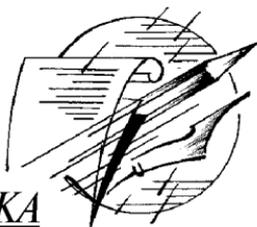
г. Красноярск

ИСПЫТАНИЕ ИСТОРИЕЙ

Сто лет назад Россия пережила величайшую трагедию и небывалое обновление. Ныне эти события одни называют Октябрьским переворотом, другие — Великой Октябрьской социалистической революцией. Официально отменён праздник 7 Ноября, вместо него утверждён День народного единства — 4 ноября, в День Казанской иконы Божией матери. Призыв к единству — дело благое, но пришёлся он на самый разгар новой революции, по сути буржуазной. Пострадавшие в ней должны объединиться с новыми хозяевами жизни, и это после почти восьми десятилетий, прожитых в уверенности, что деление на богатых и бедных ушло безвозвратно.

Гражданской войны повторять никто не захотел, но глухое противостояние не исчезло, оно загнано внутрь, и формы протеста не вдруг распознаваемы. А главное, замедлился процесс осмысления прошлого. Историков и философов опережают лёгкие на перо журналисты, в большинстве работающие на новый политический курс.

Постепенное и осторожное исследование послеоктябрьской истории, начатое в советское время, оборвалось в 90-е, с

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

распадом СССР. Новая смута заслонила такие поворотные события, как возрождение православия, начавшееся в 1988-м, в год 1000-летия Крещения Руси, возвращение в Россию отринутой после революции литературы Русского Зарубежья, когда появилась надежда на воссоединение разорванной российской истории и выработки новой идеологии государства на пороге реформ.

Началось же с того, что идеология по ельцинской конституции была просто отменена (см. ст. 13, п. 1). Но легко отменить на бумаге — на деле возобладала идеология капитализма и войны с социалистическим прошлым. Нигде это не прописано, цензуры нет, но войну уже четверть века ведут СМИ и по-новому настроенные чиновники. Знаки поменялись на противоположные: социализм — это ГУЛАГ и репрессии, рыночные механизмы — единственный путь к свободе и процветанию.

И вот итог многолетней пропаганды: не так давно в конкурсе на ТВ «Имя России» первое место вдруг чуть не занял осуждённый и наказанный после смерти Сталин. Некоторые считают, что и занял, да не допустили организаторы конкурса. Но и второе место впечатляет.

Обществу и властям задуматься бы над этим. Да, голосование протестное, оно против нынешних реформ, едва ли не каждая из которых превращается в антинародную. Так надо не медля пересматривать, поправлять руководящие действия!

Но прежде следует вернуться в прошлое, и не для бесконечного обличения, а чтобы посмотреть на него непредвзято и понять, из чего выросло настоящее.

Оглянемся на сталинскую эпоху — она всё ещё близка нам: ещё живы немногие её представители и их дети, хранящие в памяти рассказы о суровом и до сих пор до конца неразгаданном времени.

Вот и у меня есть свидетельства из тех лет. Не буду повторять историю своего близкого родственника, ранее мной уже описанную. Скажу коротко: этот человек, как и многие, был необоснованно арестован в 1937-м, отбыл восемь лет из десяти в Северлаге (два года скостили за растрепанность). Едва выжил на лесозаготовках, спасся благодаря специальности механика сельской МТС: во время войны был отряжен комплектовать машины для фронта из собранной в лагерь из окрестных хозяйств неисправной техники. Голод перестал быть угрозой жизни.

Домой вернулся уже после войны. Один из шестнадцати арестованных в тот год в их селе за якобы контрреволюцион-

---

ную деятельность (есть архивные сведения). Сколько выжило и осело в других местах, неизвестно. Был реабилитирован в первую волну, в 1954-м. Жена не дождалась, вышла за другого. Сын рос у её родителей. Он так и остался у них — зятю с его новой женой внука не отдали. Мальчик не мог пойти против воли деда, но втайне ждал, что отец заберёт его. Не дождался, потерял отца во второй раз, получал от него только алименты. Когда умер Сталин, все вокруг плакали от горя,, вместе со всеми плакал и мальчик, уже подросток...

Если смотреть из тех лет, то возникает невольный вопрос: надо ли так громко и так долго разоблачать Сталина? Может, хватило бы признания несправедности судов, оказания помощи выжившим, поддержки семьям, потерявшим кормильца? Почему разразилось негодование, далеко не благородное, а обеляющее окружение вождя и прежде всего Хрущёва, — соучастников в организации репрессий? Им в первую очередь должно было быть стыдно за их общие ошибки. Призывы к покаянию — они к ним, а не к нынешней КПРФ.

Мне кажется, народ этот стыд принял на себя, не крича о нём. А как кричать? Если в Сталине видели великого вождя, поднявшего государство из руин, приведшего к победе в самой страшной из войн. О каком всенародном осуждении можно говорить? Было недоумение, смущение, страх, а на ком вина за все перекосы — один Бог знает.

Соседка по дому как-то в связи с нынешними безобразиями убеждённо проговорила: «Во времена Сталина правильно всех сажали, так и надо было. Мой отец служил в НКВД, я знаю». Что ей возразить? Приводить известные примеры невинно осуждённых — она им не верит, цифры сгинувших в лагерях (так и говорили о жертвах: сгинули) — они разноречивы, принимай на выбор — большую ли, меньшую... Детального-то разбора не было: кто какие приказы отдавал, кто исполнял. Да и непросто было доискаться, если донос рождался при дознании силовыми методами. Если доносчик оказывался в таком же бараке, на тех же нарах, что и пострадавший. Сегодня ты бросаешь людей за решётку, завтра бросят тебя — где жертва, где палач?.. Легче всего назначить конкретным виновником одного — уже никому не опасного, так ещё недавно горячо любимого вождя.

Или: как разделить жертвы политических репрессий и жертвы индустриализации? Людей объявляли врагами народа и отправляли на Север строить необходимый стране завод. Приходилось читать о том, что вербованные по договору, с подъёмными и зарплатами, разбежались, не выдерживая тяжёлых условий. Остаются они там, их участь была бы не на-

---

много лучше участи заключённых — те же бараки и не успевающая доставка продовольствия. Но свободные граждане могли растрвориться на просторах Отчизны — поди сыщи их. Другое дело бесправные заключённые, объявленные контрреволюционерами, вредителями, агентами иностранных разведок — их положено держать под стражей, как пленников, заставляя много работать и необязательно хорошо кормить. Жалеть — ни в коем случае! — это пособничество врагу.

Как известно, темпы строительства взлетели сразу, как только объекты индустрии были переданы в руки НКВД. Сколько там полегло, по каким статьям, можно ли точно подсчитать? Да и архивы могли подчистить — те, кто подписывал расстрельные приговоры, вряд ли спокойно спали и ничего не предпринимали.

Вспоминается «Железная дорога» Некрасова, «Как закалялась сталь» Островского, «Колымские рассказы» Шаламова — времена и мотивация разные, но цены заплачены одинаково дороге: людскими жизнями. Последнее жертвоприношение особое — во имя построения социализма в отдельно взятой стране. Вдумаемся: какой вызов был брошен миру, живущему по законам капитала! И он не собирался ждать, когда «отдельно взятая» встанет на ноги. Ей надо было торопиться. И будем помнить: мы до сих пор пользуемся плодами **такого** труда. Стало быть, причастны. Подвигов комсомольцев-добровольцев 60—70-х тоже, разумеется, принижать не надо. Но им было легче, у них уже была техника, и они находились не на положении рабов.

Прошлое требует взвешенного разбора всего массива — как документов, так и живых свидетельств, а не выхватывания противоречащих друг другу фактов для надобностей тех или иных политических сил.

Неразрешимый вопрос, встающий перед каждым днём Великой Победы: должен ли быть портрет Сталина во время парада на Красной площади? Дескать, врага победил народ, не жалея себя ни в боях, ни в трудах, заплатив к тому же и за ошибки Сталина, допущенные перед войной и в начале её. Значит, недостойн?

Да, народ платит всегда и за всё — тут не поспоришь. Но кто в час гибельной опасности объединил страну в единый кулак, убеждением и принуждением?

Свидетельств на этот счёт немало. Приведу только одно — мемуары маршала А.Е. Голованова «Дальняя, бомбардировочная», опубликованные в 2000-х годах, не доверять которым нет оснований. В них хорошо чувствуется время: описан и парализующий страх перед внезапным арестом, и общий

подъём духа, когда стало очевидным: делом победы непосредственно занят главный в стране человек. Отсылаю к книге Голованова тех, кому интересно, как формировалась Дальняя авиация, сыгравшая огромную роль в разгроме фашистов. Читатель узнает, почему каждый лётчик имел право, отбомбившись, докладывать по связи лично Сталину о выполнении задания, и поймёт, что «сталинские соколы» не красивая метафора, а отражение конкретного участия вождя в создании Дальней авиации.

В этих мемуарах меня поразило, как проводились совещания по разработке военных операций. Как Сталин своей железной волей напрягал маршалов на настоящие мозговые атаки. Вот этот бы опыт перенять нашим правителям при решении жизненно важных проблем! И потому считаю, нет вопроса, быть или не быть портрету Сталина на парадах 9 Мая — конечно быть.

Ещё одна раскольная тема — коллективизация. Её осмысление началось давно, усилилось в последние годы советской власти (вспомним «Кануны» В. Белова), но не было завершено из-за новой смуты. Камень преткновения не в одних способах хозяйствования — они могут быть разнообразны, а в их совпадении с более глубокими противоречиями в человеческом духе и бытии.

Начать надо с того, что большевики взяли на себя невиданную доселе задачу: переделать человека. Капитализм и социализм в чистом виде — системы абсолютно противоположные: капитализм — движение к себе, социализм — от себя, во имя общего блага. Природа человека содержит оба начала, у кого-то преобладает первое, у кого-то второе. Построение чистого социализма, причём в короткий срок, означало выкорчёвывание капитализма, а именно такой путь был выбран. По сути, утверждалась новая религия, взявшая из старой идеи равенства и справедливости, но без поклонения высшему началу и без учёта человеческой природы.

И Ленин, и Сталин считали крестьянина капиталистическим элементом — это общеизвестно. Он подлежал уничтожению. Но без хлеба жить нельзя, значит, крестьян надо было разделить — одних, кто согласен трудиться по-новому, оставить, других, кто не согласен, убрать с дороги.

...Когда я вижу, как некоторые дачники работают на своих участках, я всегда думаю: они бы ни за что не вступили в колхоз! Так болеть за каждое растение, переживать, как бы кто-то не сделал чего-то не так, самолично всё решать и контролировать! И я поняла: есть люди, которые не терпят ника-

---

кого вмешательства в их владение землёй. Может, это и есть религиозное отношение к земле?

И вот таким объявили коллективизацию. Другие как раз предпочли бы колхоз: сообща работать легче, особенно мало мощной семье, удобнее использовать технику, да и вообще интереснее. Но представим: истовому, самостоятельному крестьянину было велено объединиться с батраком, лодырем, пьяницей и вместе обрабатывать землю. Конечно, кто-то попадал в эту категорию по несчастью и при первой возможности становился на ноги — бывший батрак мог стать хозяином. Но есть люди, и их немало, согласные быть именно батраками, свободными от всякой социальной ответственности! У нас они зовутся бичами (ныне их потеснили гастарбайтеры), в других странах — сезонными рабочими.

Сплошная коллективизация в деревне, похоже, тот случай, когда целили в капиталиста-эксплуататора, а попали в крестьянина-труженика.

Очень быстро в коллективных хозяйствах завелись беды: выяснилось, что на своём приусадебном участке колхозник трудится усерднее, чем на общем поле, что наиболее сообразительные из неумех, демонстрируя преданность новой власти, пробираются в начальство и, не зная, не любя дела, начинают руководить. Что из этого выходило, расписывать не надо. А для власти в этот переломный момент (да и позже — привыкла!) нужнее были именно покорные, а не знающие! Кулак, естественно, сопротивлялся — ему было что терять. Известны крестьянские бунты той поры, и если бы деревня не ослабела после Первой мировой войны, ещё неизвестно, чем бы кончилось.

Тут надо вспомнить и Троцкого, у которого можно прочитать: трудовая масса должна быть управляема, легко перебрасываема в нужное место и т.д. То есть ставилась задача не только пролетаризации, но даже военизации трудовых масс. А как ещё можно было строить социализм, не имея никакого практического опыта? Видимо, большевики считали, что крестьян слишком много, и можно немалую часть переформатировать и пустить на подъём индустрии.

Эксперимент и есть эксперимент — и Ленин, и Троцкий, и Сталин начинали его вместе, потом разошлись. Ленин предпочёл ввести нэп. Но это выглядело даже тогда диким капитализмом, и страну могли растащить по концессиям. Сталин решил доказать, что социализм в отдельно взятой стране построить можно. И он был построен, и люди пошли на лишения, чтобы противостоять всему миру. Но крестьянская жила в крестьянской стране была подорвана. Что касается колхо-

---

зов, то стало правилом выжимать из них все соки: выполнил план — вот тебе дополнительное задание, надо прикрыть тех, кто плана не выполнил. Читала признание Сталина: мы в большом долгу перед крестьянством, но мы вернём этот долг. Не вернули, потому что это невозможно. Есть мнение: в войну колхозы были спасением. В тех чрезвычайных условиях — да. Но неизвестно, как бы мы жили, если бы единоличное сочеталось с коллективным и исконное крестьянство не было бы разорено.

Однако постепенные изменения в лучшую сторону всё же шли. К середине 60-х раскрепостили сельских жителей — они могли беспрепятственно покинуть деревню, колхозникам стали выдавать паспорта. Любопытный факт довелось вычитать в одной рукописи. Приведу его, хотя за достоверность поручиться не могу. Сразу после войны особо отличившимся воинам по указу Сталина выделялся кусок земли в пять гектаров, на единоличное хозяйство. Однако поднять эту землю отцу автора рукописи не пришлось: не дали нищие колхозники из зависти, да и у самого хозяина, израненного в боях да с малолетними детьми, не достало сил. К тому же всей семьёй пришлось лечиться от туберкулёза. Ничего из этой затеи не вышло.

Кто знает, продлись дни вождя, может, он бы и поправил курс, не распуская вожжей. Но это — из области предположений. Семена, заброшенные в 20—30-е, прорастали ещё долго, и пришедший после Сталина Хрущёв нанёс сельскому хозяйству новый удар.

Путь социализма был труден, но невзгоды преодолевались сообща и казались временными. Появился недостаток, каждый человек верил в себя и своё государство, которое способно дать каждому по справедливости самые необходимые блага. Не буду перечислять общеизвестное, это может подтвердить каждый на примере своей семьи. Приведу только одно наблюдение со стороны. Знакомая соотечественница из Австралии, дочь белого офицера, несколько раз посетила Россию. Навестила родственников. Делясь впечатлениями, отметила: «Они все живут в маленьких квартирках, небогато, но все получили высшее образование и даже по два. А я — не получила».

Мы всё никак не можем прийти в себя: почему мы так рухнули в 90-е годы? Ведь никто не сомневался в незыблемости строя, все работали на социализм. В моём окружении и в родне не было фарцовщиков. Когда-то я возразила Леониду Бородину, который рассказывал, что их подпольная организа-

---

ция (ВСХСОН) считала невозможным улучшить социализм в советском варианте — его можно только разрушить. Но миллионы людей именно улучшали социализм! Работали честно, боролись за качество на своих производствах, не боялись спорить с начальством, радовались, если что-то удавалось. Да ведь и в самом деле — удавалось, особенно когда заработал хозрасчёт. И вдруг всё проваливается на глазах, и никакого протеста! Мы пытались отстоять наше государственное книжное издательство, одно из успешных в Сибири, но руководители почему-то кинулись в кооперативы, создаваемые на теле издательства, завелась двойная бухгалтерия, коллектив раскололся, несогласные ушли и т.д. Всё было свёрнуто. Но это небольшое предприятие. А что наш доблестный рабочий класс? Почему он не встал стеной за свои заводы и фабрики? Как нам говорили югославы в годы натовской бомбёжки: вышел бы на улицы Москвы один миллион человек в знак протеста, и бомбёжки бы прекратились. Не вышел. И за себя не вышли, а могли бы выйти десятки миллионов. За социализм, давшийся дорогой ценой!

Я не согласна с теми, кто считает, что СССР был разрушен исключительно извне. Да, Запад не дремал, против страны социализма работали целые институты, верхушка соблазнилась — всё так. Что же, выходит, враги всё рассчитали и нас победили интеллектуально? А мы — как доверчивые дети?

Надо признать: мы были слишком самоуверенны и не хотели замечать признаков подступающей катастрофы. Взять хотя бы производительность труда, которая падала, но натягивалась до нужного показателя всякими правдами и неправдами. И многое, многое другое, о чём кричали умные аналитики. Не молчала и литература. О самом главном — убывании совести в человеке писал Распутин в повести «Деньги для Марии», опубликованной в 1967-м, в том же году закончил Вампилов пьесу «Утиная охота», в которой в образе главного героя предстала пугающая картина распада личности, а в образе его приятеля-официанта явился готовый новый русский из 90-х годов.

Но в ключевой момент сработала всё та же человеческая природа. Причём речь идёт не о природе хищника и хапуги — речь идёт о природе советского человека, воспитанного в бедности и не мечтавшего ни о яхтах, ни о виллах, ни о собственных заводах.

Средний советский класс, а он был уже многочисленным, мечтал о небольшом приработке к зарплате — всего лишь. Чтобы можно было скопить денег на кооперативную квартиру для взрослых детей, без натуги купить машину — для езды

на дачный огород! Мебель заменить, не гробя свой отпуск на авральной стройке в «дикой бригаде», наконец, чтобы не расставаться с любимой, но низкооплачиваемой работой. (Тогда было принято, если кто не знает, выбирать профессию по душе, а не по деньгам.)

Советский человек попался на ваучер, который и должен был осуществить эти чаянья: вложил в предприятие — получил акции — покапали денежки. И никому в голову не пришло, что прежде надо было, напротив, сброситься всем коллективом, дабы это предприятие сделать реально прибыльным и конкурентоспособным, а потом уже ждать от него дохода. Не было привычки трезво оценивать положение. Ну а дальше за дело взялись дельцы-махинаторы, в руки пошли большие деньги и, как точно выразился народ, у многих «снесло крышу».

Вот и случилось: не успев разобраться с недавним прошлым, мы оказались на новом распутье.

Помнится, Хрущёва называли политическим авантюристом, в том числе и за его обещание коммунизма через двадцать лет. Ну а те, кто пообещал капитализм, и не через двадцать лет, а прямо сейчас — кто они? Абсурдисты? Цирковые фокусники? Вместо «Даёшь коммунизм!» — «Даёшь капитализм!», вместо «Отдай все силы Родине!» — «Делай свой бизнес!» плюс лукавый совет: «Умей уходить от налогов — это мировая практика». Круто, круче некуда! Те, кто предлагал другой путь, были побеждены и забыты.

Если большевики грубо обрубили всё, что мешало им переделывать мир, то затянувшаяся на десятилетия шоковая терапия перестройщиков-либералов по излечению страны от социализма привела к таким новым болезням, что и средства против них не находится. Каждое новое лекарство грозит обернуться ядом. Заманивают молодёжь брать кредиты, потом придумывают «коллекторов» выбивать долги. Включается счётчик на манер бандитских, проценты взмывают в космос, должников прессуют чекистскими методами. Говорить можно всё, за это не сажают. Просто слушают только тех, кто ходит и говорит в ногу.

Прошедшие четверть века показали: с капитализмом у нас не заладилось. Кстати, не в первый раз — перечитайте Горького. Первоначальный капитал накапливается бешеными темпами, да только не вкладывается в Россию — невыгодно. Твердят об одном: коррупция не даёт ходу. Вот одолеем её, и всё пойдёт как надо.

Да не коррупция это вовсе! Просто на смену сплошной коллективизации пришла сплошная приватизация. Прива-

---

тизировано всё: от высокого чиновного кресла до скромной табуретки продавщицы в бутике. И даже, страшно сказать, пошарпанный стул иного вузовского преподавателя! (Надеюсь, понятно, что речь идёт не о мебели.) Не все, но очень многие делают на своём месте свой маленький или большой бизнес в зависимости от способностей и аппетита. И не стыдно — бизнес есть бизнес!

Удивительно сочетается с приватизацией раскулачивание. О, тут у нас опыт имеется! Каждый предприниматель знает: любая справка, согласование, разрешение выдаётся за деньги. Чиновник крепко усвоил народную мудрость: от трудов праведных не наживёшь палат каменных, и если у тебя коттедж и дорогая иномарка — плати, и это будет только справедливо. Так что в нашем случае в понятие «коррупция» заложена отнюдь не одна жажда наживы, а и в том числе давнее-давнее неуважение к частной собственности.

Однако под прицелом разного рода умельцев в добыче денег находятся не только предприниматели. Особое внимание к тем, кто имеет дело с государственными финансовыми потоками. «Пилить бюджет» стало весьма распространённым занятием. Это означает, что кто-то исхитрился приватизировать кресло вместе с чиновником!

Раньше, в СССР, всё было государственное, и если «кто-то кое-где у нас порой» крал, брал взятки, продвигался вверх «по благу» и проч., с этим всё-таки боролись. Теперь, по сути, ничего государственного не осталось, только вывески. Порядки и дух везде одни — рыночные. Вопрос: почему у руководителей госпредприятий зарплата в десять и более раз выше, чем у специалистов, непосредственно отвечающих за производство и качество продукции? Один этот разрыв сводит на нет весь смысл труда. Люди работают с убеждением, что им недоплачивают, и не стремятся к рекордам. Таких диких диспропорций свет ещё не видывал! На частном предприятии — хозяин барин, но на государственном — разве трудно контролировать? Или здесь зарплата — тоже коммерческая тайна? От кого, от государства? Работники-то всё равно знают, кто сколько получает.

Провозглашены равные законы для всех: и для государственных структур, и для частных, и для смешанных. Тогда чего вы хотите? Цели-то у них разные. Для частника главное — прибыль, и если дело перестанет приносить доход, он сменит профиль. Для государства главное — достижения, и в каких-то видах деятельности оно никогда не получит прибыли. Значит, они и жить должны по разным правилам. Разумеется, к прибыли и госпредприятие стремиться может, но не выходя

из логики своих порядков, не вступая в сделку с бизнесом. Эти сделки всегда непрозрачны.

В общем, пока отлажены схемы обогащения лишь для крупных чиновников и олигархов. Большинство остального населения живёт на крохи, на ходу приторговывая чем придётся, и доведено до того, что радуется санкциям Запада как манне небесной — хоть теперь-то на отечественное хозяйство обратят внимание!

На этом фоне всё чаще слышны призывы к патриотизму. Правильные призывы — границы между странами никто не отменял. И даже, напротив, появилось стремление их укреплять. А как можно что-либо укреплять и строить в Отечестве без любви к нему? Но возникает вопрос: кто более склонен к патриотизму в России? Крупный бизнесмен или мелкий предприниматель, едва сводящий концы с концами, или тот, кто живёт по старинке на одну зарплату? Ходить к гадалке не надо, стоит только представить патриота-миллиардера, вывозящего свои капиталы за границу и там же приобретающего недвижимость... Так что же получается: богатым — деньги, бедным в утешение — любовь к Родине? Безответная.

Рыночные дрожжи явно не торопятся поднимать нашу экономику.

Кажется, мы недооценили собственного опыта. Всё прошедшее столетие мир менялся, в том числе и с учётом достижений социализма. Вполне логично в результате соревнования двух систем появление третьей, а может, и четвёртой, или пятой — сообразно особенностям каждой страны. Мы же по привычке бросились за умом в Европу, не обратив внимания, что она клонится к закату — а Шпенглер предсказывал, ещё в 1918 году! Не приняли всерьёз и Бодрийяра, в 1970-м разглядевшего призрачность ценностей общества потребления...

А вот ещё из литературы — может, как раз подойдёт? «Бизнес в стиле фанк», книга шведских профессоров Нордстрема и Риддерстрале, начало 2000-х. Она о том, как добиться успеха в эпоху победившего капитализма.

Нужен фанки-бизнес, непредсказуемый и фантастический! Человек в свободном мире утратил все скрепы, считают авторы, его ничто не держит: ни религия, ни мораль, ни государство, ни семья. Искать своё призвание, долго и упорно идти к цели — зачем? Нормальность — дорога в никуда. Главное — быстро нащупать свою нишу, стать (хотя бы на короткое время) монополистом в каком-нибудь деле и сорвать куш. Придумайте такое, чего ещё не придумал никто, в какой сфере — не важно. Результат будет проставлен в вашем

банковском счёте. Заставьте капитал плясать под дудку вашего таланта! Шевелитесь быстро, начинайте шевелиться прямо сейчас!..

Цель, в сущности, проста: создать уникальный продукт и суметь продать его раньше других. Какой, кому, зачем — вопросы не первого ряда. Но всем ли это интересно?.. Брожения, начавшиеся на наших глазах в Америке и Европе, явно не в пользу капитализма-глобализма. Не станем ли мы свидетелями нового возвращения масс на арену истории?..

В поисках новых путей современные российские идеологи почему-то обходят опыт мыслителей Русского Зарубежья. Тех кто, покинув Россию в 20-х годах XX века и, предвидя конец большевизма, не переставали думать о её возрождении, вырабатывать идеи будущего устройства страны. Взять, к примеру, избирательную систему, где мы неустанно боремся с подтасовками.

Почему бы не вынести на широкое обсуждение цикл статей И.А. Ильина 1951 года: «Какие же выборы нужны России»? Вот что он пишет в 3-й статье: «Выборы должны быть разделены на *небольшие участки*, где все друг друга знают и где социально-негодные элементы столь же хорошо известны всем, сколь и социально-ценные и почтенные люди... Принципиально в отборе лучших должны участвовать *две стороны* — народ и правительство». Обе стороны, по мысли Ильина, предлагая своих кандидатов, одобряя или не одобряя чужих, должны конкурировать друг с другом и проверять друг друга «в выделении *подлинно достойных людей*».

«Невозможно и губительно, — считает философ, — переносить нам из Западной Европы идею противогосударственного «спорта в политике», идею частно-заинтересованной толкотни вокруг государственного дела, идею классовой борьбы, всегда чреватой гражданской войною... Нет, России нужно совсем иное: *организованная ставка на качество*» (курсив мой).

Предложения прописаны в деталях, и не только на тему выборов. Ильин даёт своё видение пути духовного обновления России, размышляет о её грядущей культуре и о многом другом. Неужели ничего нельзя извлечь из этих запасов, сделанных впрямь мыслителем-патриотом?

Но мы продолжаем выбирать того, кого не знаем, мы голосуем за обещания, которые не будут исполнены, а что касается ставки на качество — об этом лучше помолчать. О качестве речь заходит лишь при заведении уголовных дел в связи с крупными хищениями и катастрофами.

Мы живём в эпоху модерна, перетекающего в постмодерн с его хаосом и непредсказуемостью. Эксперимент с тех самых революционных времён стал признаком прогресса. И чаще выбирается путь противоположный представлению о человеке как об образе Божиим. В культуре навязывается так называемое современное искусство — антиискусство по своей сути.

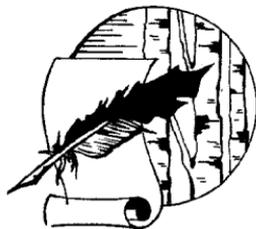
Консерваторов теснят и теснят в западном мире. Впечатление, что идеология здравого смысла скоро будет запрещена конституционно. Такова реальность на сегодня.

И что же будет?..

Смута пока не завершилась и даже грозит новым витком: приближается год выборов президента России. Гонка уже началась. Не надо удивляться тому, что народ не спешит включаться в предвыборные схватки: у него есть обоснованные опасения стать заложником новых авантюристов, которые лихо разоблачают нынешнюю власть, щедро обещая разом исправить все недостатки. Вот только на государственном поприще они себя ничем не проявили.

История предыдущего столетия говорит о том, что выправление путей России — дело многотрудное, требует упорной повседневной работы и взвешенных решений. И может, главное на сегодня испытание — испытание собственной историей. Необходимо посмотреть ей в глаза честно и прямо и выдержать её ответный взгляд. Необходимо признать все потери и не отдать ни одной победы.

Без вразумительных, соборно добытых ответов на вопросы прошлого, взывающего прежде всего к совести, не построить ни настоящего, ни будущего.

СТИХИ ПОЭТОВ ДОНБАССА

Андрей ШТАЛЬ

ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА АПОКАЛИПСИСА

Можешь губы кусать, но иди и смотри:
Бог срывает печати, а слёз больше нет,
И по кромке последней Донецкой зари
Мчится всадник на огненно-рыжем коне.

Здесь вчера побывали Антихрист с Чумой,
Зря ль кровавые мальчики ходят вокруг?
Здесь трясется в полынной степи гумконвой,
Как трясутся костлявые руки старух.

Эти мертвое время, и голод, и плач
По твоей ли, а может, по общей вине?
Вслед за рыжим уже отправляется вскачь
Черный всадник на чёрном-пречёрном коне.

По сердцам человечьим елозит вражда,
Зреет в стынувших ранах холодная месть.
Остается немного совсем подождать
Будет всадник последний, а там уже — Смерть.

ИДЕЯ НАЦИИ

Идея нации великой не нова,
Журба народная от этого острей.
Уже запущены репрессий жернова,
Родятся фюреры и строят новый рейх.

Зигуют мальчишки, планета пишет круг
Под вспышки молнии, под грохоты войны
И грешным делом натывается на крюк,
На волчий крюк — арийский символ Сатаны.

Идея нации (похоже, дело швах),
Как львовский мусор расползлась по всей стране:
На флагах, стенах, у юнцов на рукавах
Нас ловит крюк: «Иди ко мне!» И дико мне.

РЕШИЛИ СОВМЕСТИТЬ

Как уголь ископаемый пластами
Под сердцем — скорбь, кручина и вина.
Лишь час езды, и там, за блокпостами,
Мгновенно возвращается война.

А здесь гопак и люди в «вышиванках»,
Из Киева приехавший артист,
И девочка, раздавленная танком,
И странный «бытовой сепаратизм».

Кому обстрелы, а кому — колядки!
Увы! Реальность наша такова:
Мир крайне неустойчивый и шаткий,
Аресты, но сначала — торжества!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Нам в зоне пропуска проверяют паспорта.
Успеть бы вырваться, здесь ночью горячо.
В степи бескрайней зимний ветер заплутал.
Ему ни мины, ни растяжки нипочем.

Господь повсюду белый саван постелил,
Земля мертва, но наши ангелы не спят.
Луна как беженка ползет вокруг Земли,
И мы ползем и возвращаемся назад.

г. Краматорск (оккупированный ВСУ)

МОЛИТВА

Услышь нас, Господи, мы — живы,
пошли на землю свой конвой
гуманитарный. Тянет жилы
сирены вой и ветра вой...

Поверь нам, Господи, мы — люди.
В братоубийственной войне
за всех солдат молиться будем,
на той и этой стороне.

Прости нас, Господи, мы серы
и сиры в глупости своей.
В родной земле греша без меры,
мы просим процветанья ей...

Спаси нас, Господи, мы слабы:
от минометного огня,
стрельбы и ненасытных «градов»,
мы сами не спасем себя...

Спасибо, Господи, мы живы...

* * *

Когда закончится война,
я упаду ничком на землю.
Пусть зарыдают в проводах
ветра — я больше не приемлю

испуга в солнечных глазах
бинтованных крест-накрест окон.
Теперь пусть радует гроза
оранжевым разрядом тока.

Пускай тяжелые идут
машины по вечерней трассе.
Мы забываем про войну —
их гул не страшен, не опасен...

Мы забываем о войне,
мы забываем, забываем...

О жесткой танковой броне,
о беженцах в июне-мае,

о развороченных телах
на площади кровавом блюде
и о безжалостных словах —
должны забыть... но не забудем.

* * *

Лечь в траву и закрыть глаза.
Вжаться раной открытой в почву.
Снились алые паруса.
Оказалось — земля кровоточит.

Тих Господь... Только он с креста
видел мир без прикрас и фальши.
Ветер укусом жег уста,
шли иуды победным маршем.

Сквозь меня прорастет трава.
Мир с войною в хмельном застолье.
Мы теряем в бою слова,
чтоб разлиться немую болью...

г. Краснодар, ЛНР

Василий ТОЛСТОУС

ПОСЛЕ ВОЙНЫ

История не пишется с улыбкой —
она скользит над реками из слёз.
Ушедших войн заржавленной ошибкой
она застыла в поле у берёз.
Упрямый ветер, время распыляя,
переноса по свету тишину,
спадёт, когда от края и до края
переметёт барханами войну,
а из земли, с недавних пор безлюдной,
опять пробьются клейкие ростки.

Стремиться к солнцу беспредельно трудно,
и вниз — корням, осколкам вопреки.
Летучий пепел, путник вездесущий,
и медной гильзы прозелень в земле,
уже не знают, что такое души,
скрывая кости белые в золе...

г. Макеевка, ДНР

Владимир СПЕКТОР

* * *

Суровый Бог деталей подсказывает: «Поздно».
Уже чужое эхо вибрирует во снах,
Где взрывы — это грозы, а слёзы — это звёзды,
И где подбитый страхом, чужой трепещет флаг.

Суровый Бог деталей оценит перемены,
Чтоб нам воздать детально за правду и враньё,
Чтоб нам сердца любовью наполнить внутривенно,
Чтоб излечить от злобы Отечество моё.

* * *

Нет ни зависти, ни злости
Ни злорадства, ни вражды...
Вперемешку на погосте —
Москали, хохлы, жидаы...

Годы мчатся, как в насмешку.
Вновь друг другу не милы
Те, кто гибнут вперемешку —
Москали, жидаы, хохлы.

Не поймут, в чём виноваты,
Память множа на нули,
Не узнав в прицеле брата,
Хохло-жидо-москали.

г. Луганск, ЛНР

НЕ АЛЕППО...

Снова грохочут пушки,
И назавтра могилы в ряд,
Но летают в Сирии «сушки»
И воюет в Сирии брат.

Скажи мне, в совести узкий,
Сирийский твой брат Башар
Наверно, более русский,
Чем Арсений или Захар?

Вопрос задавать нелепо,
Коль известен давно ответ.
Макеевка — не Алеппо,
В Макеевке нефти нет...

МИНСК-2

Что недавно казалось адом,
Стало будничным в этот год:
Засыпаю под канонаду,
Просыпаюсь под пулемёт.

И будильник — простой довесок,
Отмирающий мирный быт:
В пять ударит укроп из Песок,
В шесть «ответка» к нему летит.

В восемь — лучше бы уши ватой...
Кто живой и не идиот:
В восемь лупят в Ясиноватой —
Фифти-фифти прилёт-улёт...

Так, на радость заморским гадам
Не познаша свой своего.
...А сегодня — упало рядом.
Перемирие, мать его...

г. Макеевка, ДНР

Иван НЕЧИПОРУК

* * *

Ни к чему печаль и вздохи
На окраинах войны,
Где не знают тишины,
Где заложники эпохи
Виноваты без вины.

Жатва злобы и злословья,
Неприязни во сто крат.
В чёрном небе дым и смрад...
Смотрит в душу исподлобья
С дикой ненавистью брат.

* * *

Мы раньше срока поседели,
Бессонницу войны кляня.
Здесь даже городские ели
Познали пагубность шрапнели,
Жестокосердие огня.

И горожане-фаталисты
Живут, но помнят каждый час,
Что ангел смерти бродит близко...
И где-то там артиллеристы,
Прицельно думают о нас.

г. Горловка, ДНР

Елизавета ХАПЛАНОВА

ВОЙНЫ ВАЛЮТА

Памяти Арсения Павлова (Моторолы)

Наша Жизнь — войны валюта.
С ней играетс я иуда,
Ценность понижая круто —
До немислимы х границ.

А на небе кружит ворон —
Вдовы воют дружным хором...
Проросли гнилые зёрна —
И взрастили... аушвиц.

Меньше нас ещё на брата —
Покидают мир комбаты...
Там — парады. Здесь — награды
лягут холодом на грудь.
В люльке — сын, малышка — дочка
Не помашут вслед платочком...
Роковой осенней ночью
Отбыл он в последний путь.

Кривоногая с косою
На Донбасс идёт войною.
И, рядком могилы роя,
На крови играет пир.
Над земной непрочной твердью
Кто-то яро крутит вертел,
Чтоб обрёл своё бессмертье
Рядовой и командир.

ПУСТЬ БУДЕТ ПУТЬ...

Я не прошу у жизни много.
Всё, что положено, приму.
Пусть будет Путь — и та дорога
Не заведёт людей во тьму.

Пусть будут долгие прощанья
Гарантом долгожданных встреч.
Пусть Ангел чаще навещает
И помогает Мир сберечь.

И если есть в копилке судеб
Мне предназначенный Урок,
Среди крови и словоблудья
Останусь той, что, видит Бог,

Не ждёт даров на белом блюде,
Не ищет славы и корон, —
Останусь той, что служит людям
Строкой, горящей у икон...

Останусь долгим-долгим стоном
Моей истерзанной земли...
Свечой, зажженной на каноне
За всех, что мы не сберегли...

г. Макеевка, ДНР

Виктор ПОЛУПАН

* * *

Так тихо
    лишь бывает
        перед боем,
так страшно
    лишь бывает
        пред бедой.
Мы привыкаем нынче
        к перебоям
со сном своим,
    с едою
        и с водой,
к тому,
    что дым стоит
        до горизонта
и весь Донбасс
        как будто рядовой,
что каждый дом наш —
        линию фронта,
что и в тылу мы
        на
        передовой,
и мы стоим,
        как будто бы на страже
земли,
    что нам
        с рожденья дорога.
Гражданские —
        мы без оружия даже
опасность представляем
        для врага.
Что с каждым артобстрелом
        убывает

народ
и слышен смерти резонанс,
что враг жестокий,
если убивает
не только нашу память,
но и нас.

Так тихо
лишь бывает
перед боем.

И больно,
коль теряются
друзья.

Мы привыкаем нынче
к перебоям,
к которым и привыкнуть-то
нельзя.

г. Горловка, ДНР

Владимир КАРЛОВ

* * *

Пора отсеяться давно,
Но, сна и отдыха не зная,
С тревогой видим мы одно —
Три года длится посевная.
Кряхтя, земную пахут твердь
Разнокалиберные бочки,
И торопливо сеют смерть
Зерном свинцовым пулестрочки.
Кому-то символы войны,
Кому-то символы свободы,
В полях истерзанных видны
Стальных штыков шальные всходы.
В верхах всё делится земля,
Низы же сонмом поколений
Вот в эти самые поля,
Ложатся в виде удобрений.

г. Дзержинск (оккупированный ВСУ)

Анна ВЕЧКАСОВА

* * *

До боли сжимаю руки.
В окно проревел раскат.
Сканирую кожей звуки:
гроза, «ураганы», «град»?..

И вновь задрожали стены.
Диспетчер дает добро.
Летим, не включив сирены,
там — раненая в бедро.

Она родилась в рубашке.
Везем её через дым
с бессменным шофером Сашкой,
что стал мне почти родным.

* * *

Возможно, забуду не скоро я:
смертельной объят пеленой
мой город. Осталась «скорая»
у края передовой.

В застывшем безводном мареве
работали за троих.
Смотрели ночами в зарево,
не ведая: кто и чьих...

Последние силы изношены
И думали — смерть обойдет.
Убитый. И ранена. Брошены?
Кто помнит — меня поймет

г. Краснодон, ЛНР

Екатерина РОМАЩУК

* * *

Остановите землю — я сойду,
В дурдоме смерти потеряв рассудок.
На Украине нынче как в аду,
Где чтобы выжить — нужно стать Иудой.

Защиты рты у тех, кто выбрал рай.
Их жизни сломлены, а ноги перебиты.
Нажмите «паузу» — пусть кончится игра,
Придуманная дьявольскою свитой.

Остановите кто-нибудь войну,
Её абсурдность перешла границы!
А если «нет»... то дайте я засну
И пусть мне прежний мир хотя бы снится.

* * *

Мой город охрип от молитв,
Мой город оглох от бомбёжек,
Мой город сегодня безлик...
Прошу, защити его, Боже!

Голодный, как брошенный пёс,
И часто дрожит от озноба.
Мой город, уставший от слёз,
Ещё уповает на Бога.

Калека, бессильный на вид,
Но тлеет в нём дух поколений.
Мой город стоит на крови...
За то, что не стал на колени.

ГЕРОИ НОВОРОССИИ

Не смолкают грохоты орудий
(По окраинам ступает смерти тень).
Мирные почти не гибнут люди,
Но герои гибнут каждый день.

Их имен не прочитаешь в сводках
(О таких потерях не кричат),
Мальчигов, живущих под наводкой,
Перемирие несущих на плечах.

И опять на рубежах — раскаты
(Ополченцы город не сдают).
Наступает враг, что звался братом,
В небе вспышки — траура салют.

Для кого-то день последним будет,
Но об этом не прочтёшь нигде...
Мирные почти не гибнут люди,
Но герои гибнут каждый день.

---

* * *

Опять звонила маме «на границу»
(Они с отцом близ Зайцева живут).
Им днём покоя нет, и в ночь не спится,
Ведь где-то рядом миномёты бьют.
Опять сжимаю трубку телефона,
А взгляд мой устремлён куда-то вдаль.
Смеётся мама: «Держим оборону!»,
Но чувствуется в голосе печаль.
«Сегодня солнце. В огород бы, дочка,
Но сильно бьют.. Отложим на потом.
Наверное, «весёлой» будет ночка,
Дай Бог, чтоб не попали только в дом...»
А сердце разрывается на части,
Ведь где-то там идет борьба за жизнь.
«Поверь мне, мама, мы дождёмся счастья
Жить без войны! Ты, главное, держись!..»

г. Горловка, ДНР

Константин КОВАЛЬ

ДЕТЯМ ГОРОДА ДЗЕРЖИНСКА

Вы превратились в однодневных мотыльков,
Живущих мимолетным настоящим,
Познавших холод ночи и огонь,
Не творческий и жизни не щадящий.

Не в лампах он горит, не в фонарях,
И ладанным теплом во тьме не дышит,
Но сеет разрушение и страх,
Когда летит из гаубиц на крыши.

Не звездами очерчен потолок,
Убежище в осколочных раненьях.
Дождется ли рассвета мотылек,
Молящийся в подвале о спасенье?..

г. Дзержинск (оккупированный ВСУ)

Всеволод ТРОИЦКИЙ,
доктор филологических наук,
Заслуженный деятель науки РФ

ВОССТАНОВИТЬ РАЗРУШЕННОЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ!

Более полстолетия назад крупнейший специалист по военно-морской технике США вице-адмирал Г.Дж. Риквер заявил: «Серьёзность вызова, брошенного нам Советским Союзом, состоит не в том, что он сильнее нас в военном отношении, а в том, что он угрожает нам системой образования». Эта система образования включала лучшее из наследия до-революционной школы России, достижения советской педагогической науки и известные издержки идеологического характера в части духовной и политической.

Тогда же верховный советник по делам образования США Морис Стерлинг, оценивая гуманитарные достижения советской школы, писал: «Тот, кто полагает, что великая поэзия или знание классической литературы не являются существенными не только для качества, но и для жизнеспособности нации и её культуры, пренебрегает уроками прошлого».

С тех пор с нашей школой ведётся открытая и тайная война.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В своё время Отто фон Бисмарк сказал: «Русских невозможно победить, мы убедились в этом за сотни лет. Но русским можно привить лживые ценности, и тогда они победят сами себя...» Это и положили в основу своего плана руководители «реформ разрушения», негласные агенты организации катастроф и высокие чиновники, послушно действующие по их указке. Их целью было уничтожение **системы образования** России посредством его реформирования.

Основное направление ведущейся с нами сегодня информационной войны — борьба с русским языком и русской культурой. То есть с тем, что столетия прочно объединяло Россию и служило основой сплочения её народов. Эта борьба ведётся открыто и откровенно, и почему-то официально не признаётся, что она, по существу, является государственным преступлением.

Основные усилия разрушителей были направлены на **словесность**. Ибо слово — не только средство общения, но необходимое условие нормального бытия человека и народа, среда социокультурного и духовного обитания, средство образования, науки и культуры, наконец — памятник культуры.

Слово не только сосредоточенный вещественный и духовный опыт и ключ к этому опыту, но выраженная мысль, образ, соответствующий дух и духовная энергия, способ и форма телесно-духовной жизни, средство богообщения, орудие освоения материального мира и духовной действительности, школа мысли и средство образования и воспитания.

Слово создаёт предпосылки формирования и становления личности, гражданина, обеспечивает нормальное бытие народа, духовно-историческое единство и связь поколений, объединение, созидание и укрепление многонациональной России, составляет необходимое условие безопасности страны.

Все эти свойства слова и словесности (за немногими исключениями) были по преимуществу учтены в **системе изучения словесности** в школе в период её наивысшего развития в XX веке (конец 40-х — 60-е гг.). Эту **систему** и уничтожали реформаторы-разрушители.

Всякая **система** имеет свою основу, свои главные и второстепенные, однако же нужные для полноты составляющие; есть и такие которые необходимы для ошущения предмета в целом, но не входят в пристально изучаемую его часть. Этих составляющих осваивающее сознание только касается. Но они обязательны для правильной ориентации, для грамотной полноты представлений. Филологическое образование до перестройки являло собой именно такую **научно-методическую систему**. Она и была разрушена «реформаторами». И это-

---

го (увы!) не понимают даже иные из тех, кто желает исправить положение с филологией в школе.

Немалое значение имела система учреждений для обеспечения подготовки и переподготовки кадров школьных филологов. С неё и начали «преобразования». «Перестройщики», несмотря на протесты видных учёных, под давлением «агентов влияния» ликвидировали министерский Отдел русского языка, проводивший огромную работу по распространению и возвышению его культурной роли на всём геополитическом пространстве, представляющем интересы России. Постепенно прекратилась работа созданных некогда советов по русскому языку. Так была практически уничтожена созидательная языковая политика в государстве, в котором объединяющая, скрепляющая роль языка — чрезвычайна.

В Год русского языка (2007) литература усилиями начальствующих разрушителей отечественного образования была выведена за рамки предметов, требующих итоговой оценки, а в марте 2008 года ИТАР ТАСС объявило, что литература исключена из списка предметов, непременно проверяемых на выпускных экзаменах.

Реформаторы не внесли ровно ничего ценного и полезного в изучение родной словесности. Но их незримый «мозговой центр» был направлен на разрушение «до основания». С этой целью в течение последних десятилетий последовательно и организовано ослаблялась и уничтожалась существовавшая ранее система методических служб и учреждений повышения научного и методического уровня учителей. Сначала — на местах (порайонно), а затем и в государственных масштабах. Методы такого разрушения известны: это прежде всего — ликвидация предметных кафедр, сокращение штатов, «организованное объединение» подразделений, сокращение финансирования, перевод на «самоокупаемость.» И всё это при несусветной нагрузке и униженном положении учителей перед любым администратором, чиновником, поставленным ныне над ними «свыше». Добрались и до Академии повышения квалификации и переподготовки работников образования. И уж, конечно, прежде всего искорёжили и лишили прежних возможностей кафедру повышения квалификации учителей-словесников. Это произошло **недавно**, на очередном «витке» разнообразных «дискуссий» и мероприятий, снижающих уровень изучения словесности в школе... Радуйтесь, недруги России и её предатели: разрушение продолжается!..

Нормальное изучение русского языка в средней школе включает:

---

1) формирование первоначального представления о сущности слова (языка) и достоинствах родной речи;

2) достижение норм орфографической и пунктуационной грамотности;

3) овладение ясным и точным смыслом слов (запасом слов), необходимых для нормальной жизнедеятельности, здорового мировосприятия и культурного развития современного человека;

4) формирование устного и письменного владения родным словом на уровне, обеспечивающем возможность самообразования и нормального культурного развития.

5) воспитание любви к родному языку.

Решение этих задач было в целом достигнуто в XX веке, в период расцвета образования. Ныне преподавание языка подменено формальным и механическим, часто обесмысленным, ознакомлением с основами орфографии и пунктуации. В рамках программы школьники лишены возможности познавать богатство содержания и смыслов русской речи. За формализацией обучения и тестово-дрессировочными методами «освоения» родного языка — следует естественная скука и нелюбовь к родному слову. Наверное, чиновники от образования, послушные незримому «мозговому центру» разрушения, стараются, чтобы так и было. Например, из прежних программ средней школы, на определённом этапе, как известно, были выброшены такие разделы (вдумайтесь!): «Богатство, красота, выразительность русского языка», «Роль церковнославянского языка в развитии русского языка», «Однокоренные слова», «Этимологические словари русского языка», «Основные толковые словари русского языка», «Принципы русской орфографии», «Орфографические словари» и т.п.

Ныне иные школьные «специалисты» не в состоянии верно оценить в целом, что обязана дать школа учащемуся при овладении родным языком. Обучение родному слову будет правильным, если круг слов-понятий, имеющихся в осваиваемых текстах, полноценно отражает неущербную, целостную картину мира, по уровню содержания доступную и необходимую для полноценного мировосприятия учащемуся средней школы. Этот запас слов составляет основополагающий и необходимый для общего развития материал и включает основные представления, без которых нельзя сложить первоначальное мировоззрение, то есть целостный образ мира и систему стратегических к нему отношений (в объёме и на уровне, необходимом для нормального развития современного полноценного человека). Таким минимальным для шко-

---

лы объёмом необходимой лексики современная школа не обеспечена. Учащийся, таким образом, не может полноценно сформироваться в лоне языка и культуры своего народа и обрести на языковой основе необходимый потенциал духовно-нравственного, национально-государственного и патристического самосознания.

Идеологи «реформ» ставили первой задачей лишить школу базового материала, на который опирается изучение словесности. С развёртыванием реформирования началось «выдавливание» из школьных программ русской классики. Это отмечалось во многих публикациях, в частности, — в статье академика РАО Ю.Г. Круглова (2008 г.) сказано, что «всяческими способами (и прежде всего — финансами) поддерживаемые инновации, активно внедряемые в учебный процесс, уничтожают существующую уже два столетия плодотворную традицию в школе... Суть же этих «экспериментов» в российских условиях — вытеснить из литературного образования основополагающую для школы классическую русскую литературу».

Первый этап уничтожения системы филологического образования был облечён в форму *стандартизации*. Программы полноценной средней школы были сокращены, дефрагментированы, заменены *стандартами*, определяющими **минимум** содержания, лишёнными должной системности, научного освещения предмета и содержащими методические схемы, обесмысливающие или затрудняющие элементарную логику их восприятия.

Словесность в школе «сократили» и по содержанию и по количеству учебных часов под стать программам школы колониальной страны, сократили так, чтобы народ (в массе) не владел свободно русским литературным языком, как это по преимуществу было в лучшие для школы годы XX века. Сократили так, чтобы у окончивших школу не могло сформироваться должного для свободного человека запаса культурной памяти в виде знания традиционного объёма произведений русской классики, того «школьного литературного канона», который был «не вся классика, но ворота в неё» (А.В. Фёдоров). Ведь только это и может обеспечить знание литературного языка и связь со старшими поколениями, с культурой и историей своей Родины... Но одновременно увеличили количество часов и программы по английскому и другим иностранным языкам. А совсем недавно сделали второй иностранный язык обязательным. Стоит ли этому удивляться, если в действующем Федеральном государственном образовательном стандарте заявлена установка на билингвизм (дву-

---

язычие) ?! Всё это в целом, если исходить из нынешних задач и интересов школы независимой державы, — очевидно антипатриотично, противоречит интересам государства, формированию национального культурного сознания, здоровому органическому развитию личности и бережному отношению к традиционным духовным ценностям нации.

Проведённые «мероприятия» привели к денационализации школьных программ. Была подорвана и повреждена их научная и воспитательная содержательность. Так осуществлялось злостное обеднение преподавания целеполагающих дисциплин, формирующих личность и питающих здоровое мировоззрение школьников, возросшее на почве отечественной культуры. Школа практически отошла от принципов научности, системности и целостности изложения учебных дисциплин, определявших изучение предметов в государственной системе образования России XX века.

Современные стандарты по предметам «русский язык» и «литература» для массовой средней школы вследствие организованный их ущербности — практически непригодны для обучения, имеющего целью *полноценное* среднее образование независимой державы. Большая часть молодёжи (в том числе учащейся) уже не владеет русским языком на культуруобеспечивающем уровне, а значительная часть, оканчивая школу, не умеет грамотно выразить свои мысли.

Ни для кого не секрет, что за этими «успехами» разрушителей стоят финансы Всемирного банка и иезуитская деятельность Высшей школы экономики.

Задача школы в России сегодня состоит в том, чтобы **восстановить школьное преподавание филологии на научной основе** (с возвращением утраченного содержания) и на время реабилитации значительно увеличить против прежнего, бывшего до «реформ», количество учебных часов. Требуется решительная смена обеднённых и изуродованных за время реформ школьных стандартов и вузовских программ — стандартами и программами, **соответствующими уровню школы независимой державы**. Необходим решительный поворот от ориентации школы на воспитание человека с потребительским, обыденным сознанием к воспитанию человека-созидателя, исполненного чувства гражданской ответственности и патриотизма.

Проведённые и до сего времени проводимые «реформы» фактически определили навязанные ими разрушительные установки в преподавании и преподнесении дисциплин.

Это:

-
- 1) отказ от принципа научности и историзма;
  - 2) отказ от освоения основополагающих научных понятий;
  - 3) обеднение и примитивизация материала, лежащего в основе изучения;
  - 4) нигилистическое отношение ко многим ценным педагогическим традициям;
  - 5) игнорирование иных плодотворных принципов дидактики и методики преподавания и др.

Реформы знаменовали во многом переход на дрессировку и приобретение «компетенций» **вместо** знаний, на «раскультирование» школы, на привитие слепого исполнительства и повиновения вместо приобретения рассудительного и творческого подхода и утверждения человеческого достоинства и радости созидательного служения народу, государству, Богу, на прагматизацию целей образования и практический отказ от его воспитательной составляющей.

В итоге «реформ»

- 1) разрушена высококачественная научная и методическая система школьного изучения словесности;
- 2) повреждены и во многом практически утрачены плодотворные методы традиционного научно и педагогически обоснованного обучения грамоте;
- 3) недопустимо обеднено содержание осваиваемой лексики, необходимой для нормальной жизнедеятельности и здорового языкового мироощущения;
- 4) губительно сокращено количество текстов классики, на которых только и можно утвердить знание литературного языка и основ культуры;
- 5) выведена за рамки активного изучения языка в школе коренная задача — овладение ясным и точным смыслом слов, оттенками их значений; практически исчезли как жанр уроки развития речи;
- 6) изъята, а затем фактически заменена суррогатом основная форма обучения письменной речи — сочинение;
- 7) значительно сужена сфера получаемых знаний: системное изучение предмета подменено формированием механических навыков для выполнения типовых «дрессировочных» заданий по предлагаемым моделям;
- 8) неосновательно и вредительно сокращено количество учебных часов по русскому языку и литературе;
- 9) большинство новых учебников и пособий не выдерживают сравнения с прежними ни с научной, ни с методической стороны, но активно внедряются через систему «организованного» рецензирования;

---

10) практически не учитывается тяжелейшее современное состояние языковой и культурной среды, испытавшей с 90-х годов XX века катастрофические изменения.

Разрушение было начато официальным **включением механизма развала**. Введение инноваций (новшеств без традиций. — В.Т.) согласно концептуальному докладу Э.Днепровца «Развитие образования в России» (1992 г.) *«становится предметом систематической и целенаправленной деятельности, а сами инновации выступают как ведущий фактор развития образования»* (выделено мной. — В.Т.). Так узаконивалась непрерывная смена «установок», практически изживались достижения педагогических наук и богатого опыта отечественного просвещения, плодотворный консерватизм, необходимая преемственность. Это на деле привело к отрыву от традиций, составляющих существенный и отличительный признак всякой здоровой системы образования. Провозглашённая же «свобода и плюрализм в образовании» мыслились как свобода вне идеологии, целей и задач государственной школы, утверждающейся на основе национально-государственных задач.

Вторым рычагом «механизма развала» стали абстрактно толкуемые идеи «общегосударственных ценностей, жизни и здоровья человека, свободного развития личности», внедрение в образование идей плюрализма. При этом отсутствовало определение целей образования, осознание связей личности и народа, личности и государства, а свободное развитие утверждалось на основе плюрализма и общечеловеческих ценностей, нигде не подкреплённых научно определёнными основополагающими понятиями...

Третьим рычагом разрушения стала декларируемая в докладе ориентация на «обязательный минимум содержания основных образовательных программ». В докладе не были определены основные цели нормальной системы образования, а именно: приобретение знаний, навыков и начального опыта в областях фундаментальных школьных предметов, которые по уровню и полноте были бы достаточны для целостного и достоверного представления о них.

Академик Б.В. Раушенбах, признавая первенство российской системы образования, остерегал «от всяких экспериментов и перемен», которые могут только её ухудшить.

Академик И.В. Арнольд после рассмотрения им в 2002 г. новых документов и стандартов школьного образования заметил, что Франция, например, перешла недавно от 5% ВВП до 7% затрат на науку и образование. Россия же, напротив, **сократила свои расходы** (за 10 лет примерно в 10 раз) на на-

---

уку, и так оценил положение: «Угроза наступления века невежества кажется совершенно реальной...»

Всё это вполне согласуется с «большой политикой разрушения». Неслучайно же и ныне влиятельный бывший госсекретарь США Г.Киссенджер заявил в 2004 г.: «Существование науки в государствах, недружественных США, рассматривается как стратегическая угроза США».

Четвёртым рычагом разрушения государственного образования в России стало указание на составление программ, основанных на усвоении «подлинной гуманистической культуры, несущей идеалы демократии, свободы личности». Что значили на деле эти «красивые слова», можно понять по первому вредоносному «вбросу» книг и учебников по Соросу, русофобским учебникам истории и обезображенным новым книгам по литературе для школы, наконец всё новым и новым способам «торможения» и недопущения в школы курса Основ православной культуры, то есть того, что фактически лежит в основании великой русской культуры.

Пятым рычагом разрушения — стала кампания по *модернизации* образования. Модернизация на деле означала замену собственных государственных целей образования узкими, прагматическими и фальшивыми задачами, «приспосабливающими» образование к интересам хозяев-распорядителей и ориентированными на формирование человека-исполнителя и человека-потребителя. Государство при этом снимает с себя прямую ответственность за состояние школы, ибо образование строится «на основе распределения ответственности между объектами образовательной политики и повышения роли всех участников образовательного процесса...» В концепции были названы и основные направления образовательной политики: «обновление содержания образования», единый государственный экзамен, перестройка педагогической науки в целях обеспечения «непрерывности процессов обновления образования». Комментарии излишни!..

За четверть века квалифицированного и системного разрушения образования, преступно осуществляемого через командные учреждения, литература как научный предмет школьного изучения была утрачена. Снижая, таким образом, уровень обучения, «реформаторы» отодвинули самую возможность восстановления нормальной школы в нашем Отечестве. В созданных «реформами» условиях в школе невозможно научить главному: вчитываться в книги, верно и полноценно осознавать художественный мир и смысл произведения, наконец — ценить и любить литературу...

Современные школьные стандарты по литературе не просто ущербны, они **неграмотны**: не содержат основополагающих литературоведческих понятий, не связаны должным образом с отечественной историей и историей русской литературы, не учитывают многих важнейших историко-литературных явлений и т.д. Количество часов, отводимых на литературу, невежественно сокращено. Кроме того, в стандарты внесён чуждый материал, снижающий их содержательный и художественный уровень.

Сокращение обязательных для изучения в школе произведений русской классики давно перешло границы минимума, за которым начинается профанация и невежество. В средней школе литературу давно не изучают, но лишь прививают школьникам ненаучное и вульгарно-поверхностное отношение к ней. Современный учащийся лишён той полноты знания отечественной литературы, которая необходима для **формирования первоначального культурного фундамента полноценного гражданина России**. Молодёжь утрачивает связь с великим духовным наследием своего народа, отчуждается от истинной культуры.

Серьёзно повреждено и вузовское филологическое образование. Волею «сверху» в педвузах и педуниверситетах выброшен из числа обязательных ряд необходимых филологических дисциплин. Таким образом, выпускники современных педвузов не могут считаться полноценными специалистами-филологами. Это ещё одно несомненное преступление «реформаторов».

Осуществлённые «перестройщиками» реформы образования в России — тяжчайшее государственное преступление и прежде всего преступление перед народом, молодые поколения которого нагло ограблены «реформаторами», ибо у них отняли имевшиеся в школьных программах XX века законно принадлежащие им сокровища великой русской культуры в объёме, необходимом для становления нормального национально-исторического культурного сознания гражданина независимой России!

Силы разрушителей и замаскированно и открыто направлены сегодня на духовное удушение и ослабление государствообразующего народа. Русский человек лишён возможности у себя дома дышать воздухом родной культуры.

Это — антирусский экстремизм, чистой воды русофобия. Будем же решительны в борьбе с этой преступной реальностью, не получающей сколько-нибудь действенного и достойного отпора либеральствующим «верхов».

Экстремистская политика в удушении отечественной культуры ведётся открыто и откровенно. В информационном пространстве России непомерно и бесстыдно плодятся про-

---

изведения чужих и чужеродных культур, а также — поделок псевдокультуры и антикультуры, нередко выдаваемые за современные «достижения». О грамотной литературной речи в СМИ нечего и говорить! В эфире современной России почти нет ни русской литературной классики, ни замечательных русских песен, ни всемирно ценимой русской музыки. Такой тенденциозный «отбор» — информационное преступление. «...Отечество наше во всех его материальных, духовных и нравственных ипостасях извращено так, — писал несколько лет назад В.Г. Распутин, — что и смотреть нет сил, когда тысячелетние его приобретения выбрасываются на свалку или, как вторчермет, идут в переплавку в печах мирового порядка, когда культура отдана в руки разнузданных шоуменов, а образование преобразуется в функциональное натаскивание и программное выскабливание родного духа...»

«Выскабливание родного духа» в иных случаях приобретает ныне чудовищные размеры. Русский народ оказывается в своей стране самым незащищённым и постоянно выслушивающим незаслуженные им упрёки и оскорбления. А иные представители «властных структур» то и дело обнаруживают своё невежество в знании русской истории, в понимании миссии русских и её государственной значимости. Впрочем, недруги и волонтеры «пятой колонны» как раз хорошо это осознают; поэтому-то они нагло и откровенно русофобствуют, зная, что за это им ничего не грозит: ведь ныне суды-то у нас даже и не избираются, а назначаются той же нередко русофобствующей властью. Можно ли (даже с натяжкой!) считать их легитимными?!

Русская культура проникнута православным миропредставлением, мыслью о радении Великой русской земле, осиянной светом истинной веры, природным стремлением к правде-истине и правде-справедливости, ощущением исторического долга и верностью Отечеству земному и Небесному. Это отразилось и в русском фольклоре, и в литературе, и в искусстве... Без этих идей не может стать у нас плодотворным стремление к восстановлению разрушенного образования в России. Но всеохватная изоляция масс от спасительной полноты русской культуры продолжается. Продолжается и деградация нашей средней и высшей школы, всё более отстающих от уровня, достигнутого в лучшие годы XX века...

Информационная среда современной России по преимуществу противостоит русскому духу, то есть остро переживаемым чувствам совести, сострадания, милосердия, безусловной жертвенной готовности стоять за правду-истину, справедливость и веру и убеждённости в окончательной победе правды и добра.

В массовой информации и заметной части политических дискуссий продолжают иной раз навязывать ложные понятия о национализме, о нации, о национальном достоинстве. В государственной политике нередко культивируется невежественная и враждебная народам идея деэтнолизации. Такая политика пропагандируется под знаменем «объединения народов» в упряжке глобализма. Глобализм, как и навязываемый сегодня всякого рода космополитизм, — несомненные враги в исполнении нашего национального долга сохранения народной души. «Глобализм, — писал В.Г. Распутин, — это... могила всего индивидуального и заповедного, где из всякого своеобразия, и прежде всего из национального, выработывается стандартный продукт...» Пока ещё все наши усилия в утверждении долга национального достоинства — практически бесплодны.

Время от времени «сверху» (возможно, для вида и для отвода глаз) бросают в народ несколько дежурных фраз о русской культуре или важности русского языка. Но зачастую всё устраивается так, что даже жалкие целевые деньги на культуру и образование расходуются не для главного и важнейшего, а распределяются на эффектные мероприятия для отчётов и «престижности» руководства. Низкий уровень культуры «верхнего слоя» общества, заполнение командных высот полуинтеллигенцией, образованцами из «бизнесменов» и карьеристов приводит в коллапс в системе отдельных областей социума и их угасанию в целом.

Сознательное» или бессознательное невежество активно расцветает на почве, лишённой достаточного числа истинных носителей культуры в «верхах». Заметная часть наших политиков цивилизованы, но, к сожалению, малокультурны. Цивилизованность — это штамп культуры, внешний её образ без наличия сколько-нибудь глубокого содержания и соотношения его с вечными ценностями. Поэтому носители цивилизации склонны к «новациям» в искусстве, ко всему экстравагантному, броскому, «модному» и, как правило, неорганичному и недолговечному, держащемуся на целенаправленной поддержке «идеологов», преследующих свои цели. Подлинное искусство, как и подлинная культура, в известном смысле — чудо. И вместе с тем — всегда творческое наследование и вдохновенное продолжение плодотворных традиций.

Необходимо создать государственную систему обязательного повышения образования и культурной реабилитации руководителей учреждений и ведомств на самом высоком уровне. Это должно осуществляться наряду со всеми мероприятиями по восстановлению отечественной школы как учеб-

---

ного заведения независимой страны, которая уже сегодня нуждается в национальных кадрах высокой квалификации.

Путь возрождения школы — это самоотверженный труд учителя, понимающего свои задачи как наущение знаниям и передача «разумного, доброго, вечного», учителя-практика, который вновь должен стать первой и главной величиной в школе, не сравнимой по своему высокому призванию и значению с любым школьным бюрократом-администратором, которых плодит современная «система управления» образованием.

* * *

В наши дни на «высоких трибунах» продолжаются споры дипломированных дилетантов о том, какие произведения писателей включать в школьную программу, как обучать русскому языку и т.п. Газеты сообщили, что Общество русской словесности обсудило «возвращение классиков в школы». Но когда же этим важным вопросом займутся не «общества», а истинные профессионалы?! Ведь спорщики не понимают даже, что речь идёт не об авторах, а о **восстановлении разрушенной «реформаторами» замечательной системы школьного филологического образования в России.**

Напомню, что утверждает наука. «...В школе, — писал академик Д.С. Лихачёв, — следует преподавать не отдельные произведения, а историю литературы (что и было в дореволюционной и в советской школе. — **В.Т.**) Литературное произведение само по себе, исторически не объяснённое, теряет на 80% свою действенность — моральную, эстетическую, какую угодно действенность». Выдающийся методист В.И. Водовозов называл одной из основных задач уроков литературы — раскрывать «связь литературных явлений, их историческую последовательность, без которой знание литературы не может быть ни цельным, ни существенно полезным...»

А вот суждение академика Ф.И. Буслаева о преподавании отечественного языка: «Родной язык должен стать центром всего преподавания во всей школе, но не в том смысле, чтобы на него назначалось значительное число особых уроков, а в том отношении, чтобы всякий урок и притом по всякому предмету был в то же время уроком и упражнением в правильном употреблении родного языка. Язык этот должен быть воздухом, которым дышит и живёт вся школа. При этом, само собою разумеется, преподавание основных предметов должно быть поставлено в самую тесную связь с преподаванием родного языка. По твёрдому нашему убеждению, это единственно возможный путь к глубокому и серьёзному изучению родного языка и к достижению столь необходимого процветания родной речи».

В современной школе основательно разрушены условия для полноценного овладения русской словесностью. Дело не только в нехватке времени, но в изуродованных программах, в коих опущены многие ранее присутствовавшие там важные темы, дело в иных «новаторских», но бесполезных «технологиях», в катастрофическом и антинаучном сокращении текстов изучаемой классики, которая только и даёт понимание того, как должно приобщиться к родной речи, дело — в значительно повреждённой и безответственно не контролируемой на государственном уровне языковой среде (СМИ)...

О целенаправленном разрушении образования убедительно свидетельствует изъятие из программ школы значительнейшей части произведений, проникнутых идеями созидания, духовно-нравственного благочестия, пафосом национально-государственного патриотизма.

Сегодня исполнение профессионального и гражданского долга требует особого подвига школьного учителя. И подвиг этот — не в послушном исполнении убогих стандартов и тренировок по схемам вредоносного ЕГЭ, не в достижении огрызочной «компетентности», а в максимально возможной «партизанской» передаче истинных и целостных знаний вопреки куцым программам, неполноценным стандартам и новоиспечённым хромоногим «технологиям», внедряемым в школу вместо традиционной научной методики разрушителями-невеждами и разрушителями-наймитами... В современных условиях «партизанский» подвиг такого учителя-подвижника тяжёл и небезопасен, как всякий благословенный подвиг во имя Родины в окружении соглашателей и предателей учительского долга. Но скажем твёрдо: «Слава учителю-подвижнику, всеми силами и вопреки всему стремящемуся нести истинный свет знаний и культуры в изуродованную «реформами» современную школу!..»

Полноценное образование, соответствующее потребностям независимой страны, может быть сегодня восстановлено только решительным квалифицированным волевым вмешательством центральной власти, преодолением выстроенной разрушителями **колониальной системы** российского **образования**, только посредством решительного **восстановления содержания** нынешних убогих и заведомо порочных программ и стандартов обучения в школах России.

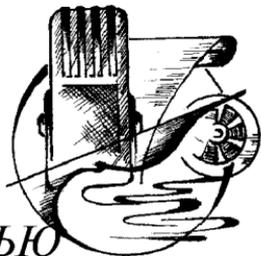

Николай МЕЛЬНИКОВ
Валентин СВИНИННИКОВ

ОБ ИСТИННОМ ВОСПИТАНИИ И ОБРАЗОВАНИИ

Писатель Валентин СВИНИННИКОВ беседует с президентом Международной академии экологии сознания им. Пифагора, доктором технических наук, профессором, академиком РАЕН, одним из творческих руководителей программы создания космического самолёта «Буран» Н.С. Мельниковым.

— Николай Степанович, мыслящую Россию обнадёжило назначение нового министра образования Ольги Васильевой после отправления в отставку г-на Ливанова, могильщика подлинного образования и просвещения в современной России. До сих пор только гадать приходится: кому было нужно, чтобы читающую, думающую, созидательную Россию стали превращать в страну «угадаек правильного ответа» на кем-то тщательно отобранные вопросы — в поколение примитивных потребителей, способных на выполнение частных задач и применение предложенных «продвинутым» Западом технологий вместо вашего поколения покорителей космоса, созидателей науки, опережающей на десятилетия многие пе-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

редовые страны, — вот что нас ожидало. Как Вы считаете, могут ли в новой обстановке быть востребованы ваши идеи о воспитании и образовании?

— К этому придут рано или поздно. Потому что в новом тысячелетии стремительно надвигающийся экологический и гуманитарный кризис планеты требуют переналадки сознания людей. Перенацеливания — на духовно осмысленное творчество, на гармонию с ладом самой Вселенной. Жаль только потерянных лет. Восстанавливать порушенную систему образования и просвещения в России советской, а она была одной из лучших в мире, придется долго. И восстанавливать по-умному: брать всё лучшее, но отказываться от идеологических шор — государственного атеизма. Думается, что в наши дни, когда потоки информации выросли в море разлитое, очень важно в основу системы знаний положить педагогам завет Аристотеля. Напомню. Филипп Македонский в качестве воспитателя престолонаследника Александра Великого пригласил философа, одного из величайших мыслителей того времени — Аристотеля. По прошествии некоторого времени царь призвал воспитателя пред свои очи и поинтересовался успехами сына. Получился очень странный диалог между царём и философом. На вполне, казалось бы, естественные вопросы озабоченного отца и царя он получил ответы, не укладывающиеся в наше сознание, сформированное научно-технической цивилизацией и практикой научно-технического прогресса, кажущегося нам единственно возможным, когда из ребёнка мы пытаемся сделать то, что повсеместно востребовано: специалиста, а не человека.

В частности, царь спросил:

— Как у Александра успехи в математике?

— Никак!

— А по физике?

— Никак!

И по остальным предметам был всё тот же неизменный ответ философа.

— В таком случае, чему же ты его учишь? — спросил, едва сдерживая возмущение, изумлённый царь.

— Я учу его мыслить! — невозмутимо подвёл итог диалогу Аристотель.

И воспитал Александра Великого.

Рассмотрим феноменологию успеха великого полководца, когда юный царь крохотной Македонии стал властителем большей части мира. Приведём лишь один характерный эпизод, описанный в книге «Проект Россия».

«Когда Александру Македонскому предложили напасть на превосходящие силы персидского царя Дария ночью, он ответил: «Я не краду победу». Кто-то счёл это легкомыслием, но Александр правильно рассудил. Такой мощный враг, как Дарий, не капитулирует из-за материального и человеческого урона. Обладая гигантскими ресурсами, персидский царь без труда восполнил бы любые потери. Дария можно было победить, сломив его боевой дух, что возможно только в открытом бою».

Вопреки общепринятой «житейской» логике Александр на практике доказал справедливость своих умозаключений, кажущихся запредельной фантазией. Он с открытым забралом атаковал во много раз численно превосходящее персидское войско и концентрированным ударом по центру управления заставил бежать самого Дария, своей дерзостью сломив его боевой дух. Остальное было делом техники. Огромное дисциплинированное войско противника в панике превратилось в бегущую толпу.

В это поверить действительно трудно потому, что это парадокс, т.е. истина, на поверхностный взгляд кажущаяся ложью. Многие используют это слово в качестве характеристики чего-то нелепого, абсурдного, не вникая в смысл слов А.С. Пушкина:

*О сколько нам мгновений чудных
Готовит просвещенья дух,
И опыт — сын ошибок трудных,
И гений — парадоксов друг...*

Друг гениям, парадокс является противоположностью другого понятия — софизма, который представляет собой заведомую в привлекательную правдоподобную упаковку ложь и потому кажется верхоглядскому поверхностному уму истиной.

Но вернемся к Александру Македонскому и состоянию общественного сознания античных времён, мало кого интересующих в нашем веке — «сплошном Колизее». Достигший упорным трудом под руководством и с помощью великого философа и учителя серьёзных результатов в постановке системного программного обеспечения «наплечного компьютера», т.е. умения мыслить, и направив его, это умение, на самопознание и постижение высшего смысла, Александр не мог не прийти и пришёл к неопровержимому выводу о повсеместном присутствии в каждой точке времени и пространства, «здесь и сейчас», которое равно «везде и всегда», могущественной эволюционной суперсилы как доминирующего, определяющего фактора нашего бытия.

Успех или неуспех жизни, и, прежде всего, духовное и физическое здоровье, определяются глубиной и прочностью контакта с этой суперсилой, который, в свою очередь, зависит от нравственности человека, его благородства, чести, достоинства, совести, правдивости, бескорыстия, способности не поступиться высокими принципами ни за какие «блага», «успехи» и другие преходящие ценности.

— Ох, нелёгко будет поворот к этому понятию, хотя теперь не объявляют вне закона религиозные поиски. Помню, как сам я для себя выработывал определение этой «возвышенной силы», даже ещё до пронзительного признания Николая Рубцова: «Боюсь, что над нами не будет возвышенной силы, / Что, выплыв на лодке, повсюду достанешь веслом...» Вначале я решил для себя: должен же непременно быть высший разум. Но... фашизм показал, на какие жестокости способен «разум»... Тогда, может, высшая сила? Ведь ей не нужно доказывать своё превосходство, она может и должна быть доброй. Но сколько же земных претендентов на это звание! Начиная с Бисмарка. И как ему ответил Тютчев? «Единство, — возгласил оракул наших дней, — / быть может спаяно железом лишь и кровью». / А мы попробуем спаять его любовью. / И там посмотрим, что прочней». Так прозвучало слово «любовь». А Достоевский страстно пояснил — Христова любовь. И личность Христа как сына Божьего перевернула во мне отношение к атеизму. Более того, когда во время поездки в Индию я встретил более тысячи людей из сотни стран, ищущих Единого Бога, в беседах и спорах я утверждал, что из всех мессий и пророков, периодически посылаемых планете, наш Христос выше всех — он же не просто богатством наследственным жертвовал, как Будда, или вполне обеспеченной жизнью, как Мохаммед, или много ранее Лао Цзы, — он воплотился и сознательно принял Крестные муки, чтобы жертвенным примером своим обозначить Путь и Истину... С тех пор уже десятилетия жду и всматриваюсь, когда же закончится вековая вражда и сомкнутся в поисках Истины наука и религия?..

— Вековая вражда — это преувеличение, навязанный нам предрассудок. В разные времена и различных странах эту Суперсилу называют по-разному. Для К.Э. Циолковского — это были высшие разумные силы, изучению которых он посвятил всю свою жизнь, и интеллектуально-духовные ресурсы. А получившая широкую известность его теория реактивного движения была лишь побочным, менее значимым продуктом его высокоразвитого мышления. Он сам сокрушался такому перекосу как следствию примитивно-утилитарного угла зрения современников.

А.К. Толстой называл главную, ныне игнорируемую часть нашего Бытия «Глагола Творческой Силой»:

*Когда Глагола Творческая Сила
Толпы миров воззвала из ночи,
Любовь их всех как солнце осветила...*

Современная наука, развиваемая учеными-мыслителями, освободившимися от шор атеизма, такими как Р.Шелдрейк, К.Прибрам, Д.Бом, И.Пригожин и другими, называет первооснову бытия, некогда сотворившую материальную часть Вселенной и руководящую её эволюцией, по-разному: физический вакуум, торсионные поля, солитоновые матрицы, морфогенетическое (формообразующее) поле и т.п.

В истории мировой культуры практически нет ни одного делателя, оставившего заметный след, который бы в силу своего развития и развития главного инструмента познания — мышления, не пришёл бы к выводу о наличии Творца как источника и первопричины всего сущего.

Тем не менее в высшем эшелоне современной ортодоксальной науки, «благополучно» сопровождающей духовно-нравственную деградацию обезбоженного потребительского общества, в частности, и среди академиков РАН, доминирует воинствующий атеизм, упорно ведущий и уже приведший человечество к экологической катастрофе. Их ничуть не смущают аргументированные, состоятельные воззрения старших по разуму коллег по цеху науки, таких как И.Ньютон, И.Павлов, Б.Паскаль, М.Ломоносов, Л.Пастер и многих других — всех не перечислить. Один из столпов классической физики Паскаль, закон которого проходят в школе, хотя подавляющее число взрослых вспомнить его не могут, учёный с ярко выраженным системным мышлением, делил людей условно на три группы:

— одни искали Бога и обрели его — они разумны и счастливы,

— другие не имеют Бога и не ищут Его — они безумны и несчастны,

— третьи ищут Бога, но пока ещё не совсем обрели Его — они разумны, хотя ещё и не вполне счастливы.

Длительные размышления над умозаключениями атеистов всех мастей от простолюдинов-академиков до простого советского и несоветского человека, поиск глубинных причин сей тяжёлой болезни сознания, называемой атеизмом, привели нас к неопровержимому выводу: причина одна — это глубокая и острая интеллектуальная недостаточность. От

острой сердечной недостаточности люди умирают скоростно, а от острой интеллектуальной недостаточности» преждевременно дряхлеют, деградируют и умирают по причине самоотключённости от питания чистейшими энергиями Божественного разума, семантические (смысловые) базовые первоэлементы которого представляют собой абсолютную Истину, совершенное Добро, безбрежную Любовь, Мудрость, Мужество, Соразмерность, Свободу, Ответственность, Самостоятельность, внедрение которых в нашу грешную жизнь образует спасительную **Красоту**.

Пока же некрасивая жизнь современного человека и человечества несёт его в пропасть небытия. Тотальная потеря Смысла как внутренней сущностной связи со всеобщей Истиной, привела человечество на дорогу самоуничтожения. Утрачен смысл жизни, искажены до противоположности смыслы таких понятий как Любовь, Добро, Истина, заменённые всевозможными самодельными правдами и прочей *отсебятиной*. Понятие «Красота» размыто бессмысленным ходульным штампом: «на вкус и цвет товарищей нет» и прочая, прочая... Кроме того, произошли повсеместная подмена целей и превращение средств их реализации в сами цели. Это, в первую очередь, превращение земного существования в самоцель со стремлением взять всё, ничего не отдавая, в то время как эта жизнь со всеми её привилегиями дана Творцом как средство служения вечной Эволюции. Впрочем, как и все предыдущие и последующие воплощения. Из этой главной роковой подмены вытекает целая цепь других: деньги — гениальное изобретение человечества как средство обменных процессов — превращены в самоцель, и как вселенское зло они верховодят жизнью современного человечества, породив виртуальную экономику, поставив её выше реальной экономики и честной политики путём повсеместного вторжения в неё торговцев, вытеснивших на второй план творцов и воинов. Практически все гениальные изобретения человечества, начиная от изобретения огня, породившего углеводородную энергетику, кончая Интернетом, человечество в своём корыстном стремлении к безумному потребительству превратило их из средств служения целям эволюции, единения, сотрудничества и собственной самореализации в конгломерат мелкотравчатых эгоистических целей и удовлетворения безумного потребительства.

— Безумное потребительство... А могло ли быть оно «умным»? Или всегда чего-то не хватает?

— Главной причиной плачевного состояния человечества является именно ущербный разум человека. Сотворённый по

образу и подобию Божьему, человек наделён ещё и свободой воли, свободой выбора, который он должен совершать, опираясь на свой разум как важный инструмент реализации Божественного смысла бытия. И вот разум как самое совершенное в организме, предназначенный для выведения на поверхность и приведения в иерархический порядок всей полифонии человеческого организма: его эмоций, желаний, чувств и телодвижений, всё ментализирует, заглушает и присваивает себе. Так поступает всякая власть, превратившаяся в тиранию. Разум скрывает от нас истинный смысл, голос и функции сверхсознания и подсознания.

Разум человека, почувствовав, а точнее, вообразив себя начальником организма и царём всего сущего, существующего якобы только для того, чтобы ублажать примитивные прихоти «царя» с клоунской короной на голове, ликвидировал фактически вертикальный канал (сверхсознательное и подсознательное), связывающий человека с животворящими Божественными энергиями, и стал «благополучно» деградировать духовно, нравственно и интеллектуально.

Забыв своё предназначение как инструмента Духа, разум превратился в «кошку, гуляющую сама по себе», главной заботой которой стало обеспечение приятности такого гуляния для ничего, в безделии без смысла и без цели. Для этого потребовалось включение и активизация лишь горизонтальных каналов, обеспечивающих взаимодействие с себе подобными: конкуренцию, хитрость, обман, лукавство и прочая. Для обеспечения выживания себе и своей «песочницы», рамками которой ограничены интересы современного человека, нет необходимости включения, развития и совершенствования всего Божьего дара в виде 14 миллиардов самых совершенных, что только есть в природе, клеток-инструментов. У современного человека их используется лишь 2-3%. Кроме того, голова превратилась в мыслемешалку, не способную погрузиться в проблему хотя бы на несколько минут. Такое состояние привело к отключению человека от Божественных энергий. Горизонтальный разум перекрывает связь с ними всего организма со всеми вытекающими из этого последствиями.

А ведь весь этот гигантский конгломерат совершеннейших микропроцессоров человек получил для обеспечения эффективного функционирования вертикального канала связи человека с Творцом путём умной фильтрации помех и всего отрицательного, что стремится проникнуть в человека, т.е. для достижения чистоты с целью восприятия Истины, Добра, Любви, Мудрости, Мужества, Свободы, Ответственности, Самостоятельности, Соразмерности, в гармоническом

сочетании составляющих содержание Божественного потока, или Божественных смыслов бытия.

Работа по развитию ума, уменьшению смысловых и логических ошибок, неисправных выводов и несостоятельных умозаключений на определённом этапе и уровне развития с неизбежностью приводит человека к выводу о том, что его высшее истинное благо не во властвовании и потреблении, а в служении и гармонии, для достижения которой необходимо, чтобы разум занял своё место в иерархии сознания, превратившись из тирана, могильщика или тюремщика высших ипостасей (души и Духа) в их сотрудника, служителя и хранителя, их инструмент для эффективной связи с духовно-материальной реальностью. В этом случае разум выходит на свою исповедийную функцию по внесению гармонии в иерархию сознания, обеспечивая высшие его ипостаси непрерывным и беспристрастным анализом принимаемой им информации, её адекватности явлениям и событиям окружающего мира путём проверки на всеединство, непротиворечивость, единственность, неслиянность и соразмерность.

Чем ниже уровень развития разума человека, тем больше он уверен в своей правоте, и тем настойчивее человек рвётся к власти и материальному богатству, считая себя «благодетелем» человечества, имеющим исключительное право на неограниченное потребительство. В этом можно убедиться не только по «работе» властей разного уровня, включая правительственный, но и на любых уровнях взаимодействия людей.

Грехопадение нынешнего человечества как раз и состоит в том, что оно гордится и превозносит себя над всем сущим, гордится тем умом, которого надо стыдиться, так как его зашоренность догмами и предрассудками губительно сказывается на судьбе планеты и человечества.

Нельзя превращать школу, тем более высшую, в кладовые информации с ЕГЭ-ключами! И по мере развития ума его сопротивление Высшим смыслам бытия, пронизывающим дуальную (духовную и материальную) природу всего сущего, включая человека и человечество, ослабевает в конце концов до такой степени, что разум, подобно просвещённым монархам, добровольно уступает власть в сознании человека его духу (обретение истинного царя в голове). Человеческий дух, олицетворяя Божественное присутствие в человеке, в отличие от ума лишённый чувства «ублюдочной зловредности» (эгоизма), оказавшись на свободе и во власти, никогда не станет тиранить своего бывшего тирана, а, озабоченный исключительно всеохватным благом, превращает разум в сотрудника, помощника и хранителя.

В «Апокрифе от Иисуса» сказано:

*Настанет время, и уже настало,
Когда Отцу вам надо поклоняться
Лишь в Истине и в Духе — остальное ж
Незрелостию вашей объяснимо,
А потому ваш Бог ещё не полон —
Ведь Бог есть Дух, и поклоняться в Духе
И в Истине — есть подлинная Вера.
Дух Истины сей мир принять не может,
В неведение и страхе пребывая,
Лишь любящий Меня познать способен
Дух Истины во всё Его величье...*

Так что задача **образования** и **воспитания** заключается в систематической помощи Высшим смыслам бытия в восстановлении гармоничной иерархии путём образумления ума, гарантирующего бесконфликтную жизнь и продуктивное функционирование сознания.

А пока из-за недостаточности и ущербности проявления Духа в человеке, выражающихся в отсутствии необходимой заботы о развитии одного из своих инструментов — ума, человечество поставлено в опасное состояние между Сциллой атеизма (главенство ума, игнорирование им высших ипостасей Сознания) и Харибдой слепой веры (небрежение умом и фактическим гонением оного). Такие перекосы привели к дроблению некогда единой системы знаний — натурфилософии — на науку, религию, философию, искусство и литературу. В результате наука без религии стала мертва, а религия без науки — слепа, а философия превратилась в поверхностную схоластику, которой чужды Божественные смыслы бытия. Выход из кризисного тупика в одном: в выработке в человеке религиозно-научного сознания и «окучивании», окультуривании им религии, науки, философии, т.е. в целостном взгляде на мир как едином целом, как единстве Духа и материи. Таким сознанием обладали практически все учёные, оставившие заметный след в мировой науке. Достаточно вспомнить такие имена как И.П. Павлов, Д.И. Менделеев, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский и другие. Это же религиозно-научное сознание сквозит в духовном наследии Серафима Саровского, Сергия Радонежского, Феофана Затворника, Григория Паламы, Франциска Ассизского, Ивана Ильина, Павла Флоренского и многих других подвижников нашей планеты. Глубина, сила, обстоятельность и состоятельность их мышления восхищают и поражают благотвор-

---

ным воздействием их могучего духа на разум как одного из средств глубинного проникновения в тайны мироздания, тайны Божественного устройства всего сущего. Что же касается искусства и литературы, то их ценность состоит в воздействии мира горнего на зрителя и читателя. Только в этом и ни в чём другом состоит их назначение, чтобы помочь человеку найти свою заблудившуюся душу. И какая же может быть отечественная школа без отечественной классики?!

В таком контексте особенно выпукло видны нелепость и опасность противопоставления науки и религии. Настоящая наука даёт человеку возможность обрести подлинную религиозную культуру. Разрушая предрассудки и суеверия, она погружает нас в глубинную суть отдельных явлений и всего мироздания в целом, где открывается возможность развития истинного религиозного сознания. Истинная наука в гармонии с подлинной религией создают прочную основу для настоящего *вос-питания и образо-вания*.

— Прекрасная игра слов, но еще более прекрасен смысл, вкладываемый в них!

— Славянский язык, в частности, русский, вообще является смыслообразующим языком. В нём слова сами по себе насыщены глубоким смыслом и помогают ищущему человеку правильно сформировать цель и обрести средство её реализации.

Слово «воспитание» означает не что иное как восстановление, восполнение питания Божественными смыслами бытия, представляющими собой беспредельные энергии, способные творить материю в нужном месте и аннигилировать (ликвидировать) её в ненужном месте в соответствии со Смыслами Всевышнего. Главным препятствием на пути этих энергий является ущербный человеческий ум, превратившийся в мыслемешалку и считающий себя хозяином всего и вся.

Уйти от этих нелепых и роковых заблуждений, поставивших человечество и планету под угрозу самоуничтожения, можно лишь остановкой машины ума, непрерывно и бессмысленно перемалывающей информационный мусор. В этом и состоит главная и единственная цель *образо-вания*. Вяять образы, являющиеся базовыми элементами пространства Смысла, из непрерывно обрушивающихся на сознание человека потоков информации. Не только учащийся любого уровня, но и любой человек должен стремиться к состоянию вяятеля образов из информации, подобно тому, как скульптор из бесформенных массивов гипса, глины или других материалов создаёт образ — шедевр, приобщающий человека к Высшим Смыслам.

Андрей ИВАНОВ,
доктор исторических наук

ПУТЬ ПРАЗДНОГО ЛИБЕРАЛА

Федор Измаилович Родичев родился 9 февраля 1854 года в Санкт-Петербурге в семье, принадлежавшей к старинному дворянскому роду, имевшему земельные владения в Весьегонском уезде Тверской губернии и винокуренные заводы. По семейному преданию, Родичевы вели свое происхождение от новгородского боярина Рода, потомки которого после присоединения Новгорода к Московскому княжеству были вынуждены переселиться на территорию будущей Тверской губернии. Его отец, Измаил Дмитриевич, был отставным офицером и гласным Тверского губернского земского собрания. Мать, Софья Николаевна, урожденная Ушакова, также происходила из помещицкой семьи. Вспоминая свое детство, Ф.И. Родичев писал: «...*Образ жизни был старозаветный. Новый год считался с 1 сентября, когда служили в доме всеобщую. Соблюдали строго все посты, среду и пятницу. Крепостные девки плели кружева, ткали скатерти и полотенца, детей кутали, учили французскому языку и... секли*».

Окончив с золотой медалью 7-ю петербургскую реальную гимназию (1870), Федор Ро-

УРОКИ ИСТОРИИ

дичев поступил на естественное отделение физико-математического отделения Санкт-Петербургского университета, а после его окончания в 1874 году продолжил образование на юридическом факультете под руководством профессоров русского права В.И. Сергеевича и А.Д. Градовского. Успешно завершив обучение в университете, Родичев отбыл воинскую повинность фейерверкером 2-й артиллерийской бригады, а затем, в 1876 году, добровольцем отправился сражаться за свободу сербов и черногорцев против турок. *«Летом 1876-го созрела у меня решимость отправиться за Дунай «отыскивать свободы», — вспоминал Родичев. — Мне всё мерещился Лафайет, отправляющийся в Америку, или Костюшко. «Дело свободы славянской есть дело свободы русской». Такая фраза в 1876 году являлась вполне допустимой».*

Следует отметить, что уже с юных лет Федор Родичев увлекся «освободительными» идеями. Познакомившись в 18-летнем возрасте с работами А.И. Герцена, он стал горячим его поклонником, ибо видел в нём «великого поэта абсолютной ценности личности», провозгласившего «откровение свободного духа». Личное знакомство с Н.П. Огаревым укрепило эти взгляды, и до конца своих дней Родичев оставался «герценистом». *«Моя мысль пробудилась под влиянием французской проповеди конца второй Империи, речей Жюль Фавра и Ж. Симона в законодательном корпусе, речей Гамбетты, борьбы непримиримой с бонапартовским режимом. Пробудился интерес к французской истории, французской революции (...), истории борьбы за свободу. Я с трепетом перечитывал всё, что мог достать по истории французской революции (...). Меня больше всего увлекал романтизм освобождения, привлекали личности того времени, но вместе с тем я воспринял декларацию прав человека, сперва как откровение, потом как идеал», — вспоминал Родичев. При этом он крайне сдержанно относился к социализму, в котором его не устраивало порабощение личности: «Я никогда не пугался слова «социализм», но всегда был противником социализма цезаристского, крепостнического, всегда боялся грядущего рабства, которое просвечивало сквозь социалистические теории...»*

В 1877 году Ф.И. Родичев был отозван с Балкан в родной Весъегонский уезд, став гласным Тверского губернского земства (одного из самых либеральных в России) и мировым судьей. Очень скоро Родичев стал видным представителем земского либерального движения. С 1879 по 1891 год он был предводителем уездного дворянства (вышел в отставку после введения института земских начальников), в 1891 году был избран председателем Тверской губернской земской упра-

---

вы, но не утвержден министром внутренних дел. Совместно с И.И. Петрункевичем Родичев стал инициатором проведения и активным участником нелегальных земских съездов, на одном из которых им был поставлен вопрос об образовании в земской среде тайного общества, которое бы содействовало скорейшим конституционным преобразованиям в стране. Родичев участвовал в подготовке адресов Тверского земства, в которых озвучивались требования расширения прав земств, введения конституции и гражданских свобод. Неудивительно, что деятельность земца-оппозиционера привлекла к себе внимание властей и спецслужб. Местные власти характеризовали его как *«ярого либерала и весьма видного местного руководителя группы лиц, стоящих в оппозиции к правительству»*, а Департамент полиции давал такую характеристику Родичеву: *«Отъявленный лицемер, либерал, и весьма неблагонадежен. Помимо обнаруженных им симпатии и покровительства поднадзорным, он обращает на себя особое внимание смелостью и резкостью суждений на дворянских и земских собраниях, всегда выступает с разного рода демонстративными предложениями, рисуясь беспощадной критикой административной власти»*.

Земская деятельность Федора Родичева прервалась после представления в 1895 году только что вступившему на престол Императору Николаю II известного «Адреса Тверского земства». В его тексте, составленном Родичевым и одобренным губернским собранием, в частности, говорилось: *«Мы ждем, Государь, возможности и права для общественных учреждений выражать свое мнение по вопросам, их касающимся, дабы до высоты Престола могло достигать выражение потребностей и мыслей не только представителей администрации, но и народа русского»*. Помимо явных намеков на введение в стране основ парламентаризма, власти увидели дерзость и во фразе о «начале служения Царя русскому народу». Министр внутренних дел И.Н. Дурново устроил разнос за «тверской адрес» губернскому предводителю дворянства Н.П. Оленину и сообщил, что даже не рискнул передать подобного рода бумагу Императору, а лишь сделал доклад, на который Царь наложил резолюцию: *«Чрезвычайно удивлен и недоволен этой неуместной выходкой...»* Принимая делегацию Тверского земства, в которую Родичев включен не был, Император назвал требование законодательной защиты общественных институтов (а, по сути, идею введения народного представительства) «бессмысленными мечтаниями». Родичев же как автор «крамольного» заявления был по Высочайшему повелению на десять лет лишен права участвовать в

сословных и общественных выборах. *«Я чувствовал себя осужденным мошенником, — писал Родичев в частном письме. — За всю мою жизнь никто не нанес мне удар больший, чем Николай II...»*

Не имея больше возможности работать в земстве, Родичев занялся адвокатской практикой, которая, впрочем, его не удовлетворяла. Перебравшись в Петербург, он вступил в Вольное экономическое общество, трибуну которого стал использовать для пропаганды либеральных идей; заявил о себе как публицист, выпустив несколько нелегальных брошюр, в которых довольно резко критиковал курс, избранный Императором. В 1901 году за участие в подписании протеста в адрес министров юстиции и внутренних дел против разгона полицией студенческой демонстрации у Казанского собора Родичев был помещен под домашний арест, а затем по распоряжению министра внутренних дел Д.С. Сипягина подвергся высылке из столицы.

Но вскоре наступили новые времена. После убийств консервативно-настроенных глав МВД Д.С. Сипягина и В.К. Плеве министром внутренних дел стал князь П.Д. Святополк-Мирский, провозгласивший «эпоху доверия» в отношении либеральной общественности. Ф.И. Родичеву по ходатайству министра было возвращено право участия в общественной деятельности, чем бывший земец не преминул воспользоваться. Летом 1903 года Родичев стал одним из двадцати участников состоявшегося в Швейцарии I съезда «Союза освобождения», а также постоянным сотрудником журнала «Освобождение». О тогдашних взглядах Родичева красноречиво говорят следующие строки, напечатанные на страницах журнала: *«Если бы мы верили в личные силы Государя, мы были бы готовы умолять его обратиться к народу: «Созовите Земский собор! Спасите страну от потрясений и кровавых жертв!» Но тщетны мольбы, бесполезны они против страшных законов судьбы. Земский собор будет созван, это видит всякий, у кого ум и совесть не на содержании у казны, но он будет созван не по указу государственного ума и человеческого сердца, а под давлением напора событий, ненависти, ежечасно сеемой самодержавием, под давлением нужды и необходимости».*

Родичев также принимал активное участие в работе «Союза земцев-конституционалистов», «Союза адвокатов» и всех без исключения земских съездов, в ходе которых происходило оформление либеральной оппозиции в политические структуры. Был он и в числе организаторов оппозиционной «банкетной кампании», выступал с требованием конституционной монархии и на съезде земских деятелей, проходившем в

Петербурге в ноябре 1904 года, поддержал «Записку», формулирующую требования свободы слова, печати, союзов, собраний и «представительного устройства в России», а также полной амнистии всех лиц, подвергшихся политическим преследованиям. А когда в ходе начавшейся революции началось оформление Конституционно-демократической партии, стал одним из ее основателей и членом Центрального комитета.

Именно Родичев, как вспоминал кадет В.А. Оболенский, придумал для Конституционно-демократической партии второе название: *«Конституционно-демократической она была окрещена уже на первом съезде 17 октября. Но все находили, что сочетание малопонятных для населения слов будет помехой для ее популярности и может повредить выборной агитации. Решено было придумать русское название. Долго не могли найти простых слов, формулирующих главную сущность партии. Первый выдвинувший приемлемое название для партии был бывший народоволец и каторжанин Караулов. Он сообщил, что они в Сибири уже создали партийную газету, которая называется «Свободный Народ». Почему бы и партию не назвать партией Свободного Народа. Название это всем понравилось, но казалось несколько неуклюжим, а кроме того возражали, что народ еще не свободен и свобода его еще впереди. Стали предлагать всякие изменения: «партия народного освобождения», «народная партия», «народ и свобода» и т.д. Наконец Родичев нашел удовлетворившее всех название: «Партия Народной Свободы». Оно и было окончательно принято. С тех пор это название партии мы употребляли во всех официальных выступлениях и документах, но первое название — «конституционалисты-демократы» (к.-д.), давшее нам кличку «кадетов», стало ходовым».*

Но, несмотря на то, что Ф.И. Родичев по праву считался одним из самых известных кадетских деятелей, по свидетельству В.А. Оболенского, большим влиянием в самой партии он не пользовался. *«Не помню случая, — вспоминал мемуарист, — чтобы он составил какой-либо ответственный документ. Набросать он мог, но отредактировать тщательно не был в состоянии. Вообще не умел работать. Трудно сказать — по природной лени или от отсутствия навыков в работе».*

Популярность Ф.И. Родичева в либерально-оппозиционных кругах была весьма высока, наглядным подтверждением чего стало его избрание депутатом Государственной думы всех четырех созывов. Выступая по вопросам об отмене смертной казни, политической амнистии, аграрному, об «ответственном министерстве», в защиту интересов национальных

меньшинств и другим, Родичев зарекомендовал себя как один из самых ярких кадетских ораторов. Речи его всегда отличались темпераментностью и страстностью. «Самым талантливым оратором Первой Думы был Федор Измайлович Родичев, — утверждала видная кадетская деятельница А.В. Тыркова. — У него был особый дар бросать летучие, тут же сочиненные и крепко запоминающиеся слова. Стремительно, как то неожиданно, срывались они с его языка, но выражали политические мысли не случайные, а давно выношенные, общественные чувства действительно пережитые. (...) Его детская непосредственность, соединенная с острым, насмешливым умом, привлекала не меньше, чем его прирожденный, редкостный дар слова. (...) Он был художник слова, оратор Божьей милостью. Он зажигал, захватывал...» «Ф.И. Родичев обладал совершенно исключительным даром красноречия, — вспоминал П.Н. Миллюков, — но его горячий темперамент часто выводил его за пределы, требовавшиеся фракционной дисциплиной и политическими условиями момента. В национальных вопросах он был убежденным полонофилом, что не всегда оправдывалось политикой самих поляков в русских государственных учреждениях. Он также не вполне разделял взгляды фракции по аграрному вопросу». «... По мощности своего красноречия был ни с кем не сравнимым оратором, — признавал В.А. Оболенский. — Его называли «оратором Божьей милостью». Красноречие давалось ему без труда. Он никогда не готовился к своим речам, и наиболее блестящими были как раз те, которые он даже не успевал обдумать, когда он выходил на трибуну, движимый внезапно охватившим его чувством, не зная наверно — что именно скажет, когда творил свою яркую красочную речь во время ее произнесения. (...) Говорил Родичев не гладко, бросая отрывочные, точно с трудом дававшиеся ему фразы, плохо между собою связанные. Но по мере развития его речи всё громче и громче звучал его богатырский голос, отрывочные фразы загорались огнем страсти, били как молотом врагов, воодушевляли единомышленников. Пламенная вера в лучшее будущее, гимн правде и свободе, благородное негодование и сарказм, — всё это в художественной форме и в неожиданно блестящих образах. Он совершенно завладевал аудиторией, которая сливалась с ним в порывах его чувства». Впрочем, тут же оговаривался Оболенский, «говорить спокойно и сдержанно Родичев совершенно не умел, а потому слушать его речи слишком часто было утомительно»: «Как все ораторы «Божьей милостью», он не мог говорить по обязанности, когда тема его не увлекала. Тогда свойственный ему пафос звучал фальшиво и порой даже казался смешным. Фракция редко поручала Родичеву

ответственные выступления, ибо он сам не знал вперед, куда его приведет владевшее им красноречие. И бывали случаи, когда он говорил совсем не то, что было нужно по тактическим соображениям».

Либералы прозвали Родичева «златоустом» и «первым тенором кадетской партии», правые — «балалайкой», «праздным болтуном» и «пустозвоном». Злые языки даже поговаривали, что причиной излишней темпераментности депутата-кадета является злоупотребление алкоголем. Депутат второй Думы кадет Н.М. Иорданский отмечал, что Родичев был «оратор-трибун, демагог, остро чувствовал только политическую, а не социальную правду. Он чувствовал острую ненависть к деспотическому правительству и мог говорить очень сильные речи, полные гнева. Он каждое слово бросал, как молот. Во время речи он мог сам вдохновляться и заряжаться своим красноречием. Иногда он делал паузы, когда он выковывал свои жгучие фразы. Он краснел и дрожал. На свежего человека, никогда его не слышавшего, он производил впечатление человека, как бы в каком-то ненормальном состоянии, даже пьяного, недаром правые хулиганы иногда ему кричали с мест: «Должно быть, из буфета пришел!». «За галстух сильно заложив, Федюша Родичев на кафедре взобрался...» — издевательски писал о нем В.М. Пуришкевич. Эта излишняя «увлеченность» не раз приводила его к острым конфликтам с представителями власти и 17 ноября 1907 года едва не довела до дуэли с главой правительства П.А. Столыпиным. В своей речи в защиту польской автономии Родичев позволил себе следующие слова: «В то время когда русская власть находилась в борьбе с эксцессами революции, видели только одно средство, которое Пуришкевич называет «муравьевским воротником» и которое его потомки называют, быть может, «столыпинским галстуком!»» Столыпин, после окончания речи оппозиционного депутата демонстративно покинул зал заседаний. Как вспоминал Милюков, «из павильона пришло сообщение, что Столыпин глубоко потрясен, что он не хочет остаться у своих детей с кличкой «вешателя» и посылает Родичеву секундантов». Родичев был вынужден принести извинения, что и исчерпало инцидент.

Политическим идеалом Ф.И. Родичева была республика. И хотя он иногда высказывался в пользу конституционной монархии, последняя для него, видимо, была лишь ступенью на пути к идеалу — республиканской форме правления. «Республика, — рассуждал он, — бесконечно труднее монархии, потому что в республике необходимо повиновение закону всех и каждого, свободное, не вынужденное, не по принуждению, а по доброй воле. Для того, чтобы жить в республике, нужно

работать больше, чем работают в монархии... Уметь ограничивать себя во имя права — вот первое достоинство и первая заслуга республиканца!»

Как отмечает современный биограф Родичева, кадетский депутат с каждым годом всё меньше верил в законодательные возможности Думы. «*Эта дума не народная, а министрская, дума помещичьей злобы*», — отзывался политик о III Думе. А накануне открытия IV Государственной думы Родичев делал следующий прогноз: «*Большинство там составят воскресшие дети Аракчеева, народ на выборах подменен 7200 священниками. Это все равно, как завести 7200 граммофонов и потом сказать, что это голос народа*». Монархисты отвечали Родичеву «взаимностью». Лидер Союза русского народа и правой фракции Государственной думы Н.Е. Марков так отзывался о своем оппоненте: «*Я (...) долгое время заблуждался и считал Родичева за русского человека. Но теперь, послушав последние речи этого депутата, у меня открылись глаза: Родичев вовсе не русский, Родичев — отпрыска исторического атавизма. Каким-то колдовством возродился в нем племянник древней, давным-давно вымершей Веси. Родичев — это пережиток монгола из Веси, заклятый враг Суздаля и Москвы, полный языческой злобы и беспощадной исторической мести против всего русского, против православного. Родичев — несомненный инородец, враждебный России. Есть такие инородцы, в глазах которых русское государство не более, как ненавистная тюрьма, самое имя Россия «оскорбляет их чувства», а вид православного креста заставляет их корчиться в судорогах беспредельного бешенства... Что Родичев весь егонец, но не русский, явствует с полной несомненностью из его же собственных речей. (...) Россия в глазах Родичева — не мать, а тюрьма. И вот он поносит и позорит Россию».*

В годы Первой мировой войны Ф.И. Родичев публично выступал с речами, призванными укрепить веру в победу русского оружия, но сам в нее не верил. «*Мне передавали, — писал кадет В.Д. Набоков, — что еще в 1914 г., в заседании Центрального Комитета партии к.д., немедленно после начала войны (...), Родичев воскликнул: «Да неужели вы думаете, что с этими дураками можно победить?»* Об этом же свидетельствует и дочь Родичева, вспоминая, что ее отец «*ни одной минуты не верил в благополучный исход войны и предсказывал неминуемое поражение России*».

В 1915 году, как и остальные кадеты, Родичев оказался в рядах Прогрессивного блока. «*Во французской истории, — рассуждал он в 1915 году, — как известно, были моменты, когда вместо разложившегося правительства работали яко-*

бинские клубы, и потом из этих клубов образовалось новое правительство. Наши союзы поневоле также обратятся в новое правительство, но это процесс органический, который торопить нельзя». Кадетский оратор в это время подчеркивал, что достижение его политических идеалов возможно лишь «после полной победы над существующим строем». Являясь давним, еще со времен работы в тверском земстве оппонентом премьера Б.В. Штюрмера (в прошлом тверского губернатора), Родичев заявлял: «В России нет ни одного течения, ни одного направления, которое может поддержать вот это жалкое, ничтожное правительство!» А когда накануне стремительно надвигавшейся революции министр земледелия А.А. Риттих призывал оппозицию предотвратить грядущее «несчастье», выразив при этом свою полную готовность сотрудничать с Думой, Родичев заявил ему в лицо: «То, что надвигается... это не несчастье, это крушение. Я верю в то, что страна найдет в себе живые силы, справится и выйдет из этого испытания; я верю в силы России, но первый камень, который ей придется на своем пути отвести для того, чтобы спастись, это — режим и представляющие его люди».

24 февраля 1917 года, когда в Петрограде уже шли массовые демонстрации и произошли первые столкновения с войсками и полицией, Родичев при обсуждении в Думе нового запроса о продовольственном снабжении столицы, делая намек на министра земледелия А.А. Риттиха, напомнил депутатам историю митрополита Филарета (Романова), который, несмотря на то, что был патриотом, оказался «в лагере Тушинского вора». «Господа, — говорил депутат, — положение России ясное, оно такое же, как и тогда. Мы боремся не только с внешним врагом, мы боремся с лагерем Тушинского вора... И да будет с ним покончено с сегодняшнего дня». «Вот это мне нравится», — сказал по свидетельству Родичева А.Ф. Керенский по завершении его яркого выступления.

В дни Февральской революции Ф.И. Родичев стал комиссаром Временного комитета Государственной думы (а затем и Временного правительства) по делам Финляндии, агитировал за продолжение войны с Германией до победы, успокаивал волнения матросов в Гельсингфорсе. Выступая перед революционными войсками, которые он призывал повиноваться офицерам, избегать самосудов и продолжать войну, Родичев говорил: «Века пройдут, и будут вспоминать о том, что делал русский народ, русское войско и русский флот в 1917 году. Будем же надеяться, что наши внуки и правнуки будут с гордостью и благодарностью вспоминать нас. Неужели же свершится то, что и называть не хочется?» Родичев также вхо-

---

дил в состав Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, призванной расследовать преступления «старого режима».

«На Петербургской трибуне я часто в «февральские месяцы» слышал знаменитого кадетского трибуна Ф.И. Родичева, — вспоминал кадет И. Куторга. — Помню, что я очень волновался от одной мысли, что сейчас я его увижу и услышу впервые в жизни. На трибуну неловко поднялся громадный, грузный старик, с немного растерянной и вместе с тем саркастической улыбкой. (...) Услышав возгласы протеста, Родичев вдруг резким движением поднял голову, сбросил пенсне, и его какое-то как бы несвязное бормотание, в котором мы разбирали лишь отдельные, между собой почти как будто не связанные слова — «Родина», «Россия», «Война», «Революция», — сразу превратилось в сильный и страстный поток патриотического красноречия, где первое место занимали призывы продолжать войну до победного конца и в предстоящей победе осуществить «историческое задание» Российской державы. Горячие призывы сменялись бичующим сарказмом, направленным против пораженцев-ленинцев и особенно «полу-ленинцев», своей половинчатой политикой губящих родину и с ней революцию. Помню до сих пор, что это была самая резкая и злая критика меньшевиков и эсеров из Совета рабочих и солдатских депутатов, которую мне пришлось слышать на петроградских митингах того времени. В словах Родичева было много едкой горечи и глубокого разочарования. И этот тяжелый надрыв старого либерала почувствовали даже мы, его безусые слушатели. Я сидел, помню, совсем зачарованный этим фонтаном страстного красноречия».

Видя, как от его сторонников власть стала стремительно ускользать и переходить в руки левых, Родичев сделал ставку на генерала Л.Г. Корнилова, поддержав его выступление в августе 1917 года. После Октябрьской революции Родичев участвовал в выборах в Учредительное собрание и был избран в его состав. Он страстно выступал в защиту прав «Учредиловки» и ее избранных членов, осуждал действия большевиков. После убийства в Петрограде М.С. Урицкого Родичев подвергся кратковременному аресту. Выйдя на свободу, политик не стал искушать судьбу и перебрался в Киев, а затем в Ростов-на-Дону, где участвовал в работе антибольшевистских организаций, включая Совет государственного объединения России, Всероссийский Национальный центр и Особое совещание при генерале А.И. Деникине. В 1920-м, в разгар советско-польской войны, Родичев, являвшийся в это время по поручению барона П.Н. Врангеля представителем Белой армии в Польше, выступил с призывом к русским

людям не сражаться против поляков, так как они идут «как братья и освободители». Вместе с Б.В. Савинковым он участвовал в переговорах в Варшаве о координации польских войск и русских антибольшевистских сил в борьбе с советской властью, был принят Ю. Пилсудским. Переехав в 1921 году во Францию, Родичев вошел Парижскую конституционно-демократическую группу. Не признав «новой тактики» Милюкова, он оставался приверженцем взгляда, что свержение большевиков невозможно «без общеевропейской интервенции». Переехав в конце жизни в швейцарскую Лозанну, Федор Измайлович отошел от политической деятельности. По свидетельству современников, он сильно нуждался, живя на пособие Красного Креста и материальную помощь от друзей. *«Печально доживал свою жизнь Ф.И. Родичев в эмиграции, — вспоминал Оболенский. — Устранившись от эмигрантской общественной жизни, в большой материальной нужде, он тихо жил в Лозанне со своей маленькой старушкой-женой, с которой до самой смерти его связывала дружба и любовь. Умерли они почти одновременно».*

Ф.И. Родичев скончался в Лозанне 28 февраля 1933 года. Вся свою жизнь он боролся против царского самодержавия, стремясь превратить Россию в «правовое демократическое государство» по образцу Французской республики, но итогом этой борьбы стало лишь крушение привычного старого мира со всеми его достоинствами и недостатками. Новая власть, в творческие возможности которой слепо верили российские либералы начала XX века, оказалась совершенно беспомощной совладать с поднятыми ею же волнами, которые ее вскоре и погребли. *«По рождению Родичев был помещиком, но, отвлекаемый общественной деятельностью, мало занимался своим хозяйством, — писал В.А. Оболенский. — Адвокат по профессии, он не любил адвокатуру и почти не выступал в судах. В качестве уездного предводителя дворянства и земского гласного был энергичным деятелем, но это была именно «деятельность», а не работа. А когда наконец он был выбран председателем губернской земской управы и рассчитывал работать в деле, которое любил, министр внутренних дел не утвердил его в должности. Так и прошла вся жизнь Родичева в заседаниях и речах, в речах и заседаниях. И стал он «народным трибуном», как его называли левые, а по мнению правых — «праздным болтуном»».*

ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА. ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Классическая революционная теория утверждает, что для совершения революции необходимы предпосылки. Отчасти это так. Другое дело, что такие предпосылки есть в каждой стране в любое время, а революции порой случаются там, где эти предпосылки минимальны. Например, в Ливии в 2011 году их было гораздо меньше, чем в других африканских странах. Более того, там и верхи управляли умело, и низы жили так, как соседи могли только мечтать. Победа т.н. «ливийской революции» была предопределена «штыками», вернее, бомбами «мирового сообщества». Ещё один пример — Франция XVIII века. Страна была одной из ведущих держав Европы, с самым большим населением. Здесь сработал другой революционный приём — предварительная «революция в головах».

Оба этих примера соотносятся с теми событиями, которые произошли в России в феврале 1917 года. Нельзя сказать, что в стране отсутствовали внутренние противоречия, и жизнь была идеальной. Надо признать, что кризис носил системный характер. Очевиден был идеологический надлом. И самое главное, нарастала духовная болезнь безбожия. Реальным воплощением духовной болезни стал террор, развязанный против представителей власти, и сгоревшие барские усадьбы. Но при этом нельзя отрицать и того, что эти противоречия искусно подогревались извне. Огромные средства в революционное движение вкладывал американский капитал. Две крупные фигуры революции Керенский и Троцкий были с ним связаны. Не случайно один из них был привезён в Россию из Америки, а другой бежал от новой революционной волны в обратную сторону. Многие революционные партии получали подпитку (идеологическую, финансовую, политическую) от стран, воюющих с нами, включая Японию, Германию, Австро-Венгрию, Турцию. Да и наши союзники предпочитали делить послевоенный мир без участия России.

Однако, несмотря на усиление революционных настроений, в стране набирало силу и созидательное движение, ос-

---

нованное на лучших российских традициях. Просыпался интерес к народной жизни. Хозяйство страны развивалось невиданными темпами.

В начале XX века Российская империя, наряду с США, занимала ведущее положение в мировом сельском хозяйстве. Это особенно видно на примере зерновых культур: за первые 14 лет XX века урожайность хлебов увеличилась на 10%, сбор зерна на душу населения более чем на 20%. Валовой сбор зерна составил 92 миллиона тонн — 1-е место в мире (половина мирового урожая ржи, второе место по урожаю пшеницы). Общий объём экспорта зерновых составил 651 миллион рублей. Россия также занимала 1 место по производству и экспорту сливочного масла.

В период с 1906 по 1914 год промышленность в среднем росла на 6% в год. В целом, за период 1887—1913 гг. промышленное производство в России увеличилось в 4,6 раза. Доля в мировом промышленном производстве возрасла с 3,4% в 1881 году до 5,3% в 1913-м. По общему объёму промышленного производства Россия вышла на 5-6-е место в мире.

Накануне революции национальный доход страны составлял 16 миллиардов рублей (7% от общемирового). По этому показателю Российская империя занимала четвёртое место после США, Германии и Британской империи. По темпу роста национального дохода она опережала многие страны. Золотой запас России составлял громадную цифру — 1 337 тонн.

С 1897 по 1912 год численность населения увеличилось на пятьдесят миллионов (!!!) человек. Между прочим, это столько же, сколько составляло всё население Австро-Венгерской империи. Причём, основной прирост давали именно русские губернии.

Всенародное воодушевление и единение с Царём проявилось во время торжеств прославления преподобного Серафима Саровского и в первые месяцы Великой войны, впоследствии названной Второй Отечественной.

Что же ещё было нужно? Ах, да, политических свобод: свободы слова, собраний, всеобщего равного избирательного права... Землю — крестьянам... Хотя к 1917 году помещичьих земель оставалось всего около 10% от общего числа сельскохозяйственных угодий (40 из 381 миллиона десятин). По данным земской статистики, крестьяне владели 90% пашенной земли и также 94% скота в европейской России.

Но... к тому времени начала давать обильные плоды революционная пропаганда (выражаясь современным языком, «обработка сознания»), которая велась не одно столетие. С XVIII века на этой ниве трудились просветители, гуманисты, народники, нигилисты, социалисты, марксисты... В XX веке идеи необходимости преобразований перешли в открытый

призыв «смены строя». Диву даешься, читая «прогрессивную» печать того времени. Настолько она была пропитана ненавистью к традиционной России и главным её охранителям — Православной Церкви и помазаннику Божью русскому Государю. В «просвещённых» умах многих представителей высшего света глубоко засела мысль о «реакционности самодержавия» и необходимости скорейшего устранения препятствия для преобразования «отсталой страны» в лице царя-консерватора. «Мыслящее общество» уже не представляло будущего без создания «ответственного правительства» и созыва Учредительного собрания.

Таким образом в России в то время существовали два разнонаправленных внутренних движения. Одно — созидательное, основанное на традиционном русском мировоззрении, другое — революционное, предполагавшее слом «устаревшего, реакционного» государственного строя. В 1917 году жажда преобразования и решительных действий возобладали над здравым смыслом. Постепенный созидательный путь был отвергнут. Духовная болезнь, поразившая «прогрессивную» часть общества, стала распространяться на всё российское общество.

В феврале 1917 года, накануне наступления Русской Армии, которое неизбежно привело бы к победе (о чём говорили военные специалисты), началось наступление на самодержавие. Окружение Императора настаивало на отречении Николая Второго от престола «ради спасения России» ввиду разрастающейся революции.

Предлагалось передать власть наследнику — малолетнему цесаревичу Алексею. Невинное на первый взгляд действие. Николай прекрасно понимал, к чему может привести подобная перестановка. Именно поэтому Император Николай Второй в Манифесте «*В дни великой борьбы с внешним врагом...*» передал власть не ему, а своему родному брату Михаилу Александровичу. В настоящее время подвергается сомнению добровольность и законность отречения, но официально было объявлено именно так. Вот тут-то и произошло то, что резко изменило ход событий, давно спланированного «спасителями отечества». Михаил Александрович Романов отложил принятие царских полномочий до того дня, когда «*Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа*».

Временный революционный комитет, созданный Государственной Думой (которую Император своим Указом успел распустить) всё же составил новое (временное) правительство во главе с князем Г.Е. Львовым. В его состав вошли самые, казалось бы, передовые представители общества. Кто же знал, что большинство из них были одновременно членами тайных обществ?

Таким образом «просвещённые патриоты» получили в свои руки давно желаемую власть и свободу действий по своему усмотрению. Но они не предусмотрели одну немаловажную деталь. Теперь свои промахи и глупости уже нельзя было списывать на «плохого» царя. Нужно было править самим, а они к этому оказались неспособны. Одно дело добиваться власти, и совсем другое — умело управлять. Насколько расчётливым и выверенным был их поход за властью, настолько же бездарным оказалось управление страной.

Но в те дни «прогрессивная общественность» восприняла отречение Царя с воодушевлением, как победу. Городские площади заполнились толпами ликующих людей с красными бантами. Остальная часть населения (большая, кстати сказать) была в недоумении и пыталась понять, что же произошло. Теперь говорят, что народ не защитил своего царя, но вся сложность ситуации в том-то и состояла, что не было ясно, кого защищать. Законный царь «отрёкся». Его будут судить за «преступления». Новый тоже. Пришла свобода. Землю дадут. Заживём по-новому.

Воздух наполнился пьянящим запахом свободы.

Вопреки устоявшемуся мнению о мирности Февральской революции на самом деле погибло много людей. В основном полицейских и военных. Повсюду проводилось выявление реакционеров. До сих пор неизвестно, сколько ненавистных «старорежимников» стало жертвой «народного гнева». Зато наступила долгожданная свобода слова. Говори что хочешь, если это не вредит делу революции. И свобода собраний. Страна буквально покрывалась густой сетью нескончаемых митингов.

Сразу же после революции была образована комиссия по расследованию «преступлений» царя. Однако, никаких доказательств преступных действий Николая Александровича привести не удалось, несмотря на огромное желание доказать справедливость революционных выступлений против «кровавого» тирана.

Что же дальше? А вот этого никто толком не знал, включая новое народное правительство и чиновников старого государственного аппарата. Страна, как поезд на спуске, потерявший машиниста, без тормозов покатила в пропасть. Лидеры Февральской революции, показавшие чудеса изобретательности и слаженности действий в борьбе за власть, оказались совершенно не готовы к управлению страной.

Несмотря на революционную эйфорию, первое Временное «революционное» правительство было вынуждено сложить свои полномочия уже через четыре месяца. Новое правительство (опять же временное) возглавил социалист-революционер А.Ф. Керенский. Воцарился любимый амери-

---

канцами управляемый хаос, которым на самом деле никто не был в состоянии управлять. Последовали провал наступления на фронте, корниловский мятеж, очередной правительственный кризис и новое нарастание народных волнений. И тогда сторонник всяческих свобод Керенский, был вынужден возложить на себя диктаторские полномочия. Но и это не помогло. Страна продолжила стремительно катиться в пропасть. Три состава Временного правительства за несколько месяцев довели страну до логического конца — в октябре того же года власть в свои руки взяла гораздо более решительная сила.

Какие же благие деяния для страны успела свершить новая революционная власть, которая так бескомпромиссно выявляла недостатки «старого режима» и решительно настаивала на скорейших преобразованиях?

Была проведена реформа управления, в результате которой были устранены чиновники (в первую очередь, губернаторы) не проявившие лояльности к новой власти. Была проведена гучковская чистка, по которой из армии были уволены 160 «консервативных» генералов. Зато была оказана поддержка солдатским комитетам, подрывавшим армейскую субординацию и воинскую дисциплину, что приводило к ещё большему разложению армии, ведущей войну с внешним врагом.

Страна неуклонно разваливалась на части. Оккупированные Польша и Литва были признаны независимыми. По этому же пути стремительно шли Украина и Финляндия. Усилились сепаратистские устремления в Эстонии, Латвии, на Кавказе. И даже в русских землях Войска Донского, Войска Кубанского, в Сибири и на Дальнем Востоке. Временное правительство, состоявшее в основном из членов масонских лож, было не в состоянии предотвратить осуществление старого масонского плана по расчленению России.

Земельный вопрос, несмотря на разработанную вполне разумную программу, на практике решался в основном с помощью «чёрного передела». По сути, самовольного захвата. Таким образом, были перераспределены остатки помещичьих земель.

Не бесполезно будет узнать, что же получили сами февралисты, люди, и без того находившиеся у вершины власти, в результате такой успешной операции как Февральская революция?

Председатель первого Временного правительства князь Г.Е. Львов и председатель Государственной Думы М.В. Родзянко кончили свои дни вдали от родины, зарабатывая на жизнь кто как мог. Могушественный Гучков продолжал бороться, теперь уже с революционерами-большевиками, но тоже за пределами страны, куда, кстати, заблаговременно перевёл свои кровные средства. В эмиграции оказался и обрванный правдолюб П.Н. Милуков. Но он, продолжая

критически относиться к большевикам, приветствовал имперскую внешнюю политику Сталина. А самый революционный из февралистов, А.Ф. Керенский, находясь уже в Америке, писал: *«Многим кажется, что России больше не существует! Не существует России, с которой можно считаться как с силой?! Нет, Россия была, есть, а главное, будет!»* Так часто бывает. Осознание, что тебя использовали для достижения чужих целей приходит, но поздно. Дело сделано. Ничего исправить невозможно. Страна получила смертельный удар. Сможет ли она выжить, теперь уже зависело от других людей.

Вспомним и генералов, прямых виновников «отречения» Императора Николая Александровича. Ближайший «сподвижник» Государя начальник штаба М.В. Алексеев после революции всё же получил желанную должность Верховного главнокомандующего, но не сразу и ненадолго. Кстати, в письме жене, уже после февраля, он тоже писал о предательстве: *«Как будто по чьему-то приказу исполняется чей-то предательский план, власть в полном значении слова бездействует и ничего не хочет делать, зато говоренья бесконечно много...»* После октября он уехал на Дон формировать антибольшевистскую армию, где и скончался от тифа.

Командующий Северным фронтом Н.В. Рузский, заманивший Государя в псковскую западную и насильно требовавший отречения, был арестован большевиками. Он отказался возглавить части Красной армии, чтобы не участвовать в войне русских с русскими, и был заколот кинжалом при невыясненных обстоятельствах. Л.Г. Корнилов, лично прибывший в Царское Село для ареста Императрицы, принял активное участие в формировании Добровольческой армии и был убит в 1918 году. Его могила была вскрыта красноармейцами, прах осквернён.

Командующий Западным фронтом А.Е. Эверт всеподданнейше умолявший царя ради спасения России «принять решение», был отстранён сразу же после Февральской революции. После убийства царя он говорил: *«А все-таки, чем ни оправдывайся, мы, главнокомандующие, все изменники присяге и предатели своего Государя! О, если бы я только мог предвидеть несостоятельность Временного правительства и Брест-Литовский договор, я никогда бы не обратился к Государю с просьбой об отречении! Нас всех ожидает та же участь и поделом!»* Позже он был арестован ЧК. По одной из версий, был убит конвоирами. По другой — остался жить в России до 1926 года. Похоронен в Смоленске. В этом же году скончался и бывший командующий Юго-Западным фронтом генерал-адъютант А.А. Брусилов. Именно он сменил генера-

---

ла Алексеева на посту Верховного главнокомандующего, но после провала июньского наступления был заменён генералом Корниловым. В Гражданской войне не участвовал. А.А. Брусилов вступил в Красную Армию в 1920 году, во время польского наступления на Москву. Возглавлял Особое совещание при Главнокомандующем всеми вооружёнными силами Советской Республики, вырабатывавшее рекомендации по укреплению Красной армии. С 1924 года состоял при Реввоенсовете для особо важных поручений. Был похоронен со всеми воинскими почестями у стен Смоленского собора - Новодевичьего монастыря.

В патриотической среде утвердилось мнение, что в развале России в 1917 году виноваты большевики. Но очевидно, что октябрьской революции не было бы вовсе, не будь февральской. Октябрь был скорее контрреволюцией по отношению к Февралю.

Каковы же итоги Февральской революции 1917 года? Они действительно эпохальны.

Была изменена система государственной власти. Самодержавная форма правления, просуществовавшая более тысячи лет, при которой власть (княжеская, царская, императорская) передавалась по наследству, была отменена. Но республиканская власть в России не прижилась. Родилась новая — Советская. Однако сам принцип единовластия (несмотря на всяческое подчёркивание коллегиальности правления новыми властителями) сохранился после всех революций, вплоть до наших дней.

Была почти полностью уничтожена династия Романовых, правившая в России более 300 лет. Оставшиеся в живых Романовы скончали свои дни вне пределов Родины и в политической жизни почти не участвовали.

После 200-летнего перерыва было восстановлено патриаршество. Правда, это не относится к заслугам февралистов, а скорее заслуга традиционалистов.

Было изменено сословное устройство общества, но не законодательным актом, а путём уничтожения «эксплуататорских» классов (дворянства и буржуазии). На грани уничтожения было и духовное сословие. Но Божиим Промыслом оно было сохранено и возрождено.

Вместо победного окончания Второй Отечественной войны, которое ожидало Россию в 1917 году, и овладения проливами с выходом в Средиземное море, страна была разрушена. Многие земли Империи были потеряны.

Число погибших в годы революции и Гражданской войны составило более 10 миллионов человек. Покинуло родину около 3 миллионов человек. Ещё несколько миллионов оста-

---

лись в Польше, Финляндии и Прибалтике.

Изменилась и сама жизнь. Многие до сих пор считают Царскую Россию «тёмной и лапотной». Но если бы этим людям довелось пожить в той «утраченной» России, то скорее всего они бы не захотели возвращаться «оттуда». Доказательства? Извольте. Почитайте произведения писателей «старого режима»: Пушкина, Гоголя, Чехова... Послушайте музыку Чайковского, Римского-Корсакова, Рахманинова, Глазунова... Обратитесь к лучшим представителям русской мысли: А.С. Хомякову, Н.Я. Данилевскому, Ивану и Константину Аксаковым, нашим духовным светочам: митрополиту Филарету, Игнатию Брянчанинову, Иоанну Кронштадскому... Все они из той «старорежимной» жизни.

Крестьяне ходили в лаптях? Да, ходили. Эта обувь приспособлена для нашего климата. Кстати, во время Великой войны в России был самый многочисленный воздушный флот. Без сомнения, наши лётчики летали не в лаптях. А посмотрите на праздничный костюм русской крестьянки, который имелся почти в каждой семье. Впрочем, этот спор бесплодный. Его рассудит время, «долгое» время. Но непреложным остаётся факт невидимого присутствия духа старой традиционной России после всех революций. Именно он помог нам сохраниться в период господства идей классовой ненависти, когда «Россия нужна только для раздувания мирового пожара революции». Этот же русский дух помог выстоять и победить во Второй мировой войне, ставшей для нас Отечественной. Этот же дух преобразил теорию «диктатуры пролетариата» в «Моральный кодекс строителя коммунизма», основанный на христианских ценностях. Эта же внутренняя сила остановила разрушение страны после очередной революции 1991 года и гибельных 90-х.

Вот мы и подошли к главному выводу, который следует учесть в год столетия Февральской революции. Надо суметь почувствовать в себе эту силу, которую в сказках называют русским духом, а в политике «национальным самосознанием». Это и есть национальное сознание великороссов, белорусов, малороссов... всех коренных народов России, считающих её своей Родиной. Надо взращивать это сознание как общероссийское.

И второй важный вывод. Пора прекратить поддаваться дьявольской уловке — теории переустройства России по революционным рецептам. Красивые теории строительства «светлого будущего» на обломках «отсталой» России ведут к ещё большей отсталости, деградации и смерти. Наше светлое будущее мы сможем построить, достойно исполняя своё «маленькое» дело с большой любовью к России.

«КОГДА Б НЕ СМУТНОЕ ВЛЕЧЕНЬЕ...»

Памяти А.С. Розанова

*Пустеют дни, как сны, как всё на свете...
Но там, вдали, за тёмной бездной лет,
Он весел и по-моцартовски светел —
России легкомысленный поэт.*

*Ночь тлеет над Михайловским туманно,
Клубится лёгкой дымкой у пруда,
Где в полутьме мерцают плечи Анны
И лик поэта, светлый навсегда.*

*Спи, ночь, дышите, липы, вей, прохлада,
Над вечностью, поэтом, над судьбой,
Где не стихи — его любви награда,
Но лишь само мгновенье ночи той.*

*Спи, ночь, тверди, душа, лелея это, —
Забыв пустую молвь, и суесловь, —
Прекрасный сон России, ночь поэта,
Его и жизнь, и слёзы, и любовь.*

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

Неожиданно началась метель. Чингизские горы сначала задёрнулись серым, потом совершенно слились с небом.

Быстро темнело...

Шофер включил фары, но в салоне света не зажигал: он видел, что почти все пассажиры дремали, утомленные этой долгой и трудной дорогой.

Крупный встречный снег надвигался шевелящейся, скручивающейся массой, сплошным потоком, лишь у стекла, в свете фар, разбиваясь на различимые отдельные.

Снегочиститель беспрерывно смазывал серое сало снега, оно стекало вниз и вновь моментально накапливалось, вбираемое скоростью, и, наверное, еще встречным ветром.

Это был первый снег осени, неожиданно ранний, скорее всего случайный, которому наверняка еще суждено растаять.

Было только 16 сентября.

— Дорога Абая, — сказал мой спутник, взглядываясь в боковое окно, за которым уже ничего нельзя было разглядеть, — здесь кочевал тобыктинский род, род Абая... Унылые места... Но весной здесь красота... Цветы, птицы...

Мой спутник, потирая стекло, еще некоторое время взглядывался в окно, потом оторвался, уселся поудобнее, вытянув под переднее сиденье ноги в серых джинсах и, нахохлившись, сразу же задремал.

Старый журналист, литератор, заядлый пушкинист-любитель, исколесивший за десятки лет работы собкором все эти степи, он не любил терять понапрасну время — тем более что из окна не проистекало никакой информации.

Там проистекало пространство...

Миллионы снежинок беспрерывно влетали в двоящую трубу света, образуемую лучами фар, влетали неостановимо, как-то торжественно-обреченно. Они вывинчивались из боковой тьмы, ниоткуда, неожиданно большие и лохматые — и казалось, что этим бесконечным облетанием множеств рассыпалось в прах само мироздание...

В автобусе уже все спали, однообразно и равномерно покачиваясь; дремали пограничники на заднем сиденье; спали среди своих мешков и ящиков геодезисты. Бодрствовал только маленький сухой старик-казах у прохода. Он сидел неподвижно-прямо, положив костистые темные руки на посох, и строго, не моргая, смотрел вперед, за плечо шофера, на бесконечную осеннюю дорогу.

Я посмотрел на шофера. Он нервничал, курил, беспрерывно перекачивая папироску в зубах, и напряженно подергивал руль — видимость была нулевая...

Мотор гудел ровно, и я вновь погрузился в раздумья, которые не оставляли меня всю эту поездку...

***

В такую же осень, 150 лет назад, коляска Пушкина, влекомая почтовой сменной тройкой, катила по тракту Симбирск—Оренбург. Поэт целеустремленно двигался по пути, пройденному Пугачевым шестью десятками лет раньше, и оставался еще один, последний четырехдневный перегон до самого сердца пугачевщины, — Оренбурга и Уральска, откуда и разнеслась когда-то на треть империи стихия кровавого, трагически обреченного крестьянского бунта.

Едва ли эта поездка могла добавить что-то существенное к тому, что Пушкин уже отыскал в частных и царских архивах и книгохранилищах. Обильные выписки из всего этого находились здесь же, в дорожном сундучке, на котором посапывал сейчас этот несносный Ипполит, его слуга, нанятый на дорогу в Москве, раздражавший и бесивший Пушкина беспрепятственно.

Конечно, документы — есть документы, но нужно было вдохнуть еще и ветер времени, запах этих степей, нужно было здесь отыскать какую-то внутреннюю, неосязаемую еще точку отправления, вокруг которой, как от закваски, начнет бродить и оживать безжизненный еще замес всех этих выписок...

Уже на другой день после Симбирска увалы Общего Сырта стали заметно положе, степь всё смелее и чаще вторгалась в пейзаж, места становились глуше, пустынные.

По хлипким мосткам, но чаще вброд, экипаж пересекал тихие степные реки, и Пушкин не забывал у очередного возницы спрашивать об их названиях. И он не мог не заметить некоторой странности здешних имен. Названия рек были то откровенно тюркские, — Сок, Бугуруслан, Кинель, то вдруг начинали перемежаться явно ираноязычными — Уран, Бузулук, а то вдруг веяло чем-то уже совершенно библейским — Самара, Сакмара, словно бы отзвук далекого хазаро-иудейского пласта.

Земля здесь, сейчас малолюдная, была, однако, хорошо протоптана историей, и слои без конца меняли друг друга, застыв теперь в этой странной чересполосице названий...

***

Автобус все летел сквозь ночь и снег, и, думая о Пушкине, я вспоминал те места оренбургского Сырта, переходящего в степь, которые я знал чуть не наизусть: это была моя родина.

И четыре пушкинских дня в середине сентября 1833 года, в один из которых он пересечет маленькую крепостцу, тепе-

---

решный районный городок Бузулук, где я когда-то жил, где прошла моя молодость, где похоронена моя мама, — четыре эти дня для меня предмет постоянной радости и боли сердца и постоянных раздумий.

И это — не от тщеславного стремления приобщиться косвенно к великому или уловить некий тайный знак в воображаемом пересечении судеб (мало ли людей живут в тех же домах и ходят по тем же дорогам, где бывал и ходил живой Пушкин?), в этом смутном влечении к постоянному сопутствованию, может быть, самое главное — это само *влечение*, которое уже вошло в плоть и кровь и стало внутренне привычным и почти родным...

И если бы вдруг оказалось, что Пушкин на самом деле миновал мою родину, маленькую крепостцу Бузулук, и проехал гораздо севернее (что, в общем-то, вполне возможно), я лишился бы чего-то важного для себя, к чему привык давно и накрепко...

Собственно, я и увязался в эту поездку с моим немолодым спутником в надежде и ожидании большого разговора с ним, знатоком и ценителем Пушкина, — с тайным желанием подтвердить свои воображаемые, может быть, предположения...

Но всю неделю этой командировки мой спутник метался по району, собирая будущий очерк, а потом, поддавшись своей обостренной журналистской совестливости, выручал из беды какого-то совершенно постороннего человека, и всё вдруг, с этим человеком, оказалось не так-то просто, запутаннее, и, как всегда в жизни, — неоднозначнее.

Мой спутник являлся по вечерам в гостиницу с темным от гнева и разочарования лицом, запылённый, усталый, едва перекусив, бросался в постель, и у меня не поворачивался язык завести с ним разговор на столь отдаленную от всего этого тему.

Я делал свое маленькое дело в этой необязательной для меня командировке, но больше гулял по пыльным осенним улочкам казахстанского посёлка, так похожим на улочки города моей родины, думал о странностях случайных пересечений в этом мире и еще о том, что прошлое можно восстановить лишь отчаянным воображением и то лишь на миг и прилизительно.

Облетали под осенним ветром листья с тополей, и этот ветер ощущался почти как ветер времени, застилающий память бесконечным облетанием множеств...

* * *

Коляска Пушкина осторожно спускалась на тормозах с Сухореченской горы к реке. Глинистый сухой спуск вдоль долины ручья становился порой настолько крут, что возница

просил барина выйти из коляски. Вдали, внизу за рекой виднелась крепостца; Пушкин шагал по обочине, отворачиваясь от пыли, и в осеннем небе, прямо над головой журчали последние жаворонки.

Скоро, вот-вот, они отлетят на юго-восток, пересекут всю степь и скроются за горами в южном далеком краю.

Так же сорвутся вдаль и здешние степные птицы. Они пронесутся над кочевьями казахского рода тобыкты, где молодой волостной управитель, почти ровесник Пушкина, Кунанбай, будет наблюдать у своей белой юрты, как взнуздывают двухлетних жеребят. У этого властного и сурового человека с обезображенным оспой лицом через двенадцать лет от одной из четырех жён, Улжан, родится сын Ибрагим, который станет великим поэтом своего народа — Абаем.

В степи, такой просторной и вольной, было беспокойно и тесно; доносились слухи о Кенесары, который с отрядами джигитов опустошал на юге, на землях Большой Орды, зимовки соседей.

Эта степь еще ждала не только мира и покоя, но и своего пророка и оплакивателя...

А может быть, птицы свернут и устремятся вдоль прямой и широкой долины спокойного в это время Иртыша. Промелькнут внизу мелкие крепостцы, казачьи станицы, желтеющие стернею косые косынки сжатого хлеба, рогатые стога по лугам...

На берегу Бухтармы увидит этих птиц ссыльный декабрист Матвей Иванович Муравьев-Апостол. Он выйдет посмотреть, как казаки крепости начнут свою первую осеннюю путину, — вот-вот должна пойти нельма, — и заглядится с печалью на небо. Еще три года отбывать ему в этой крепости ссылку, старшему из трех братьев-декабристов, но ему пока неизвестно это. Как и неизвестно то, что проживет он необыкновенно долго — 93 года, почти вдвое дольше обеих жизней двух своих младших братьев, один из которых уже казнен, а другой — застрелился...

* * *

Автобус сильно качнуло, мой спутник вздохнул во сне, встрепенулся, как-то недовольно огляделся и вновь задремал. Голова его ушла вбок, рот открылся, и лицо приобрело безмятежно-детское выражение, очень понятное мне, как-то сближающее и упрощающее и наши возрасты, и возможные отношения между нами, стань мы ровесниками.

Я хорошо могу представить его мальчишкой, там, где-нибудь на предвоенном арбатском дворе, где вызванивают велосипеды, треплется белье на верандах, где с утра до вечера пинают мяч. Сам я еще не родился, да и родители мои едва знакомы друг с другом, они студенты и гораздо старше моего спутника.

Они учатся в военно-медицинской академии, учатся быть готовыми к войне, которая разразится через три или четыре года.

А он в том арбатском дворе. Он подросток — долговяз, черноголов, носат. Походка путаная, ноги отстают от тела и худые колени постоянно задевают друг друга.

Почему-то я хорошо могу представить его, он проецируется в свое прошлое легко, как бы упрощаясь и стихая. Вот он, интеллигент, нытик, обжора и ябеда, и его постоянно лупят... Я бы тоже лупил бы его и обзывал, ибо нет беспощаднее и справедливее суда мальчишеской стихийной стаи...

Да, но как бы я его обзывал? Ну, конечно же, так, как и все — Травкой. Травка Попов... Его отец, забытый сейчас детский писатель, написав довольно удачную для тех лет книжку о любопытном мальчике Травке, с которым в большом городе происходят разнообразные приключения, сильно повредил уличной репутации своего сына, и ему теперь нет прохода. Прототип тайно и на всю жизнь возненавидит героя книжки, давшей отцу приличный пожизненный заработок от бесконечных переизданий... Была даже арбатская писательская байка о том, что Попов питается одной «травкой»...

Будет война. И к концу ее, когда мне исполнится два или три года, подойдет срок и моему спутнику надеть военную форму. Он задохнется от неведомых мне ужасов войны, — заряжающим тяжелого зенитного орудия, на которое летели все бомбы неба. Обстреливающие небо, они сами были настезь открыты ему, они были один на один с этим небом...

Война переломает его. Она переоценит в нем все бывшие ценности, и он простит своих оставшихся в живых ровесников, он станет любить их и всю жизнь служить им, их памяти. «Навеки я теперь заряжающий», — несколько напыщенно говорит он в иные минуты, и, в общем, это на самом деле так, хотя слова эти можно бы и не говорить...

Может, всё не так, или не вполне так... Ветер времени, как и ветер памяти, имеет свойство преломлять в своей прозрачной массе очевидное, а потом и это всё застилается бесконечным облетанием множеств. Ведь даже и своя прожитая жизнь совсем не та, чем она была на самом деле, она бесконечно редактируется во времени, выщелачивается, иногда просто забалтывается, и в конце концов уже мало остается истинного, того, что было...

А что же было, если оно на самом деле было?..

* * *

Коляска Пушкина прогромыхла по ветхому наплавному мосту через Самару и въехала в крепость.

«Я глядел во все стороны, ожидая увидеть грозные бастионы, башни и вал; но ничего не видел, кроме деревушки...» — так описывал Пушкин в «Капитанской дочке» Белогорскую крепость.

Наверняка и наш городишко в те годы был такой же захудалой и ничтожной крепостцой, одной из многих на самарской линейной дистанции.

«Передо мной простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько избышек; по улицам бродило несколько куриц...»

«Избы низки и большей частью покрыты соломой...»

Постоялый двор, умёт и почтовая станция находились на свертке, как раз там, где дорога позади крепости углом поворачивала на восток, уже прямо к Оренбургу. В это время в губернию везли хлеб, и коляска Пушкина на въезде в крепость то и дело обгоняла громахающие пыльные телеги и мужиков, идущих обок, тоже запыленных, усталых, едва поворачивающих головы на звон бубенцов.

Мне хочется сейчас, чтобы здесь, у постоянного двора Пушкина встретил бы снеговой заряд, вполне уже возможный в этих местах в это время. Чтобы коснулось его именно там беспощадное в своем равнодушии сквозящее облетание множеств. И мне хочется этого не для вящего эффекта или собственного удовольствия, а для того, чтобы самому осязаемо почувствовать единую волну времени, слепое его движение, где все-таки мы все переплетены нерасторжимо и навеки...

Но мало ли чего хочется. Достоверно известно, что осень 1833 года была суха, и настоящий снег встретил Пушкина уже на обратном пути, когда, посетив Оренбург и Уральск, он спешил в свое Болдино.

«Того мало: выпал снег, и я обновил зимний путь, проехав верст 50 на санях...» — это из письма жене, Наталье Николаевне, написанного уже из Болдина 2 октября, о дороге из Уральска.

И еще из того же письма: «Надобно тебе знать, что нынешний год была всеобщая засуха, и что Бог угодил на одного меня, уготовя мне везде прекраснейшую дорогу...»

Но вот из более раннего письма, от 19 сентября, из Оренбурга: «Насилу доехал, дорога прескучная, погода холодная...»

Итак, снега еще нет, но холодно.

Так пусть хотя бы случайный заряд легкой сыпучей крупы при солнце и ветре встретит Пушкина в тот момент, когда он вылезает на постоялом дворе из коляски. Он придерживает шляпу рукой, а в его курчавой бороде белеют и тают жесткие крупинки снега.

В той поездке Пушкин отпускал бороду и усы — может быть, для того, чтобы острее ощутить себя путешественником, искателем.

Хотя, в общем-то, вся жизнь его была бесконечным путешествием и поиском. По подсчетам пушкинистов Александр Сергеевич наездил за жизнь 34 тысячи верст. Это и по теперешним временам немало, а если учесть, что мир, наблюдаемый из окна довольно медленно передвигающейся коляски, несколько иной, нежели видимый из иллюминатора самолета или даже из окна мчащегося поезда, то Пушкин и здесь вне конкуренции. Свой мир он рассматривал пристально и неспешно, и этот мир был веществен, осязаем, густ и до предела насыщен общением.

Его физическая связь с землей была абсолютной, прочувствованная навсегда ногами, всем телом, на тряских грунтовках России, на бесконечных мостках и бродах, на крутизне Симбирского спуска к Волге, на каменистых тропах Молдавии и Кавказа...

* * *

16 сентября 1833 года...

Какие бы точки опоры расставить вокруг этого дня, что бы он не зависал в воздухе? Что происходило в этот или близкие этому дни на необъятной Родине моей? На чем самом дорогом сосредоточиться, чтобы возник объем именно живой жизни, а не свитка дат?

Тридцатилетний Тютчев прибывает в Грецию с дипломатическим поручением. Им написаны к этому году и гениальный «Silentium», и «Весенние воды», но как поэт он никому еще не известен. Примерно в этот день он сочиняет фантастический «Сон на море», стихи совершенно невероятные и едва ли не единственные такого рода в его творчестве, где он «зрел тварей волшебных, таинственных птиц...»

Льву Толстому 5 лет, Тургеневу — 15.

Двадцатичетырехлетний Гоголь в Петербурге работает над «Историей Малороссии» и мечтает о кафедре истории в только что открывшемся Киевском университете. В этих странных претензиях на академическую ученость уже и современники его видят зерно будущей болезни духа, будущих противоречий, приведших писателя почти к полному самоотречению и сжиганию своих рукописей.

Кстати, пушкинская поездка в Оренбуржье прямым образом сказалась и на творческой судьбе Гоголя. Поэт позже рассказал Гоголю, что губернатор Оренбурга Перовский был предостережен секретной бумагой в том, что Пушкин прибыл не для сбора пугачевских материалов, но для тайной ревизии действий местных чиновников. Этот полуанекдот был блестяще использован Гоголем для создания «Ревизора». Но это — позже...

Двадцатидвухлетний Белинский, исключенный из Московского университета, пробавляется в это время случайной переводной работой, изучает современную ему литературу — и весь уже на подходе к себе, к тому Белинскому, чьи суждения, спустя некоторое время, станут духовной опорой разночинной России. Чахотка уже подкрадывается к нему, и если дух его только лишь начинает воспламеняться и восставать, то тело уже медленно и неотвратно умирает...

Где-то рядом, в той же Москве, марширует по плацу юный курсант Школы гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров Михаил Лермонтов. Впереди еще один год муштры, казёнщины и почти абсолютной творческой пустоты. Здесь рядом, может быть, даже плечом к плечу, стоит его товарищ Николай Мартынов, чьей пулей он будет убит спустя 8 лет. Пути убийцы и жертвы уже сблизились и пошли далее неумолимо и безысходно — до последнего пересечения...

* * *

Мой спутник неожиданно повернулся и внимательно посмотрел на меня. Наверное, я пробормотал что-то вслух, и, чтобы отвлечь внимание, спросил:

— Вы не знаете, когда Дантес прибыл в Россию?

Мой спутник улыбнулся и не без иронии четко ответил:

— Молодой шуан Дантес прибыл в Россию на корабле «Николай I» первого октября 1833 года... Кстати, вместе с бароном Геккерном.

— А когда, примерно, отплыл?

— Ну, это довольно легко подсчитать... Видимо, где-то в середине предыдущего месяца... Этак, 16 сентября...

Я чуть не вздрогнул. Значит, в тот день, когда Пушкин проезжал мимо маленькой Бузулукской крепостцы, будущей моей родины, Дантес садился на корабль, чтобы плыть в Петербург. Через три года он убьет Пушкина, и все эти три года, начиная с 16 сентября, пути их будут неотвратно сближаться...

Снег всё мчался навстречу автобусу, но странно — дорога была не замечена, видимо, автобус шел или вместе со снеговым фронтом или вдоль него. Хаотическое, бесчисленное опадание с бесконечными пересечениями лепило пространство впереди, и не было никаких видимых законов и закономерностей в моментах этих опаданий и пересечений.

И не было никакой возможности понять необходимость пересечения и наших судеб, моей и моего усталого спутника, который снова задремал рядом...

Тридцать пять лет назад восьмилетний мальчик, сидящий на открытой платформе эшелона, вывозящего людей из разрушенного землетрясением Ашхабада, едва ли мог предположить, что будет когда-то бок о бок сидеть с героем своей любимой книжки, с Травкой, живым, правда, сильно изменившимся и уже давным-давно не мальчиком...

На ночь эшелон останавливали прямо в пустыне. Из саксаула и сухой травы разжигались большие костры, и все эвакуированные жарили батат и открывали банки с баклажанной икрой — этим единообразным пайком беженцам...

Запах жареного батата я помню до сих пор так же отчетливо, как голос моей матери, звавшей меня, когда они с отцом откапывали меня из-под развалин нашего обрушившегося дома. Меня спас толстый текинский ковер ручной работы, сползший со стены вместе со штукатуркой.

При свете саксаулового костра, овеваемый запахами жареного батата, который запросто именовался мартошкой, я дочитывал «Приключения Травки» — единственную книгу, которую я сумел вытащить из-под развалин дома. Потом и эти развалины были придавлены рухнувшей позже глухой стеной соседнего драмтеатра, кстати, имени Пушкина. Нашего тогдашнего дома не стало. У нас было потом множество разных жилищ, в том числе и тот, последний наш дом у дороги, где когда-то проезжал Пушкин.

От костров доносились смех и плач. Многие потеряли близких там, в мгновенно уничтоженном городе, в его пыльных руинах и пожарах, бушевавших еще несколько дней... Многие говорили об атомной бомбе, о том, что первая мысль после катастрофы возникала именно о бомбе, что было вполне резонно: шла холодная война, и нам беспрерывно грозили.

Как я мечтал быть Травкой! Я мечтал пойти в зоопарк, заблудиться, как он, в метро, есть эскимо на бульваре... Я не знал, что такое эскимо, что такое зоопарк и бульвар, — я многого не знал и не поверил бы в то время, если б узнал, насколько интереснее было бы настоящему затравленному московскому Травке быть мной, мальчиком после землетрясения, едущем на открытой платформе через пустыню и читающем книгу при свете саксаулового костра, мальчиком, овеваемым сытным запахом сладковатой чужеземной мартошки.

Я посмотрел на своего спутника, на его совершенно белую, коротко остриженную голову, и мне стало нестерпимо его жалко, но жалко в общем-то не его, человека, вполне преуспевающего, а его возраста, его большой и сложной жизни, подвигающейся к тому, что не остановить, не оградить ника-

---

ким душевным порывом... Мой спутник, видимо, почувствовал взгляд и вопросительно поглядел на меня.

— Скажите, что такое шуан?

— Однако же... Вы, часом, не стихи ли сочиняете, батенька? Шуан, это, грубо говоря, контрреволюционер... Солдат европейских монархий... Что еще?

— Дантес... Когда он умер?

— Дантес умер в городе Сульце поздней осенью 1895 года, прожив 83 года... Геккерн, кстати, прожил 94... Живучи были, подлецы...

* * *

Снег бесконечно летел навстречу, слабые тени Чингизских гор едва угадывались за окном, и опять захотелось заглянуть за временные границы, переселившись воображением в такую же снежную осень 1895 года, год смерти убийцы Пушкина, поискать какие-то опорные точки.

Поздней осенью 1895 года Лев Толстой писал «Воскресение».

Владимиру Ульянову было 25 лет.

Тургенев и Достоевский уже умерли.

Попов испытал свой аппарат, прототип радио.

Немецкий торговец дикими зверьями Карл Гагенбек, прогорев с животными, осваивал новое прибыльное дело: «этнографические» выставки. В тот год в Берлине показывали калмыков. Живые люди со своим скарбом, с верблюдами, детьми, юртами, были выставлены на обозрение обожравшейся зрелищами публике...

Калмыки... Судьба этого народа вплотную соприкасается с судьбой казахского народа. И абаевский род тобыкты кочевал как раз на прежних землях калмыков, переселённых Татищевым за Волгу на Чёрные земли. Этноним «калмыки» прочно запал в лексикон и память Пушкина, и он не раз путал, а вернее, поддавался инерции речи, называя калмыками и казахов, и некоторые кавказские народы.

Поздней осенью 1895 года, когда далеко на западе в городе Сульце умирал престарелый Дантес, здесь, в Чингизских горах, в небогатой юрте, освещаемой огарком свечи, тучный, задыхающийся, пятидесятилетний Абай прощался со своей молодостью и надеждами.

В этом году в Верном умер от костного туберкулеза его двадцатичетырехлетний сын Абдрахман, блестящий артиллерийский офицер, опора, радость, мечта отца.

Справа налево беглой арабской вязью Абай записывал страшные строки, рожденные одиночеством, горем, непони-

---

манием, — трагические стихи, — упрек и стон уже сомневающейся в своем предназначении души:

*Детство ли, юность ли вспыхнут впотьмах,
Там, у начала дороги, —
Всё уж не ярко в усталых глазах
Старости, что на пороге.
Что же ты понял и что ты постиг
В горестях белого света?
Не в пустоту ли срывался твой крик,
В даль, без ответа?
Или на привязи лет, словно зверь,
Только и бился в закрытую дверь?..*

Такие стихи могли бы стать беспощадным упреком и иной стране, и иному времени...

* * *

Я никак не могу увезти в своем воображении Пушкина с места моей родины. Как медленно перепрягают лошадей, как долго и нудно бранится с ямщиками во дворе пьяный Ипполит! Он опять тайком хлебнул хозяйского вина и шумит, создавая видимость усердия и рвения.

«Одно меня сокрушает: человек мой. Вообрази себе тип московского канцеляриста, глуп, говорлив, через день пьян, ест мои холодные дорожные рябчики, пьет мою мадеру, портит мои книги и по станциям называет меня то графом, то генералом...» — сетовал Пушкин в своем письме жене от 19 сентября уже из Оренбурга.

Коляска перепряжена, пора ехать... А хороши здесь лошади — киргизские кони!

Через пятьдесят лет сюда будет приезжать за лошадьми Лев Толстой, и местная ежегодная Петропавловская ярмарка будет регулярно пополнять конюшни его богатого самарского имения.

А еще через семьдесят пять лет снесут бульдозерами и величественный Петропавловский собор перед базарной площадью, поставив на его месте унылую железобетонную коробку, которую кощунственно назовут кинотеатр «Березка»...

Станционный смотритель медленно переписывает подорожную гостя в почтовую книгу, Пушкин вяло жует копченого рябчика, прихлебывает мадеру, смотрит в окно и, наверное, с грустью думает, что еще и до места не доехал, а уже так надоела эта скучная дорога, пыль, эти пустынные и убогие места... Осень за окном сера, и вся краса ее прощальная —

разве только вон в том рыжем деревце у забора да в белесом небе с облаком шинельного цвета... Это не оно ли осыпалось давеча крупой снеговой?... Не начались бы дожди... Нечего тут клопов присиживать, пора, пора, пора ехать...

* * *

— Пора бы приехать, — недовольно проговорил мой спутник. За окном снега уже не было, мы наконец-то обогнали ненастье, и автобус теперь мчался уже в бесснежной тьме, едва раздвигая ее перед собой двумя пучками света.

— Ну, и как, додумали свою извечную русскую думу? — спросил меня мой спутник, намереваясь, видимо, затеять какой-либо интересный разговор.

— Какую думу?

— О Пушкине, конечно, о Пушкине.

— Нет... Этого, наверное, не додумать... Знаете, я даже не могу его представить... Живого... Так, какие-то зыбкие отделимости, штришки... неподвижный муляж... А вы?

— Я? Я раньше мог... Вернее, осмеливался его представить... А теперь... Видите ли, чем больше начинаешь знать о предмете своей любви, тем уже границы воображения, тем трудней представить себе родное... Как бы вам поточнее... Обогащаясь знаниями, обретаешь и ответственность за истину, а ответственность требует всё больших знаний... Безвыходный круг...

— А Тынянов? А Матвеевские портреты? А Анна Ахматова, наконец?

— Всё это личностные преломления... По мере сил, по мере таланта... Иногда очень убедительные, порою — гениальные преломления-догадки, но всё равно — не реальность... Всё это — их Пушкины. А Пушкиных на земле ровно столько, сколько русских... К сожалению, Пушкин большинства — это учебниковый, тот, что проходили, за которого получали двойки и пятерки... Царь, Дантес, Наталья Николаевна, друзья-декабристы... Ну, еще ленивый Дельвиг, импульсивный Кюхельбеккер, любимая няня... Вьюга мглою небо кроет, пора, мой друг, пора... Этот хрестоматийный Пушкин никогда не матерился, избави Бог, не пил вина, не волочился без конца за женщинами всех возрастов и сословий... Хотя их у него, по его же скромным подсчетам, было 113, не для досужих сплетен будь сказано...

— Перегнули!

— Не более чем сам Пушкин, не более... Да поймите же, наконец, ведь Пушкин был живой, из плоти и духа, вот как вы, как я... Вот потрогайте себя, вы живой? Ну, точно такой

же был и Пушкин... А это как раз и самое труднопредставимое... Кстати, вы сами что получали по Пушкину, пятерки, небось?..

Я не ответил. Опершись о сиденье, я смотрел вперед, через плечо шофера в то пространство, которое мы пересекали уже давно-давно, почти всю жизнь. И где-то там, в начале жизни, возник опять тот запыленный азиатский городок с полуденными криками ишаков, с мутными арыками, дувалами с вмазанным поверху битым стеклом, которое блестело и сияло в азиатском солнце так, что больно было смотреть.

Нас, эвакуированных после землетрясения детей, в новой школе звали травмированными. С нами нянчились, прощали шалости, не ставили двоек. Но этой нашей исключительности не могли нам простить наши сверстники, аборигены этой школы. Они звали нас обидно и беспощадно — «трахнутыми» и щедро возмещали на наших загрявках всю свою неисклочительность.

Террор прекратился тогда, когда в школу прибыла еще одна группа эвакуированных детей, из госпиталей и больниц. Некоторые были еще в повязках, и это совершенно ошеломило старожилов школы, наглядно, простыми и грубыми средствами представив им истину...

Рядом с этим небольшим городком, в пустыне, разворачивалось в те годы грандиозное строительство сверхканала. Было много шума, пропаганды, но потом всё это как-то заглохло, переиначилось, отодвинулось, чтобы спустя десяток лет вновь возникнуть, но уже без трескотни и помпы, по-деловому, — и воплотиться-таки в тот самый канал, который сейчас подошёл уже к самому Каспию.

В разгар той шумихи в городке, в числе десятков корреспондентов, набивал руку на ура-репортажах и молодой двадцатипятилетний газетчик, впервые вкушающий неблагодарный репортёрский хлеб. Наши пути скрестились на мгновение, пути травмированного землетрясением мальчика и прототипа Травки, уже порядочно повзрослевшего и почти забывшего о ненавистном герое...

Вполне возможно, мы встретились и физически. Я тогда начинал курить и на всю жизнь запомнил крепкий подзатыльник молодого, носатого, высокого мужчины с густой черной шевелюрой, который вырвал у меня изо рта окурки и с возмущением растоптал его. Это было у дверей областной газеты...

Чем больше я вглядываюсь в ту искорку памяти, высветившую мне лицо случайного прохожего на улице азиатского городка, тем более я утверждаюсь в том, что это был мой

теперешний спутник. Я никогда не расскажу ему о своей догадке, да он и не поверит, а мне будет стыдно...

По вечерам у окна, притенённого огромным тутовым деревом, я зубрил Пушкина. Ненавистные стихи были тяжелы и непонятны:

*Октябрь уж наступил — уж роща отряхает
Последние листья с нагих своих ветвей;
Дохнул осенний хлад — дорога промерзает,
Журча еще бежит за мельницу ручей...*

Ишаки ошипывали верблюжью колючку под дувалом, в длинном полосатом халате шел куда-то старый туркмен с двумя дынями под мышкой, гремели лягушки в арыках, и стихи, заданные к завтрашнему, совершенно не влезали в этот мир, они были абсолютно чуждыми и издевательски косноязычными:

*Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы...*

Страждут озими — это было выше понимания и казалось, что это вообще не по-русски...

По Пушкину я никогда не имел даже четверок, а двоек нам, травмированным, в тот год не ставили...

Сейчас-то я знаю, сколько музыки, гармонии и бесконечного подтекста таят в себе эти изумительные по чистоте стихи, и какой это праздник, перечитывать Пушкина... Сейчас я знаю еще, что «Осень» он написал сразу по приезду из Оренбуржья, в свою вторую болдинскую осень, такую же плодотворную, как первую... Мало того, догадываюсь, почему эпитафия к «Осени» — «Чего в мой, дремлющий тогда не входит ум?» — взят именно державинский. Тень предшественника сопровождала Пушкина всю жизнь, и особо остро он почувствовал присутствие этой тени здесь, в оренбургских степях, где когда-то умирал пугачевцев и сам Державин. Где-то недалеко от Мальковки Державин повесил двух мужиков и «высек плетями всю деревню». Пушкин даже записал в примечаниях к «Истории Пугачева»: «И.И. Дмитриев утверждал, что Державин повесил сих двух мужиков более из поэтического любопытства, нежели из настоящей необходимости...»

Здесь, на подъезде к городку моей родины, той крепостцы,

из которой я постараюсь всё-таки в своем воображении увезти Пушкина, неподалеку находилось и бывшее имение Державиных, сейчас большое село, до сих пор сохранившее свое название. Тракт на Оренбург проходил мимо самого имения, и Пушкин, проезжая мимо, не мог не ощутить и еще одного толчка памяти и, может быть, мысли о странной связи и движении судеб...

* * *

Мой Пушкин, наконец, садится в коляску, втягивает за собой полы плаща и быстро захлопывает дверцу. Ворчит что-то про себя Ипполит на переднем сиденье, упаковывая и подвязывая корзины, щелкает бич ямщика, коляска трогается. Сытые свежие кони потянули сразу и сильно, и тройка с разворота вынеслась со двора на тракт.

А дальше...

Я хочу предельно растянуть этот момент своего воображения, эти пять минут, потому что они самые важные для меня.

Сейчас коляска спустится в суходол, потом вновь поднимется.

Пушкин бегло скользнет взглядом по крестам слева от дороги и по маленькой часовенке привычного сельского погоста...

На этом кладбище через 140 лет будет похоронена моя мама...

А немного дальше и уже справа Пушкин мимоходом приметит бугор, заросший степным терновником и иван-чаем, побуревшим и сухим уже...

Здесь будет стоять наш дом, последнее пристанище нашей разрушенной семьи... Дом моей родины...

И еще мне хочется, чтобы Пушкин, оторвавшись от созерцания скучной степной местности, вдруг почувствовал бы непреодолимое желание писать.

Мне хочется, чтобы именно здесь он записал бы в дорожный альбом стихотворение, которое останется помеченным: «1833, дорога, сентябрь»:

*Когда б не смутное влеченье
Чего-то жаждающей души,
Я здесь остался б — наслажденье
Вкушать в неведомой тиши:
Забыл бы всех желаний трепет,
Мечтою б целый мир назвал —
И всё бы слушал этот лепет,
Всё б эти ножки целовал...*

Больше у Пушкина не было ничего, помеченного: «дорога, сентябрь». И не об этом ли стихотворении напишет поэт жене своей из Оренбурга спустя три дня, 19 сентября: «А уж чувствую, что дурь на меня находит — и в коляске сочиняю...»

Но почему мне кажется или хочется, чтобы это стихотворение написано бы именно здесь, возле маленькой ничтожной крепости, затерянной в диких степях? А это — как раз полпути между Симбирском, где у Пушкина были неприятности в дороге (пришлось возвращаться и ехать другим путем), и Оренбургом, где его ждала большая работа по сбору пугачевских материалов, где его ждал В. Даль, поездка в Берды и Уральск, и где, естественно, было не до сочинительства.

16 сентября — это как раз абсолютное психологическое зависание, точка наибольшего освобождения от предыдущих забот и без надвигающихся будущих.

Степь, неведомая тишь и глушь, печальное вопрошающее безвременье...

* * *

Мы, кажется, подъезжали. Вдали за холмами разливалось понизу зарево еще невидимого города; автобус оживился, послышались разговоры. Мой спутник тоже несколько взбодрился и был уже весь внутренне там, в своём кабинете, у своего стола, в своей работе, которой у него накапливалось всегда, как он выражался, под завязку... Ну а пути-дороги, что ж, это обычные издержки производства, досадные пустоты, — и хорошо, если в дороге есть попутчик, и лучше, если б не надоедливый... Но у меня вертелось еще несколько вопросов, и мой спутник, видимо, почувствовав это, сам пошел навстречу:

— Вы всё еще с Пушкиным?

— Да... Как вы думаете, что было основным у Пушкина в жизни? Не просто основным, а внутренне непреходящим?

— Ого! — Так прямо и сказать?... Хотя, что ж... Грубо говоря — стремление к покою и воле. Покой и воля — это же хрестоматийно, об этом он беспрерывно писал и сам...

— Но, может быть, это так, дань настроениям?

— Что ж, давайте проследим, это несложно...

Мой спутник знакомо насупился, несколько склонил свою небольшую седую голову, и мне в который раз показалось, что он вновь что-то включает и перелистывает в себе, и вновь подумалось, какой это безупречный и прекрасно отрегулированный аппарат — его голова, как великолепно всё там устроено и налажено...

— Вот, «К другу стихотворцу»... Заметьте, Пушкину всего 15 лет:

*Быть славным — хорошо,
Спокойным — лучше вдвое...*

Конечно, здесь еще перепевы, юношество, но мысль не уходит:

*Не лучше ли в деревне дальней
Или в смиренном городке,
Вдали столиц, забот и грома
Укрыться в мирном уголке...*

Это «Послание к Юдину», тоже юношество... А вот Пушкину уже 20 и его знаменитое:

*Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...*

Можно цитировать бесконечно... Вспомните, пожалуйста, «Узника», «Не дай мне бог сойти с ума», ну, наконец, «Пора, мой друг, пора...» Я не знаю, исследовал ли кто-нибудь пушкинскую тему убегания, наверняка кто-то и копошился уже в этом, но мне кажется, это — основная тема Пушкина, не внешняя, а внутренняя, даже подспудная, и она постоянно пробивалась у него, иногда даже вопреки желанию...

— Вы не упомянули еще стихотворение «Калмычке»...

— Ах, да, конечно же:

*...не все ль одно и то же:
Забыться праздною душой
В блестящей зале, модной ложе
Или в кибитке кочевой?*

— Или в кибитке кочевой, — невольно повторил я и спросил: — Как вы думаете, если бы перед Пушкиным стоял пример Абая, не усомнился ли бы он в верности своего стремления?

Мой спутник поморщился:

— Ну что вы опять тасуете время, это не вполне корректно... Абай жил на своем месте и в своем времени, но вообще это явление, можно сказать, загадочное... Каким же духом надо было обладать, чтобы здесь, в абсолютной глуши, почти в полном духовном и творческом одиночестве, — бороться,

---

творить, мало того, экспериментировать... Поставь сейчас наших поэтов в подобные условия, то есть — не плати им гонораров, не издавай их, не печатай, не давай им общаться друг с другом, — да они едва ли не поголовно прекратят всякое творчество, сдадут машинки в комиссионки и пойдут трудиться в конторы... Вообще, повторяю, вопросы странные... Ну как можно перекраивать временные границы, да еще так произвольно?

— Да, конечно... Но, простите, еще вопрос... Где написано Пушкиным «Когда б не смутное влеченье...»?

— Пушкин подписал это довольно точно: «сентябрь, дорога»... А вот где?.. Сам я думаю, вернее, мне хотелось бы, — по дороге из Уральска в Болдино, то есть — на казахстанской земле... Хочется, чтобы хоть одно стихотворение Пушкин написал здесь, в Казахстане... Но это мое, так сказать, личное желание, я ведь патриот этого края... А вы думаете иначе?

— Я думаю, эти стихи написаны несколько ранее...

— Ну, что ж! Останемся каждый со своим... Все равно, наверное, ничего уже не докажешь...

Мы подъезжали. Горизонт весь был в зареве большого гора. Зареве мерцало, переливалось, и общий, волнующийся свет постепенно дробился на отдельные. Из размытого светового облака воспаряли точечные множества, и каждое было огнем.

Когда дорога поворачивала, начинали кружить и разворачиваться и эти огни; они выскакивали, заслоняли на мгновение друг друга; иногда одни светили ярче других — двойным, тройным светом, иногда гасли совсем.

Где-то над этим светящимся, колеблющимся маревом, в зыбкой дымке улетала вдаль от меня коляска Пушкина, и два мальчика бежали вслед за ней, может, это были Травка и мальчик после землетрясения...

Сквозящим ветром выдувалась из-под ног их почти невидимая пыль, незаметно застилая дали, видения, их самих...

И никогда б ничего б не разглядеть в этой мгле, в этом бесчисленном туманном облетании множеств, хаотично перечеркнутом миллионами непредсказуемых пересечений, *когда б не смутное влеченье*, когда б не горячая, пронзительная надежда и вера в то, что все эти пересечения не случайны и что мы живы именно тем лишь, что бесконечно сталкиваемся и пересекаемся друг с другом.

ДРЕЙФ К МАЙДАНУ

К сожалению, государство не услышало сигнала, данного обществом на протестных акциях 26 марта и на забастовках дальнотбойщиков. Более того — многие патриоты России увидели в них лишь очередные происки американского империализма. Конечно, происки никуда не денутся: если не бить по шаловливым ручонкам, они будут шарить далеко не только в ваших карманах, а их задачи по ликвидации России никто не отменял: если 2% населения мира владеют 20% ресурсов и притом еще и плохо ими управляют, попытки раскулачивания неизбежны.

Однако враждебное воздействие постоянно: оно называется «глобальная конкуренция». Распад Советского Союза показал даже самым тупым: если вы прекращаете войну (даже холодную) в одностороннем порядке, ее отнюдь не прекращают против вас. Так и сейчас — отказ России от системной активной внешней политики не означает, что кто-то (и даже политические карлики из Прибалтики, Польши и Украины) откажется от активных действий против нас.

Но эти действия постоянны, а люди далеко не всегда подчиняются им. Причина успеха внешнего давления лежит внутри: в утрате

ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

обществом необходимого иммунитета к враждебным вирусам. Итак, 26 марта на улицы вышли от 30 до 90 тыс. человек — меньше, чем на одном проспекте Сахарова в декабре 2011, но зато в десятках городов: это максимум по охвату со времени протестов 2005 года против людоедской монетизации льгот.

В протесте участвовали самые разные группы со своими повестками дня, в том числе и враждебные к Навальному. Катализатором стало беспомощное молчание власти после его обвинений в адрес Медведева — юридически безграмотных, но вполне соответствующих сформировавшемуся общественному мнению.

Впервые были активны школьники. Ориентированное на ЕГЭ обучение, убивая способность критического мышления, сделало его легкой добычей оголтелой пропаганды в соцсетях, от пабликов-миллионников до официальных групп школ в «ВКонтакте», — и либералы-оппозиционеры вслед за админами «групп самоубийц» воспользовались, наконец, подарком либералов из власти.

Власти вели себя корректно: хотя мероприятия были согласованы только в четверти случаев, серьезных инцидентов с их стороны не было. Попытки либералов «закрепить успех» через неделю, 2 апреля, провалились с разной степенью позора. Главной причиной протеста представляется даже не столько продолжающееся уже несколько лет падение уровня жизни, агрессивно игнорируемое официальной пропагандой, сколько общая беспросветность ситуации. Огромные массы самых разных людей по разным причинам, но одинаково не видят никакой, даже теоретической возможности улучшения своего положения.

В то же время представители власти уверенно демонстрируют всё более раздражающее благополучие и, похоже, действительно воспринимают современное положение страны по принципу «остановись, мгновенье, ты прекрасно!», забывая, что тем самым отдают и себя, и страну во власть дьявола. Причина — в формировании сословного государства в предреволюционном стиле, наглухо перекрывшего социальные лифты. Его сторонниками выступают и либералы, и охотнорядцы — они конфликтуют лишь в том, кто из них будет «сверху».

Государство носит гибридный характер: если во внешней политике оно хотя бы пытается защищать национальные интересы, то социально-экономическая сфера по-прежнему полностью отдана на откуп либералам, полагающим смысл государства в служении не народу, а глобальным спекулянтам. Результат — продолжение удушения экономики искусственно созданным «денежным голодом», дикой коррупцией и произволом монополий в стиле 90-х годов. Западные санкции — ничто на фоне санкций, введенных против России

либеральным правительством Медведева и монетарными ведомствами. Россия охвачена бюрократическим параличом: инструкции пишут «эффективные менеджеры» — представители «касты господ» (ценности которой весьма ярко демонстрирует позолоченная молодежь вроде внука экс-губернатора Ишаева и пресловутой Мары Багдасарян), часто в принципе не интересующиеся реальной жизнью. Однако развитый механизм контроля вынуждает страну жить по заведомо безумным инструкциям, что крайне затрудняет, а иногда и просто запрещает созидательную деятельность как таковую.

В то же время «пересмотр» статистики, в результате чего она утратила даже признаки правдоподобия (чего стоит невозможный рост крайне инерционного грузооборота железных дорог на 11% в январе и столь же невозможное падение объемов водоснабжения и водоочистки почти на 20% в феврале), убаюкивает государство и делает его все менее адекватным. В самом деле: зачем что-то менять, если экономика якобы начала расти уже в IV квартале прошлого года, промышленность растет уверенно, а инвестиционный спад составил жалкие 0,8%?..

Разумеется, с сугубо технологической точки зрения проблемы страны могут быть решены в любой момент: достаточно начать модернизацию инфраструктуры, обеспечив ограничение финансовых спекуляций (чтобы деньги не ушли на валютный рынок), коррупции, произвола монополий, разумный (хотя бы на уровне Евросоюза) протекционизм и достаточную для человеческой жизни оплату труда.

Однако в сегодняшнем государстве некому захотеть делать это, ибо сословная система не подразумевает возможности учета мнений народа, а значит — и общенациональных интересов. В результате Россия, несмотря на все предостережения, начала медленный дрейф к майдану по чудовищному украинскому пути. Остановиться еще можно в любой момент, однако интересы наиболее значимых групп влияния, при всех различиях между собой, равно враждебны модернизации и прогрессу — как социальному, так и экономическому и технологическому. При этом система управления, ослепившая себя собственной рекламой, не в состоянии даже увидеть ничтожности и нелепости своих фиктивно-демонстративных усилий.

Государство, выбивающееся из сил в мириадах бессмысленных мелочей, еще может очнуться и осознать, что либеральная политика, разрушающая экономику и общество, может уже после президентских выборов не только обрушить страну в новую Смуту, но и уничтожить всю русскую цивилизацию.

Но для этого его, это государство, придется будить.

ЗАЩИТНИКИ ПОШЛОСТИ И ЛЖИ

К 100-летию российской катастрофы современные февраллисты решили изготовить фильм о главной фигуре того времени — о Царе Николае Втором, видимо, намереваясь изобразить его таким, чтобы оправдать катастрофу и оправдать всё страшное и незаконное, что последовало за свержением (по клеветнической версии врагов — за «добровольным отречением») самодержца. Кумир либералов режиссер Алексей Ефимович Учитель взялся выполнять партийное задание. Он призвал на свет знаковый фильм «Матильда» о высосанных из пальца мифических похождениях ныне святого царя-мученика в юности, облив грязью и его, и Россию как «страну виселиц, пьянства и блуда». Фильмом «Матильда» либералы решили справить поминки по Великой России. Чтобы зритель не сомневался: такого Царя надо было свергать. Но эту свою главную цель подловатые «учители» прячут, невинно опускают глазки и лепечут о «праве художника на вымысел», о своем неприкасаемом «праве» на творческую фантазию «творца».

Царская Семья, как справедливо считает протоиерей Георгий Городенцев, «являлась самой настоящей домашней церковью». У детей (это видно по фотографиям) поистине ангелоподобные лики. Любовь Николая Второго и его венценосной супруги Александры — это уникальный, чудный пример любви на всю жизнь, до смерти. И вот эту необыкновенную небесную любовь режиссер Учитель вознамерился опошлить, опоганить вымышленным «романом» с балериной Кшесинской, да еще и с постельными сценами, а на роль святого Царя призвать германского порноактера Ларса Айдингера, большого «специалиста» по сексу!

Миллионам зрителей подспудно подкидывается змея-мыслишка: «нечего его жалеть», нечего плакать о ритуальном убийстве в ипатьевском подвале. Ничего удивительного, что зампреда ЦК КПРФ Иван Мельников в октябре 2008 г. и без фильма одобрил убийство Царя России, его жены, 14-летнего сына и юных, ни в чем не повинных дочерей. Дескать, убивать детей — обычное дело для революционеров.

В самый разгар протестов против провокационного фильма премьер Д.А. Медведев публично, через печать, поздравил «великого» режиссера с юбилеем, даже некрутым. Но вот появилась в Интернете бьющая в десятку экспертиза профессионалов с многолетним опытом, которая убедительно доказала, что фильм действительно оскорбляет религиозные чувства верующих, что он вредоносен. И снова — вторично — своим авторитетом второго лица в стране г-н Медведев бросился на амбразуру, чтобы защитить г-на Учителя — выступил на форуме «Единой России» (где он генсек) «Культура — национальный приоритет». Как показали по ТВ, огромный зал был заполнен. Все чутко внимали главе правительства. Медведев назвал преступной критику фильма «Матильда»: «Вместо принципов, убеждений, уважения к чужому мнению и творчеству появляется *агрессия* и *нетерпимость*. И мы эту агрессию видим». И далее: «Вообще... очевидно, что такой *узкополитический* подход к культуре в нормальном современном обществе недопустим» (курсив мой. — **В.О.**).

Что ж, в «нормальном современном обществе» (очевидно, западном) уже официально запрещены понятия «отец», «мать», «мальчик», «девочка» (мол, в 18 лет дети сами определяются, быть ли им мальчиком, девочкой или еще каким гендером), в этом «прогрессивном современном обществе» процветают безбожная гендерная идеология, однополые браки, скотоложество, узаконено секспросвещение малышей и школьников. Г-н Медведев это всё хорошо знает: в начале этого года с подачи г-жи Матвиенко он подписал секулярную «Национальную стратегию действий в РФ в интересах женщин на 2017—2022 гг.». Но русским топать по такой колее немислимо и недопустимо. С таким Западом мы разошлись в разные стороны. У них левая дорога — к Люциферу, у нас правый путь — к Богу.

По Медведеву, недопустим «узкополитический подход к культуре». Но ведь у режиссера Учителя в его якобы чисто художественном произведении политика и при этом большая политика — на первом месте. Учитель морально убивает и «опускает» русского Императора, и мы при этом должны молчать? Фильм «Матильда» сделан по западному заказу. Фильм извращает и поганит наши представления о святом русском царе Николае Втором и о православной нравственности. Режиссер Учитель убеждает нас, что 23 года Россией правил порочный и отталкивающий персонаж. Дескать, всё сходится: порочный правитель и порочная страна. Критики фильма сами в отчаянии от **клеветы** на Россию, в отчаянии от **агрессии** режиссера Учителя, а не наоборот, т.к. Учитель **при поддержке властей** победоносно наступает на русскую историю.

Телеканал «Россия 24» сразу же этим воспользовался и протрезвонил на всю страну: «Медведев осадил Поклонскую!»

Депутат Н.В. Поклонская направила генеральному прокурору высокопрофессиональную экспертизу на клеветнический и оскорбительный фильм «Матильда». Экспертиза настолько была убедительна, что команде Учителя пришлось вызывать на подмогу мощный административный ресурс — премьер-министра страны. И премьер, верный и убежденный западник (отказавшийся выручать нашего союзника Каддафи с помощью права вето в ООН) бросился ему на помощь. А Министерство культуры тут же заявило, что читать экспертизу «от Поклонской» не будет. Первый замминистра культуры Владимир Аристархов сказал: «Оно (экспертное заключение. — В.О.) сделано, не видя фильма». Считая, наверное, что в фильме всё не так, как в сценарии и в видеороликах. Но когда фильм будет запущен на телевидение и в кинотеатры, нашей подвижнице Наталье Владимировне Поклонской они же скажут: «Опоздали. Надо было раньше представлять экспертизу. Плохо заботитесь о нравственности. А теперь поезд ушел!»

Опекуны Учителя с порога отвергают отрицательную экспертизу. Они отвергнут ее и после просмотра фильма экспертами. Пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков тоже склоняется к оценке Медведева и Аристархова. Возможно, и ему шеф сказал нечто подобное о «Николае Кровавом».

Итак, возникла любопытная ситуация. Весь либеральный бомонд, секулярные СМИ, Министерство культуры и сам премьер встали в железобетонную позицию, оправдывая и защищая антиправославный и русофобский фильм «Матильда». А Дмитрий Анатольевич делает вид, что это почвенники, «православные радикалы» проявляют агрессию и нетерпимость. Премьер полагает, что критики фильма — «просоветчики» — хотят вернуть нас «во времена, когда культура жестко регламентировалась сверху».

В наших кинотеатрах, на государственном телевидении, в театрах региональных центров — тьма низкопробной похабщины и порнопьес. Но часто ли «агрессивные» критики докучают мастерам искусств? Наоборот, как правило, к этому все привыкли и все молчат. В ночь на 29 апреля на телешоу «Место встречи» ведущий Норкин позабыл многомиллионную аудиторию «шуткой» о приключениях на известной части тела. Все дружно смеялись. И в центральных, подконтрольных правительству СМИ нет ни слова о многочисленных фактах растления молодежи и пошлости в «творчестве» неприкасаемых либеральных мастеров, подобных г-ну Учителю.

Людмила САТАРОВА,
доктор филологических наук
Наталья СТЮФЛЯЕВА,
кандидат филологических наук

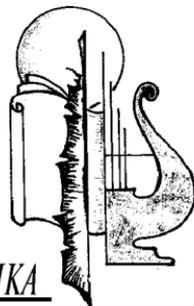
СВОБОДА БЕЗ КРЕСТА

*(О революции в романах М.А. Шолохова
«Тихий Дон» и «Поднятая целина»)*

После февральского переворота и вынужденного отречения Российского Самодержца в донском гимне, который цитируется в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон», было заменено всего одно слово. Накануне Первой мировой войны в казачьей среде наиболее часто звучали следующие строки:

*Всколыхнулся, взволновался
Православный тихий Дон,
И послушно отозвался
На призыв Монарха он.*

После свержения Императора в гимне слово «Монарх» было заменено на «свободу». Так символично, знаково поменялась, а вернее сказать, переменялась система ценностей, которая стоила казачеству самого существования. Но смена парадигмы, как показано в гениальном творении М.А. Шолохова, отнюдь не была одномоментной или тем более случайной. Гибридная война против России, о ко-

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

торой так много говорят сегодня, началась даже не двести лет назад, а гораздо раньше (об этом со знанием дела написал П.Н. Краснов в своих очерках «Картины былого тихого Дона» и других произведениях).

Чтобы довести народ до отрицания власти Божиего Помазанника, врагам надо было веками подтачивать основы жизни казачьей общины. Роман «Тихий Дон» с этого и начинается. Появление турчанки в хуторе Татарском вызывает и первое пролитие крови между своими же братьями-казаками (неслучайно по церковным канонам брак между иноверцами не благословлялся). Если вспомнить произведения на эту тему, то пророческое значение романа «Тихий Дон» и русской литературы в целом еще более возрастает. В истории любви Стеньки Разина и персидской княжны, которая по-настоящему завладела сердцем атамана, эта страсть, если бы продлилась, могла бы привести к непредсказуемым последствиям. Как пишет донской писатель И.Родионов, казаки были на грани бунта против своего атамана, поскольку почувствовали пагубность чужеродного влияния. Разин сумел избавиться от страсти, но после гибели княжны был уже сломленным человеком.

Еще более выразительно дана эта картина сеяния семени разделения в «Тарасе Бульбе» Н.В. Гоголя. Даже прекрасная полячка (данная без имени) пытается остеречь Андрия от предательства, но оно уже глубоко укоренилось в его душе. Бунт Андрия — уже богоборческий, когда он дерзко бросает: «Кто сказал, что моя отчизна — Украина? Кто дал мне ее в отчизны?» В результате кровь проливается и в этой повести: отец убивает сына-Иуду.

А что же в «Тихом Доне»? Первое пролитие крови, когда брат убивает брата, совершается задолго до революции. Жизнь без Креста еще не воспевается в песнях, но она становится обыденной формой существования. Смысл бытия как борьбы, «невидимой брани» с собственными страстями уже утрачен казаками тихого Дона. Автор обнажает это с беспощадным, «свирепым» реализмом: «Прокофий раскидал шестерых казаков, вломившись в горницу, сорвал со стены шашку. Кружа над головою мерцающую взвизгивающую шашку, Прокофий сбежал с крыльца. Толпа дрогнула и рассыпалась по двору.

У амбара Прокофий настиг тяжелого в беге батарейца Люшню и сзади, с левого плеча наискось, развалил его до пояса».

Сюжеты, приведенные нами, имеют общие библейские корни: еще Царь Соломон под влиянием многочисленных жен

и наложниц стал поклоняться их идолам вместо единого Бога. В романе М.А. Шолохова борьба Аксиньи и Натальи за обладание Григорием принадлежит этому же ряду, когда на весах взвешиваются две прямо противоположные модели поведения человека: верность традиционным семейным ценностям и жизнь по стихиям мира сего. Свобода, понимаемая как своеволие, переворачивает всю жизнь казаков с ног на голову. Григорий бросает землю, уходит в батраки, становится наемником. Аксинья на вольных хлебах превращается в любовницу Листницкого. Кульминацией первой книги становится месть Григория обидчику. Избиение Листницкого — это плод учения Гаранжи, которое проникнуто ненавистью к «угнетателям» и жаждой крови. Уровень преступления заповедей нарастает, заводя героев в тупик. Так, Бунчук, убивший без суда своего же офицера Калмыкова, уверенный в своем праве «вязать и решить», вдруг сталкивается с проблемой в ревтрибунале: революция убивает простых тружеников, ради которых и затевалась «великая бескровная».

Свобода без креста — путь в пропасть: «Одного начал развязывать... тронул его руку, а она, как подошва... черствая... Проросла сплошными мозолями... Черная ладонь, порепалась... вся в ссадинах... в буграх...» Подтелковцы убивают чернецовцев, белые на Пасху казнят самих подтелковцев. Сотни и тысячи смертей, бесконечное насилие развивается совсем по Блоку: «Свобода, свобода, / Эх, эх, без креста!»

В третьей книге убиваются не только революционные матросы на донской земле, но и беззащитный, безоружный праведник — дед Гришака, свой брат-казак. В четвертой книге апофеозом революционного насилия является эпизод с бандой Фомина, в котором учат дурачка рубить людей — пленных: «Григорий шел к своим лошадям, стоявшим у коновязи, но, увидев в стороне густую толпу, направил туда. **Взрыв хохота** заставил его ускорить шаг, а затем в наступившей тишине он услышал чей-то поучающий, рассудительный голос:

— Да не так же, Паша! Кто так рубит? Так дрова можно рубить, а не человека. Надо вот так, понял? Поймаешь — и сразу приказывай ему становиться на колени, а то стоячего тебе рубить будет неспособно... Станет он на колени, а ты вот так, сзади и секани его по шее. Норови не прямо рубить, а с потягом на себя, чтобы лезвие резало, шло насквозь...»

Проблемой свободы и человеческого своеволия романы «Тихий Дон» и «Поднятая целина» органично связаны друг с другом. К сожалению, роман М.А. Шолохова «Поднятая целина» вот уже несколько десятилетий как исключен из

школьной программы по литературе. Но справедливо ли? На заре перестройки появился ряд публикаций, в которых развенчивалось это талантливейшее и правдивейшее произведение о коллективизации. Остановимся на некоторых из них, показательных для постсоветской эпохи. В 1988 году в журнале «Русский язык и литература в средних учебных заведениях УССР» публикуется статья Г.М. Ребель «Предостережение (опыт прочтения романа «Поднятая целина»)». В ней в соответствии с духом времени в очередной раз бичевался и проклинался Сталин и его политика в деревне, которая определялась как безусловное зло для нашей страны. Автор статьи, которая, заметим, любит творчество Шолохова, предложила новый подход в трактовке конфликта и сюжетно-композиционной структуры «Поднятой целины». По ее мнению, линия Давыдов—Половцев выражает только внешнюю сторону содержания романа, его фабулу. А основной сюжет спрятан внутри позиций тех членов партии, которые затеяли и проводили переворот в деревне. В чём же не согласен, например, Макар Нагульнов со Сталиным? Г.М. Ребель констатирует: *«Может быть, ошибок своих несомненных признавать не хочет? Да нет, с этим у него всё в порядке: «— Я согласен с тем, что влево загибал с курами и с прочей живностью...» Неприятие, протест Нагульнова вызваны совсем другим, действительно очень серьёзным поводом. Ошибки, допущенные местными руководителями по неведению, неопытности, от излишнего рвения, а большей частью — из-за порочности самих установок, в статье Сталина квалифицируются как действия, ведущие «к усилению наших врагов, а авторы этих искривлений», оказывается, «льют воду на мельницу правого оппортунизма». Не справедливая критика, а эта еще только нарождающаяся, но вскоре приобретающая зловещие масштабы тенденция навешивания ярлыков и поиска козлов отпущения и вызывает справедливое негодование Нагульнова».*

Так выглядит ситуация с коллективизацией на Дону в статье исследовательницы. Но так ли это было на самом деле? Письма М.А. Шолохова к Сталину говорят об обратном. Именно местные партийные чиновники, горящие желанием отомстить казакам за их упорное сопротивление «раскалыванию» в годы гражданской войны, устроили из коллективизации настоящую бойню, которая превзошла жестокость и «перегибы» красноармейцев эпохи военного коммунизма. Убийства, изощренные пытки, издевательства, которые в конце концов привели к массовому голоду на тихом Дону, грозили навсегда уничтожить этот край русской воинской славы. И если бы не вмешательство Сталина, на кото-

---

рое его подвигли письма автора «Тихого Дона», не было бы сейчас той колыбели казачества, на основе которой стало возможным его современное возрождение.

Голодомор, о котором так любят говорить на Украине, был не менее свирепым и кровавым в самом сердце России. Сталин выделил зерно голодающим на Дону, но зададимся вопросом: а почему коллективизация крестьянских и казачьих хозяйств должна была вестись «ударными» темпами? Может быть, потому что Сталин и его приспешники были просто некомпетентными людьми, фанатиками марксистско-ленинской идеологии? Но этот тезис опровергнут временем: доказано, что у большевиков во главе со Сталиным просто не было другого выхода. Их загнал в тупик Запад, который потребовал от Советского Союза очень дорогую плату за станки и новейшие производственные технологии: не золото, а зерно, которое взять у единоличников было невозможно, а у колхозов — гораздо проще. И если бы не было ускоренной коллективизации, то не было бы у нас и промышленного прорыва, а стало быть, и Победы в Великой Отечественной войне. Таким образом, русское казачество и крестьянство в очередной раз принесли **кровавую жертву** на алтарь Отечества, но виноват в этом далеко не только один Сталин. М.А. Шолохов понимал это, позже он скажет: «Был культ, но была и личность».

Современный контекст понимания романа «Поднятая целина» позволяет прояснить очень важные моменты в нашей истории, избавиться от многочисленных клише, которые формируют клиповое сознание молодого поколения, начиная со школьной скамьи. Современные студенты и школьники, «благодаря» исчезновению «Поднятой целины» из программы, совершенно лишены подлинного понимания того, что происходило в стране в 30-е годы XX века.

Но и сам роман, конечно же, нуждается в новом прочтении, причем не только с точки зрения исторической правды. М.А. Шолохов не был бы великим художником, если бы создал свой роман исключительно на злобу и потребу дня. В «Поднятой целине» заложены вечные символы и смыслы, которые ждут своей адекватной интерпретации. Разумеется, на этом пути было сделано немало попыток, в том числе и в советском шолоховедении. Однако этот накопленный багаж, обладающий несомненным научным потенциалом, в наше время практически не востребован, поскольку само произведение М.А. Шолохова, по мнению либеральных идеологов, подлежит забвению. Всё не так просто, ведь даже в исследовании одного известного ученого мы читаем следующее:

«Здесь уже соцреализм предстает во всей канонической чистоте... Партия (хуторская ячейка) руководит строительством светлого будущего, классовые враги, как и положено, пренебрегают, но новое в трудной борьбе побеждает, пусть и дорогой ценой, растет социалистическое самосознание трудящихся масс... и так далее. Всё описано с такой правдоподобной естественностью, что трудно догадаться о лжи, положенной в самую основу всех событий.

Ложь уже в том, что трагедия коллективизации преподносится как исторический прогресс, как борьба за народное счастье. Или: нет у автора и тени сомнения, что рабочий-двадцатипятилетний Давыдов и впрямь может лучше организовать сельскохозяйственное производство, чем те мужики, которые выросли на земле: у него же классовое передовое сознание... Так ведь больше ничего. А для земли этого недостаточно».

Однако в среде видных православных деятелей рубежа XX—XXI веков нашлись чуткие души, которые разглядели христианский смысл и в образах коммунистов на страницах романа М.А. Шолохова. Отец Димитрий Дудко, протоиерей и член Союза писателей России, написал следующее:

«Я для себя открыл Шолохова, то есть я давно его знал и любил, не верил тому, как клеветали на него, но теперь отчетливо увидел, какой это большой писатель, более того, писатель религиозный.

Я решил все перечитать у Шолохова, начал с «Поднятой целины», и на этом произведении я всё увидел. Больше всего напали на это, и именно это произведение показывает, что Шолохов — религиозный писатель...

...Шолохова нельзя обвинять в предвзятости, в нелюбви. У коммунистов он находит человеческие чувства, у белогвардейцев тоже и заставляет читателя пожалеть тех и других, заносится меч, и тут же дети останавливают этот меч.

О Шолохове надо писать всё заново, мы его не понимали. Меня особенно поразило, с какой широтой и любовью он дает потрясающие картины, все люди у него живые, не надуманные, по его произведениям можно судить, что происходит в мире, и еще настаиваю на том, что по его произведениям можно судить о религиозной линии, проходящей в наших сердцах».

Первоначальное название романа М.А. Шолохова было: «С потом и кровью», оно изменилось не по воле автора. Образ кровавого пота как символа предельного напряжения человеческих сил восходит к Евангелию, к сюжету «моления о чаше». Накануне распятия Сын Божий молился Отцу: «Отче! О, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня!

Впрочем, не Моя воля, но Твоя да будет» (Лк. 22, 42). И со лба Его падал на землю пот, смешанный с кровью. Именно Евангелие, уникальный пример Иисуса Христа, добровольно идущего на жертвенную смерть ради искупления человечества, являет нам пример истинной свободы выбора между Добром и злом. Смерть на кресте, когда невинная кровь Богочеловека омыла грехи всего мира, призывает христиан к той свободе, которая сливается с волей Творца и дает высшую духовную радость служения ближним. Именно этот образ должен был прикровенно освещать весь роман о коллективизации, которая явилась следствием и продолжением революции.

Идея жертвы, которую приносит казачество на алтарь государства, является сквозной в «Поднятой целине». Она реализуется на разных уровнях: мотивов, диалогов, символов, сюжетных ходов, деталей и др. Если в «Тихом Доне» дед Гришака искал ответы на вечные вопросы в Библии, то в «Поднятой целине» такой знаковой книгой становится «Камо грядеши» Г. Сенкевича, которую постоянно читает бывший белый офицер Лятевский (образ, недостаточно оцененный критикой). Лятевский — в какой-то степени продолжение образа Листницкого из «Тихого Дона», оба они — дворяне и борцы за идею и собственные привилегии. Это, однако, не отменяет того факта, что герои предельно искренне и трезво оценивают свои шансы на успех возвращения к прошлому. Судьба Листницкого трагична, он кончает самоубийством (тоже свобода без креста!), но именно ему принадлежит точная и ёмкая характеристика большевиков: «...это хуже холерных бацилл! Хуже в том отношении, что легче прилипает к человеку и внедряется в самые толщи солдатских масс. Я говорю про идею... Среди большевиков есть, несомненно, талантливые люди... есть просто фанатики, но преобладающее большинство — разнузданные, безнравственные субъекты. Тех не интересует сущность большевистского учения, а лишь возможность пограбить, уйти с фронта, они хотят прежде всего захватить власть в свои руки, на любых условиях кончить, как они выражаются, «империалистическую» войну, хотя бы даже путем сепаратного мира, — земли передать крестьянам, фабрики — рабочим. Разумеется, это столь же утопично, сколь и глупо, но подобным примитивом достигается расположение солдат».

В романе «Поднятая целина» автор «дает» в руки Лятевского роман Г. Сенкевича, где изображается эпоха первых христианских мучеников. В этом романе показывается и то семя, которое произрастает из крови погибших за Христа. Под влиянием их жертвенного стояния до смерти за Истину язычес-

---

кий мир начинает постепенно меняться. Эта надежда на Преображение присутствует и в романе М.А. Шолохова. Если рассматривать «Поднятую целину» в контексте писем М.А. Шолохова к Сталину, то мы без труда обнаружим сходство «методов» коллективизации с теми изуверскими пытками, которые представлены в романе Г.Сенкевича. Сами колхозники свидетельствовали, что в коллективизацию родная советская власть разорила их хуже, чем белые в гражданскую войну. Однако никакого восстания, которого так чаял Половцев, не последовало.

К 1930 году народ уже сделал выводы и извлек уроки из междоусобицы. Казаки так объяснили это Половцеву: «Прошедший раз слухали мы вас, как вы нам золотые горы сулили, и диву давались: уж дюже ваши посулы чижолые! Вы говорили, что, мол, союзники нам — на случай восстания — в один момент оружие примчат и всю военную справу. Наше, мол, дело только постреливать коммунистов. А пося раздумались мы, и что же оно получается? Оружие-то они привезут, это добро дешевое, но, гляди, они и сами на нашу землю слезут? А слезут, так потом с ними и не раскобекаешься! Как бы тоже не пришлось их железякой с русской землицы спихивать. Коммунисты — они нашего рода, сказать, свои природные, а энти, черт-те по-каковски гутарют, ходют гордые все, а середь зимы снегу не выпросишь, и попадешься им, так уж милости не жди!.. Мы этих союзников раскусили и поотвели! Нет уж, мы тут со своей властью как-нибудь сами помиримся, а сор из куреня нечего таскать...»

Конфликт белых и красных продолжает развиваться и в «Поднятой целине», однако взгляд на него, представленный в позиции Григория: «Ни те, ни эти не по совести», — получает существенную корректировку. Казаки отказываются вставать потому, что русская кровь льется в междоусобице напрасно. И ярчайшим подтверждением этого служит убийство Половцевым семьи Хопровых задолго до всяких восстаний и переворотов. Никита Хопров отказывается принимать участие в «Союзе освобождения Дона», решает покаяться перед властью за прошлые грехи, но именно этого ему не прощают бывшие белогвардейцы. На алтарь их неправого дела приносятся невинные жертвы, например, жена Хопрова, которая приходится **кумой** Якову Лукичу, просит о пощаде, и Островнов жалеет ее, да и у Половцева «ворохнется» мысль: «Завтра же выдаст! Но она — женщина, казачка, мне, офицеру, стыдно...» Однако он убивает ее со зверской жестокостью ради «идеи». Похожий эпизод есть и в «Тихом Доне», когда Михаил Кошевой убивает кума Петра Мелехова, а Дарья

стреляет из винтовки в своего кума Котлярова. Попраны не только кровно-родственные связи, но и духовные, установленные Церковью. Так М.А. Шолохов настойчиво подчеркивает, что кровавые жертвы приносятся бесам революции, о которых писал еще Ф.М. Достоевский. В романе «Поднятая целина» Лятевский открыто и цинично говорит об этом Островнову:

«— А зачем ты, дура этакая стоеросовая, связался с нами? Ну, спрашивается, зачем? За каким чертом? Половцеву и мне некуда деваться, мы идем на смерть... Да, на смерть! Или мы победим, хотя, знаешь ли, хамлет, шансов на победу прискорбно мало... Одна сотая процента, не больше! Но уж мы таковы, нам терять нечего, кроме цепей, как говорят коммунисты. А вот ты? Ты, по-моему, просто **жертва вечерняя**. Жить бы тебе да жить, дураку...»

Из приведенного отрывка создается впечатление, что М.А. Шолохов, вероятно, был знаком с романом И.А. Родионова «Жертвы вечерние», где известный до революции писатель, изображая гражданскую войну, называет молодых белогвардейцев цветом нации, которые усеяли своими благородными костями донские степи. Яков Лукич Островнов — один из главных героев романа М.А. Шолохова — тоже жертва: он талантливый хозяин, любящий землю и понимающий ее сокровенную жизнь. Однако он вынужден разрываться между колхозом и Половцевым, что создает определенный драматический накал в этой судьбе. Само понятие «жертвы вечерней» содержится в 140 псалме: «Да направится молитва моя как фимиам пред Тобою: воздеяние рук моих — как жертва вечерняя» (Пс. 140, 2). Блаженный Феодорит трактует это поэтическое высказывание следующим образом: «С молитвою соединил Пророк упражнение в добродетели. Ибо сие означает **воздеяние рук**; потому что руки даны нам на делание. Пророк умоляет, чтобы молитва возносилась, подобно курению фимиама, и была также благоуханна, а равно и распростертие рук уподобляется жертве вечерней. Упомянул же о жертве вечерней, а не утренней, потому что находился в бедствиях и скорбях, а бедствие подобно тьме и ночи».

Таким образом, языческая тьма, которая накрыла Россию после революции, коррелирует в сознании Лятевского не только с Библией, но и с романом Г.Сенкевича, где в кровавой схватке сходятся новое и старое понимание блага и спасения человека. Что же может остановить «красное колесо», жертвами которого становятся не только участники «Союза освобождения Дона», но и сами коммунисты — Давыдов и Нагульнов? В романе «Поднятая целина» М.А. Шолоховым

дается свой символ трагической истории России в XX веке. В известном фрагменте XIX главы первой книги противопоставлены революционная Москва и казачий хутор Гремячий Лог. Язык символов позволяет уловить тончайшее кружево философско-религиозной мысли автора, которая выводит его произведение в русло широких общенациональных обобщений:

«Отделённая от Гремячего Лога полутора тысячами километров, живет и ночью, закованная в камень, Москва: тягуче-призывно режут паровозные гудки, переборами огромной гармонии звучат автомобильные сирены, **лязгают, визжат, скрего-чут** трамваи. А за Ленинским Мавзолеем, за Кремлевской стеной, на вышнем холодном ветру, в озаренном небе трепещет и свивается полотнище красного флага. Освещенное снизу белым накалом электрического света, оно кипуче горит, струится, **как льющаяся алая кровь**. Коловертью кружит вышний ветер, поворачивает на минуту **тяжко обвисающий** флаг, и он снова взвизгивает, устремляясь концом то на запад, то на восток, пылает багровым полымем восстаний, зовет на борьбу...»

Образ столицы нового советского государства, где становится «ненужным» свет месяца и звезд, где звуки городского пейзажа явственно передают «победный» скрежет железа, венчает главный символ победы революции — красный флаг, который струится на ветру, как «льющаяся алая кровь». Трудно выразить яснее авторскую позицию. И здесь же рядом — совсем иной образ бесконечно дорогой М.А. Шолохову родной Донщины, выдержанный в контрастной стилистике:

«В Гремячем же Логу ночью стынет **тишина**. Искрятся пустынные окрестные бугры, осыпанные лебяжьим пухом молодого снега... Почти касается горизонта дышло Большой Медведицы. Черной свечой тянется к тягостно высокому черному небу раина, растущая возле сельсовета. Звенит, колдовски бормочет **родниковая струя**, стекая в речку. В текущей речной воде ты увидишь, как падают отцветившие миру звезды. Вслушайся в мнимое безмолвие ночи, и ты услышишь, друг, как заяц на кормежке гложет, скоблит ветку своими желтыми от древесного сока зубами. Под месяцем неярко светится на стволе вишни янтарный натек замерзшего клея. Сорви его и посмотри: комочек клея, будто вызревшая нетронутая слива, покрыт нежнейшим дымчатым налетом. Изредка упадет с ветки ледяная корочка — ночь укутает хрустальный звяк тишиной. Мертвенно-недвижны отростки вишневых веток с рубчатыми серыми сережками на них; зовут их ребятишки «кукушкиными слезами»... Тишина...»

В двух образах-символах Москвы и Дона представлены мир Божий и мир искусственный, но тем не менее претенду-

---

ющий на первенство и лидерство. Автор — на стороне сокровенно звучащих природных голосов, в донском пейзаже поет его душа, он поднимается до лирического пафоса, до прямого обращения к читателю, с которым вступает в открытый диалог, называя его «другом». В романе сакрализуется образ тишины как Богом данного дара вслушивания человека в самого себя. Образ тишины и созерцания вечной красоты Божьего мира противопоставлен гремящему коловертью борьбы новому социалистическому «раю». Эта идея реализуется на разных художественных уровнях романа. В частности, в развитии классического любовного треугольника: Размётнов — Марина Пояркова — Демид Молчун. Критика практически не рассматривала те смыслы, которые заложены в их отношениях. А ведь из тройки коммунистов, проводивших коллективизацию в Гремячем Логу, в живых остается только Андрей Размётнов, что совершенно оправдано. Его фигура венчает роман, следовательно, М.А. Шолохов придал герою особо важное значение.

«Любушка» Андрея — Марина Пояркова, казачка-богатырь, наделена автором не только недюжинной физической силой. Она показывает казакам пример истинной свободы выбора: «Последней в Гремячем Логу вышла из колхоза милушка Андрея Размётнова — Марина Пояркова... Что-то не клеилась у них совместная жизнь. Марина потянулась к Богу, стала богомольной, говела весь великий пост, на третьей неделе ходила каждодневно молиться в тубянскую церковь, исповедалась и причастилась. Она смиренно и молчаливо встречала упреки Андрея, на его ругню не отвечала, всё больше помалкивала, не хотела «осквернять причастие». Андрей, придя как-то поздно ночью, увидел, что в горенке горит лампадка». Андрей разрывает с Мариной, но она находит в себе силы побороть страсть к нему и выходит замуж за Демида Молчуна, который и получил свое прозвище за то, что всегда удерживал свой язык (а это считается в христианстве добродетелью). После революционных речей и поступков Размётнова брак с Демидом, наконец, принес Марине счастье. Вот как об этом пишет М.А. Шолохов:

«А Марина, как назло, всё чаще попадалась Андрею на глаза и по виду была довольна, счастлива.

Демид Молчун ворочал в ее крохотном хозяйстве, как добрый бык: в несколько дней он привел в порядок все надворные постройки, за сутки вырыл полторасаженной глубины погреб, на себе носил десятипудовые стояны и сохи... Марина обстирала, обшила его, починила бельишко, соседкам нахвалиться не могла работоспособностью Демида.

— *То-то, бабочки, он мне в хозяйстве гожий. Сила у него медвежья. За что ни возьмется — кипит у него в руках. А что молчаливый, так уж Бог с ним... Меньше ругани промеж нас будет...»*

Это и есть христианское отношение к браку, которое проявляет героиня М.А. Шолохова, изображенная автором с большой симпатией. Мотив тишины, молчания как вслушивания в самого себя начинает сопровождать Андрея Размётнова в финале произведения, когда он приходит на кладбище проведать свою покойную венчанную жену Евдокию. Именно кладбищенский умиротворяющий пейзаж завершает рассказ о коллективизации в романе. Как всегда, финал у М.А. Шолохова символичен и многозначен. Коммунист Размётнов обнаруживает веру в загробную жизнь, в бессмертие, он разговаривает со своей женой, как с живой:

«— Не по-доброму, не в аккурате соблюдаю твое последнее жилище, Евдокия... А ведь я доньше люблю тебя, моя незабудная, одна на всю мою жизнь... Видишь, всё некогда... Редко видимся... если сможешь — прости меня за всё лихо... За всё, чем обидел тебя, мертвую...»

Он долго стоял с непокрытой головой, словно прислушивался и ждал ответа, стоял не шевелясь, по-стариковски горбясь. Дул в лицо ему теплый ветер, накрапывал теплый дождь».

У Андрея есть за что просить прощение у покойной. В гражданскую войну белые казаки надругались над Евдокией, потому что ее муж воевал на стороне красных. Она не выдержала позора и повесилась. И только спустя много лет герой, наконец, осознаёт свою вину перед ней и просит простить. Знаменательно, что этот герой — именно Размётнов, который когда-то пожалел казачьих ребятишек, не стал мстить своему врагу и не захотел по этой же причине раскулачивать однохуторян. Ему принадлежит будущее, но оно — не в коловрты восстаний и непрерывной классово-вой борьбы, а в той священной кладбищенской тишине, которую обещает в романе говорящая деталь пейзажа — «последняя в этом году гроза».

Финалы двух великих романов М.А. Шолохова переключаются между собой главной христианской идеей — возможностью и желанием покаяния за совершенные грехи. И Григорий Мелехов, и Андрей Размётнов находятся на пороге новой истинно свободной жизни, которая определяется духовной природой человека, созданного Творцом.